

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 3₍₁₈₎

2001

Ежи Гедройц: МОЙ ЗАВЕТ

Мариуш Вильк: КАРЕЛЬСКАЯ ТРОПА

Гжегож Пшебинда: МИЛОЩ, ГЕРЛИНГ, КАПУСЦИНСКИЙ

Александр Липатов: ПОЛЬСКАЯ ЛЕПТА

В РУССКУЮ СОКРОВИЩНИЦУ

Наши люди: АННА ГЕРМАН

Войцех Скальмовский: ВИТКАЦИЙ И АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

РАЗГОВОР КАТОРЖНИКА С ЦАРЕМ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 3(18)
2001
МАРТ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

- ИЗ АРХИВА ЕЖИ ГЕДРОЙЦА
МОЙ ЗАВЕТ: ДЕЛАТЬ СТАВКУ НА КУЛЬТУРУ 3
Беседа с Ежи Гедройцем
- **Мариуш Вильк** 7
КАРЕЛЬСКАЯ ТРОПА (II)
- **Ежи Ятшембовский** 14
ПОЛЬША ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА СЦЕНУ
- **Гжегож Пшебинда** 18
МИЛОШ, ХЕРЛИНГ, КАПУСЦИНСКИЙ...
- **Александр Липатов** 22
ПОЛЬСКАЯ ЛЕПТА В РУССКУЮ СОКРОВИЩНИЦУ
- **Виктор Кулерский** 28
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
- НАШИ ЛЮДИ
Александр Медведев 35
ВСЕ, ЧТО Я ДЕЛАЮ — ЭТО МОИ ПОРЫВЫ СЕРДЦА,
ДУШИ
- ГАЗЕТНЫЙ КИОСК
Витольд Бересь 43
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «КАРТА»
- **Станислав Милевский** 46
ОБ ОТНОШЕНИИ К ПЛЕННЫМ КРАСНОАРМЕЙЦАМ
- **Войцех Скальмовский** 48
СТАНИСЛАВ ИГНАЦИЙ ВИТКЕВИЧ И АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
- **Лешек Шаруга** 48
ВИТКАЦИЙ ПО-РУССКИ

	НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ Ян Воленский ОБРАЗЕЦ ИСТИНЫ	52
	Людвик Стомма НЕ ТОЛЬКО ЧЕТВЕРО...	55
	из-под СПУДА Станислав Мартыновский РАЗГОВОР КАТОРЖНИКА С ЦАРЕМ НИКОЛАЕМ II	57
	Людмила Софронова ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ РОМАНТИЗМА	63
	Лешек Шаруга ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	65
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	68
	Виктор Кулерский ОН ПРЫГАЕТ С ТРАМПЛИНА, НАПЕВАЯ КОЛЯДКИ	72

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, В.Градус, Н.Кузнецов, И.Обухова-Зелинская, К.Старосельская, С.Филипчак, В.Щукин.

Фото ©: PAP/CAF (стр. 35, 72),
Архив (стр. 52, 57, 58, 61).

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглосци, 213
02-086 Варшава
телефоны: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран
СНГ: Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.5, кв.49
Тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

**BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

ИЗ АРХИВА ЕЖИ ГЕДРОЙЦА

Публикуемая беседа состоялась 15 апреля 1999 года в доме «Культуры» в Мезон-Лаффите. Мы записали ее на магнитофон для II программы Польского радио — как потом оказалось, это было одно из последних столь обширных интервью Ежи Гедройца. Это была и моя последняя встреча с главным редактором «Культуры», где я давно печатался, а последние несколько лет отвечал за литературный отдел. Как и большинству своих сотрудников, он давал мне инструкции, побуждал к работе с корреспонденцией, а в последнее время и с электронной почтой, — так было до самого конца. И до самого конца Гедройц готов был разговаривать — с людьми все более и более молодыми, представителями новых поколений, которым он пытался привить свое понимание мира, но которых при этом рассматривал как равноправных партнеров — тех, кому в будущем предстоит продолжить труд, возложенный им на себя вслед за своими предшественниками. Несмотря на то, что главным предметом этого труда была политика, в центре неизменно стояла культура, в особенности литература. Этому-то в значительной мере и был посвящен наш разговор.

Л.Ш.

МОЙ ЗАВЕТ: ДЕЛАТЬ СТАВКУ НА КУЛЬТУРУ

С Ежи Гедройцем беседуют Лешек Шаруга и Иоанна Шведовская

— Как вы думаете, существует ли в политической жизни сегодняшней Польши продолжение конструктивной государственной мысли? Могли бы вы указать кого-то, кто ее продолжает?

— Такого человека нет. Мне очень жаль... Надо бы подумать, но на первый взгляд — никого не вижу...

— А «Тыгодник повшихний»?

— Тоже нет. Я очень ценю «Тыгодник повшихний», но его трудно назвать продолжателем конструктивной государственной мысли, ибо те-

ма эта очень сложная. Для меня самое важное — наша восточная политика и программа.

— На тему восточной политики пишет профессор Ежи Помяновский.

— Да, разумеется. Мы кое-что пишем на эту тему, но это глас вопиющего в пустыне. Потому что чего ни коснись: проблем с Россией, Украиной, Белоруссией, — все это в нашей политике полностью отсутствует. Причин тому очень много. Прежде всего глубокое невежество. Если говорить о России, преобладает отношение либо подбострастное, либо презрительное. Мы не знаем ее истории — я не смог бы найти в Польше и де-

сятка специалистов, которые знают Россию и занимаются ею.

— *И понимают Россию.*

— Да-да... Это дело нелегкое. Кроме того, существует инерция. Возьмем, например, украинский вопрос — очень болезненный. Наверняка есть взаимные счеты — хотя бы эта резня на Волыни: это очень мрачный и особенно неприятный период. Но если вы сравните польско-немецкие отношения, то там вообще было море крови, это вещи совершенно несравнимые. А общество сегодня начинает примиряться с Германией. Я не мог бы назвать эти настроения пронемецкими, но они ведут к установлению добрососедских отношений.

— *Отношения с Украиной обросли мрачной литературой. Можно ли найти какой-то выход из этого положения?*

— Трудно сказать. Если говорить о литературе, то в Польше этой темой занимается Одоевский. Не знаю, кто еще. Лободовского уже нет в живых. Прежде всего, однако, дело в невежестве. Мы совершенно не знаем истории Украины и украинско-польских отношений. Или же знаем историю абсолютно фальсифицированную... Отношение к украинцам... Казалось бы, такая хорошая традиция — отношения Пилсудского с Петлюрой. Теперь сняли — собственно говоря, это была моя инициатива — фильм о Петлюре, который, как мне кажется, правдиво отражает эти отношения. В Польше к нему не проявили никакого интереса, на Украине им тоже не слишком заинтересовались. Наши знания о польско-украинских отношениях ограничиваются Хмельницким и ОУН. Мне казалось, что напоминая о Петлюре, который в определенном смысле возродил легенду украинского войска, в какой-то степени это изменит. Ведь в 1920-м украинцы сыграли огромную роль: оборона Замости, разгром Буденного, деятельность генерала Безручко — это прекрасные страницы истории, совершенно у нас неизвестные. Впрочем, можно даже оставить в стороне военные традиции. Вспомним, что Петлюра был также государственным деятелем, который первым понял: достижение цели потребует больших жертв. И если дело дошло до соглашения Украины с Пилсудским, то ценой этого стал отказ от Восточной Малопольши. Это был шаг подобный тому, когда Польша

отказалась от Львова и Вильнюса — очень болезненный для национального сознания, но необходимый для существования государства и нормализации отношений в этой части Европы. А украинцы этого не понимают. Не осознают, что Петлюра — деятель, который может служить определенным образцом.

— *Может быть, имеет смысл приглашать украинцев на стипендии в Польшу?*

— Это уже делается, только в очень ограниченном масштабе. Например, в Перемышле существует Украинский культурный центр. Возглавляет его директор Степень, делающий прекрасную работу. Но он почти неизвестен — просто потому, что у них нет денег.

— *Мне представляется, что знакомство с культурой соседних народов, хотя бы через СМИ, может привести к контактам в других областях...*

— Так и должно быть... Но этому придадут слишком мало значения. Например, в Хайнувке [городок в восточной части Польши. — Пер.] ежегодно выступают православные хоры — это культурное событие мирового масштаба, а не только европейского. Настоящий феномен. Польское телевидение показало только маленький кусочек. И хотя я бил тревогу, обращал внимание на то, что это очень важно уже не столько с политической, сколько с чисто культурной точки зрения, — людей это не заинтересовало. Очень трудно это переломить.

— *Сколько нужно времени, чтобы произошло восстановление польской государственности?*

— Шансы есть, но я опасаюсь, что они останутся неиспользованными. Это же требует усилий! Хотя бы в вопросе польско-российских отношений, которые для нас очень важны. Несомненно, вопрос независимости Украины и Прибалтики для нас принципиален, но и нормализация польско-российских отношений крайне важна. И здесь можно многое сделать. Нужно принять во внимание, что у нас в России есть большой капитал симпатии — особенно, если говорить о российской интеллигенции. Скажем, у кого-то в жилах течет польская кровь, какой-нибудь предок в семье, — это для русских отличие, люди этим хвалятся. Доходит до смешного: например, когда во время вой-

ны в России формировалась польская армия генерала Андерса, к ней были приставлены энкаведешники, а подбирали на эту роль людей, знавших польский язык — поляков по происхождению. И был такой полковник Соколовский, который выполнял свои обязанности довольно тщательно, но дружелюбно: он сознавал, что должен относиться к польским делам лучше, чем это предписывалось инструкцией. Это отношение, конечно, можно использовать, но оно не используется.

Что касается интереса русских к Польше, то я по собственному опыту знаю: в России, исключительно по личной, а не по государственной, инициативе издаются переводы польской литературы — к примеру, прекрасные переводы Гомбровича. Был издан «Иной мир» Херлинг-Грудзинского, выходит Чапский — «На бесчеловечной земле». Собираются издать даже «В тени Катыни» Свяневича. Это их собственная инициатива. Это важно. Теперь в России открыли Михаила Геллера — выходит полное издание его произведений по-русски, там собраны все статьи, публиковавшиеся в «Культуре». Выпускает это издательство МИК, книги рекомендованы для вузов. Это очень важно, но никто об этом не знает. Между тем самая важная книга Геллера — «История Российской империи» — до сих пор не издана в Польше*, хотя, например, в Венгрии вышло уже два издания, так как венгры поняли значение этой работы, а мы — нет.

В Белоруссии положение очень нехорошее, я наблюдаю его с огромным беспокойством, но все-таки если хочешь что-то сделать, то возможность для этого есть. Два месяца назад там вышел первый номер «Культуры» по-белорусски — с их статьями, но и с переводами статей Меровского и других. Это издание вышло официально, оно есть в продаже, его можно купить в киосках. В масштабе Минска, Белоруссии тираж даже довольно большой, достигает полутора тысяч экземпляров.

А если говорить о польско-российских отношениях, то удалось, наконец, возобновить издание «Польши». В свое время был такой журнал, впоследствии закрытый, поскольку он не нравился ни нашей партии, ни советам. Теперь это издание восстанавливается под названием «Новая Польша», главным редактором будет Ежи Помяновский. Наконец-то наши власти поняли необходимость

*С радостью сообщаем, что, тем временем, книга опубликована на польском языке издательством «Ведза Пвшехна»

существования такого журнала. Надеюсь, он сыграет свою роль.

— *Зная упорство Помяновского, полагаю, что это получится.*

— Да, надеюсь. Дело не только в упорстве. Тут важны талант редактора и знание предмета. Он действительно знает Россию, и я надеюсь, что как редактор окажется на высоте. Я возлагаю на этот журнал очень большие надежды. Это то, что мы можем сделать, но это капля в море.

Скажем, когда создавался Белостокский университет, удалось, хоть и с большим трудом, добиться, чтобы там была кафедра истории и культуры Белоруссии. Я убежден, что эта кафедра должна стать Пьемонтом независимой национальной белорусской мысли. Надеюсь, дело пойдет. И, наконец, открылся первый в Польше факультет православного богословия. Это сделано, в основном, с мыслью о белорусах. Белорусов приглашают туда читать лекции и вести семинары — это для них и материальная поддержка.

Я всегда говорил, что нужно делать ставку на культуру — это приносит самые эффективные решения политических проблем. Это очень важно. Возьмем хотя бы последнее празднование годовщины Мицкевича — Белоруссия вложила в торжества гораздо больше, чем Польша: отремонтирован музей в Новогродке, в Минске поставлен памятник Мицкевичу, издан «Пан Тадеуш» — замечательное издание в прекрасных переводах, на трех языках: по-польски, по-русски и по-белорусски. И одновременно господин Лукашенко закрывает польскую школу в Новогродке, угрожает распустить Союз поляков в Белоруссии и так далее.

— *Да, верно, но господин Лукашенко — дело преходящее, а культура остается.*

— Поэтому это так важно. То же самое в Литве. Везде есть очень хорошие начинания, но нет сознательной политики, которая бы это направляла. Это все отдельные островки, не очень между собой связанные. В Польше до сих пор нет — хотя вопрос об этом уже обсуждался — центрального органа, который бы занимался делами национальностей: все это разбросано по разным министерствам и учреждениям. Все они что-то делают по собственному разумению, но область их деятельности не определена, и на этой почве все время возни-

кают конфликты. Надеюсь, что в конце концов будет принят закон, который позволит создать орган по делам национальных меньшинств; он мог бы всеми этими проблемами заниматься централизованно, и для него было бы определено поле деятельности.

— *Тысячи людей в Польше говорят, что воспитывались на «Культуре». Но результатов что-то не видно...*

— Все не так уж плохо. Только нет последовательности. Если я выступаю с какой-то инициативой, многое получается. Не могу пожаловаться на президента Квасневского, который, когда речь идет о делах на востоке, а особенно о польско-украинских отношениях, все это понимает и действует в нужном направлении. Все несчастье в том, что мероприятия на высшем уровне — на уровне президентов, премьеров — проходят замечательно; все время происходят какие-то встречи, делаются какие-то заявления, но чуть ниже ничего этого уже нет. Есть либо саботаж, либо нежелание — на исполнительском уровне ничто не доводится до конца. Что с того, что был торжественно открыт Польско-литовский фонд — это сделали Квасневский и Бразаускас, — если у него нет денег? Этот фонд существует на бумаге. У Литвы денег нет, а у Польши либо нет, либо она не может ими распорядиться. Но если довести какие-то дела до конца, можно что-то сдвинуть. В результате госпожу Внук-Назарову, на которую так нападают — и, по-видимому, правильно, — удалось все-таки убедить в необходимости «Новой Польши». И надо признать, что она очень порядочно поступила: зная, что уходит с поста, организовала и подписала дотацию для журнала. Но за этим нужно все время следить и доводить до конца.

— *Значительную роль в этом могут сыграть СМИ.*

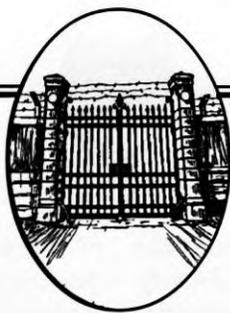
— Разумеется. Суть в том, чтобы СМИ действительно имели возможность сыграть эту роль. Встречаются очень правильные и разумные статьи в отдельных журналах, но конкретной политики, общей концепции, которую бы эти журналы проводили в жизнь, не существует. Я совершенно этого не вижу. Это всегда островки, к тому же их атакуют какие-то черносотенцы, которые говорят неслыханные глупости.

Например, моя идея-фикс — канонизация папой митрополита Андрея Шептицкого. Это — дея-

тель, сыгравший огромную роль в жизни Украины, особенно во время последней войны, когда он выступал в защиту как евреев, так и поляков. Это, несомненно, его великая заслуга. Но удастся ли это осуществить, я не уверен. Потому что есть большое неприятие этой идеи, и притом в Польше. Полагаю, что если бы все же удалось провести это в жизнь, отзвук на Украине был бы большой...

Таких дел много на каждом шагу. Например, православие: помимо того, что это религия наших соседей, это также религия значительной части польских граждан. Тем не менее ведется какая-то идиотская борьба с православием — в самой Польше, где имело место дело Супрасля [монастырский комплекс, ставший в 90-е предметом спора между католической и православной Церквями], и вся политика Ватикана по отношению к России, миссионерство, обращение в католицизм... Это совершенное безумие, навязчивая идея Ватикана. Ну ладно, пусть они этим занимаются, но не руками же поляков... Архиепископ не должен этим заниматься, его дело — поляки в России, верно? А не обращение православных. Это ненужное обострение, тем более сейчас, когда православие в России начинает играть все более значительную роль... Но это трудно понять. А это должно быть понято на любом уровне.

Например, на сегодняшний день мы имеем балканский конфликт в Косово. Я считал, что в польских частях, которые будут там находиться, должен быть и православный священник, поскольку сербское население в основном православное. Чтобы подчеркнуть веротерпимость поляков. Отвлекаясь от политической стороны проблемы: поскольку эти действия носят характер гуманитарной помощи, вам не кажется, что польский ПЕН-Клуб должен прийти на помощь сербскому ПЕН-Клубу? Там были выдающиеся сербские писатели, очень близко с нами сотрудничавшие. И еще раз — не касаясь политического аспекта, это вопрос культурных связей, проявление некоего либерализма. У нас, впрочем, существуют прекрасные традиции в этой области: есть такой сербский журнал «Книжевна речь» — я еще в прошлом году получал очередные номера. Они когда-то публиковали много подпольной польской литературы, она их очень интересовала. Чисто личные контакты всегда имеют большое значение.

Авторизованный перевод
Вероники Градус

Мариуш Вильк

КАРЕЛЬСКАЯ ТРОПА (II)

ВОДРАЗДЕЛ

Водораздел, скальное плато, покрытое лесом и болотами, разделяет озера Матко и Вадло, как гряда. Это самое высокое место на трассе канала (102 м над уровнем моря). Воды отсюда стекают террасами озер и каскадами рек на обе стороны: направо — в Белое море и через Горло в Северный Ледовитый океан, налево — в Онежское озеро и Свирью до Ладожского, а далее Невой в Балтику и Атлантический океан.

Раньше здесь проходил один из главных путей новгородцев из Обонежья в Заволочье. Обонежьем называли край вокруг Онежского озера (не путать с Прионежьем, то есть землями, лежащими вдоль реки Онеги, или с Занежьем — частью Обонежья, расположенной за Онежским озером, если глядеть как из Новгорода, так и из Москвы). Заволочьем же называли край за волоком — водоразделом между Балтийским и Белым морем, через который влочили ладьи. Из Москвы в Заволочье тоже ходили через волок, но через другой — водораздел бассейнов Белого и Баренцева моря, с одной стороны, и Волги — с другой. В литературе это часто путают.

Нынче тут лодки тащить не надо, зки прорыли водораздел шестикилометровым каналом (на карте — №165), соединяя озера Матко и Вадло, а заодно и бассейн Белого моря с Балтийским. Чтобы выровнять уровень вод (Матко лежало ниже Вадла), на выходе из озера Матко в 165-й канал построили двухкамерный восьмой шлюз. Входим.

8-й шлюз. Самое дорогостоящее сооружение канала, ценой в 11 млн. рублей. Весь канал — более 101 миллиона. Бюджет запланировали на 400 миллионов, три четверти этой суммы сэкономили на зарплате. Сегодня тоже экономят на людях: полусонные девки, которые нас шлюзуют, полгода не видели денег. Но отнюдь не унывают и предлагают

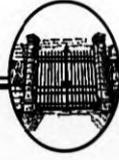
нам вместе искупаться в шлюзе. Полвторого в Купальскую ночь! Не веришь — прими за сказку!

165-й канал. Просто шедевр! Узенький, с двух сторон бледно-зеленая стена берез, понизу серый гранит, каждые 20-40 метров — ряжи. Пусто. Глухим мотор. Мертвая тишина... После долгих часов треска мотора (по каналу ходить под парусами нельзя!) вдруг такая тишь — оглушает. Ни крика птицы, ни шелеста. Скользим в этой немоте по инерции. Матовая чернота воды.

Трудно себе представить, что там — под нами? — в громадном котловане работали 30 тысяч эзков, ходила узкоколейка и играл духовой оркестр. До таянья снегов весной 1933 г. надо было прорыть водораздел, иначе поднявшаяся вода могла снести уже готовую Повенчанскую лестницу, и тогда срок 1 мая, назначенный Сталиным для сдачи канала, шел на смарку. Был создан VII вселагерный слет ударников, и на нем 7 января объявлен штурм водораздела под лозунгом: «Зимний январь превратим в победный июнь!» Автором лозунга был Успенский. Все отделения Белбалтлага делегировали на водораздел лучшие трудколлективы. В их числе: «Путь к исправлению», «Вперед к 1 октября», «Покоритель скал» и женская «Красная заря». Надрывались сто суток вусмерть, днем и ночью в ледяной жиже до подмышек. Штурм закончили 23 апреля, последние 48 часов работали непрерывно — без еды и без сна. Бригада Подлепинского побила рекорд: 852% нормы, то есть 17 эзков сделали работу за 144 человека. В награду получили знамя от Карельского обкома — полотнище из красного бархата с золотой бахромой и тяжкими кистями.

Рисунки Piotr (Dlugi) Gidlewski

165-й канал выходит в Вадло двумя каменными дамбами. За одной из них встаем на ночевку. Засыпая, проваливаюсь в гигантскую яму, открытое чрево земли: по дну ползают люди среди комьев грязи — не отличить, где человек, где ком; один застывает, другой ползет по нему; иногда грязь оживает, будто человек, и тащится меж людей, застывших в месиве...

ПОВЕНЧАНСКАЯ ЛЕСТНИЦА

24 июня

— Тс-с-с, Мар... — в люке голова Сани, с пальцем на губах. Дает знак, чтоб я тихо выглянул. Выглядываю и замираю. Из 165-го канала бесшумно выплывают два лебедя. Потрясающе: отражаются в черной бездне, словно висят в пустоте. Смотрим, как зачарованные... Вдруг мат из кубрика и дым. У Васи рыба сгорела. Оказывается, пока мне снилась та яма, мужики сигов наловили.

Лебеди пропали. Не знаю, Васин мат их спугнул или они были видением? Пока новый сиг зажарится, купаюсь. Вода сказочная. Медленно оплываю дамбу, ныряю. Берега 165-го канала выложены камнями до самого дна, похожи на стены затопленного города — замшелые, ослизлые, без выхода. Ряжи в глубине выглядят,

как караульные будки во мгле... Из каждой несутся вверх косички воздушных пузырьков.

Жареный сиг и холодное пиво после купанья — что может быть лучше на завтрак?

В полдесятого тронулись. Солнце припекает, кожа побаливает, мухи жрут. Вадлоозеро, Волоозеро, одно с другим сливается (уровень Волоозера поднят восьмым шлюзом), по дороге вновь острова, острова... Некоторые с лагерными названиями — остров Ударников или Подлепинского, другие — просто Большой, Приметный, Восточный. Куда ни глянешь, будто клумбы на воде. Настоящая палитра зелени: от сочно-темных елей до выцветших берез и бледных ив; есть изумрудные айры и пенистые, словно намыленные, ивы, и гнилая зелень подводных трав, и малахиты мхов... Лишь иногда на зеленом фоне чернеет угол барака, тухлый сарай или брошенный челн. Ни единой живой души.

Не хочется верить, что где-то здесь была «Первая детская трудовая колония ББК», описанная Солоневичем. Дети следили друг за другом: четыре тысячи беспризорников работали под надзором таких же беспризорных, специально отобранных и натасканных комендантом Ченикалой. Как взрослое ГПУ, эти триста жили в лучшем бараке и получали лучшее питание, на рукавах и груди имели красные звезды и занимались — как взрослые — сыском, облавами, обысками, арестами... И были ненавидимы остальными, лютой детской ненавистью. А всем им было от 10 до 17 лет.

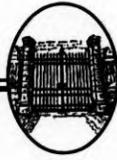
За островом Шлегеля показывают повенчанские створы и ремонтная база — причал, катера, запах солярки. Может, нас заправят? Подходим к помосту. Мужик в грязной фуфайке (несмотря на жару!) без лишних слов делает русский жест: есть выпить? Называю его «русским», ибо нигде на свете так сложенных пальцев я не встречал: кулак с поднятым вверх большим пальцем и отставленным вбок мизинцем (иногда жест еще красноречивее, когда кистью делают движение, как бы стакан опрокидывали). Где-то показывают «V» или «зайчика», либо «fuck you» и «о-кей». А тут немой вопрос о выпивке, которой у нас вдоволь. Давай-ка махнемся. Мгновенно берег закишел мужиками. Как из-под земли вылезли. Саня им выпивку, они нам солярку. Руки трясутся, лыка не вяжут.

Пользуясь случаем, заговариваю со сторожем базы — единственным трезвым тут человеком. Старик прокинькает выпивку, мужиков и Ельцина до кучи. Говорит, что когда-то за прогул на Лесную Речку ссылали и там приканчивали. Поэтому, мол, неудивительно, что боялись. А сейчас, тьфу, ядрена мать, ни хрена никто не делает, канал запустили, еще немного — и ряской затянется. Пробую возражать, что жертвы и вообще... Сторож перебивает и машет рукой в сторону мужиков:

— Они ведь так или иначе передохнут, а тогда хоть польза от них была.

Мне показалось, что подобное я где-то читал... Да, сто лет назад путешествовал здесь этнограф Майнов. В его «Поездке в Обонежье и Корелу» есть эпизод, где автор разговорился с мужиками о Царской дороге: «Много ли тут народу сгубило по воле царя?». Мужики признали: «Много! ну да и то сказать, кабы они не сгибли, так и дело такое

никогда бы не сделалось! чего им — все бы равно померли, а тут по крайности у дела».

Уходя, заглядываю под навес сарая. Там, в тени, разложен брезент в пятнах солянки, на нем огурец, чеснок и соль на газетном свертке, и черный хлеб, и сало. Уже распили по стакану и блаженствуют. А работа? — Наплевать.

7-й шлюз. Начало Повенчанской лестницы... Семь шлюзов, один за другим, будто огромные водные ступени, по которым медленно спускаемся в Онежское озеро.

6-й шлюз. Бетонная баня. С неба жар, стены раскалены.

Между 6-м и 5-м шлюзами разливается река Повенчанка, образуя небольшое озерцо. Внизу видно Онего.

5-й шлюз. Зной душит.

4-й шлюз. — Блин, ж... отказала! — Вася называет так спутниковый навигационный прибор, который при температуре выше 60° отключается.

3-й шлюз. Стоп, надо подождать. Навстречу нам выползает «Волгобалт», черный и большой. Четвертый на нашем пути, плюс восемь нефтеудовозов, не считая мелких катеров и судов, пропущенных во время стоянки в Надвоицах и во время сна. Но это еще ничего — Саня говорит, что в «застойные» 60-70-е суда здесь часами ждали очереди в шлюз. Потому я и не доверяю Солженицыну. Исаич побывал на Повенчанской лестнице в 1966 году. Планировал проплыть канал на барже, ибо, как сам писал, хотел помириться с «бригадой» Горького. Но проверяли документы, его фамилия сразу вызвала бы подозрение: зачем едешь? В интересах «Архипелага» решил не рисковать. Прогулялся лишь вдоль пары шлюзов, на берегу посидел, с охраной поговорил. Всего провел тут около восьми часов. За это время из Повенца до Сороки прошла одна баржа с деревом, и из Сороки до Повенца — тоже одна и тоже с деревом. Исаич подчитал, и вышел ноль.

Солженицын любит округлять. Возьмем трупы. Сосчитал по слухам, что только за зиму 1931-1932 гг. сто тысяч эзков на канале вымерли, а раз канал строили две зимы и одно лето, получилась четверть миллиона. Иван Чухин, который много лет посвятил истории канала, добрался до свидетелей и документов и утверждает, что на канале работало всего четверть миллиона зека, а погибли сто тысяч (подобно оценивал и Иван Солоневич, бывший эзк ББЛ и

автор книги «Россия в концлагере», впервые вышедшей в Софии в 1936 году). Стоит помнить эти цифры, чтобы отличать, где растет дерево, а где клюква.

2-й шлюз. Разводной мост, дорога из Медгоры на Пяльму и Пудож. Машины, люди.

1-й шлюз. Последний!

На бетонных сваях загорают подростки. Стройные, смуглые девчата. Одна прыгает в воду, под самый нос «Антура», и со смехом выныривает с другой стороны. Санька шутит, что съел бы ее. И я.

ОНЕГО

Повенецкая бухта, встаем у мола. Справа, немного сзади, остался Повенец. Зайдем туда на обратном пути. А перед нами свиток синевы, пространства и света — Онего. Так некогда называли Онежское озеро. Гладь: ни морщин, ни дуновенья. Под солнце плохо виден Гажий Наволок, дрожащая полоса мыса, за которым лежит Медгора. Аж просится идти напрямки, но пацаны, загорающие на заржавевшем острове танкера, торчащего из воды недалеко от мола, предупреждают: кругом мели, и лучше держаться фарватера. Да, идти по озеру — это не то что по морю. Там прилив, отлив, и можно на малой воде попробовать счастья, а если и присядешь на отмель, то рано или поздно прилив тебя снимет. А здесь раз напорешься на дно — и прощай. Но Вася полагается на шверт и решает срезать дорогу. Пацаны сомневаются.

Двигаемся на малых оборотах с полностью выпущенным швертом. Вода прозрачная, видно дно, песок и огромные камни, лежащие там и сям. Мы с Саней на носу с шестами в руках — отталкиваемся, Вася помогает рулем, Юнга следит за швертом. Мотор едва тарыхтит. Дорога тянется, раз другой шуруем по дну, глушим мотор, поднимаем шверт на дюйм, сталкиваем, заводим мотор, опять шуруем, опять глушим, еще дюйм, снова сталкиваем, идем кусок на шестах, как на ходулях, запускаем мотор, вроде чуть глубже, но снова камень, шесты скрежещут. Проскочили...

Еще один... Дно убегает, темно, выпускаем шверт. — Уф, прошли.

Дальше тоже, увы, семеним на моторе, о парусе нет и речи. Штиль. Солнце буквально ошалело, небо как испеленное. Время от времени кто-нибудь из нас прыгает в воду и тянется за яхтой на веревке. Течение срывает с Сани труссы... Эх, труссы русского мужичка! Жаль терять, делаем за ними крюк. Слепни жрут до крови. Появились оводы — желто-полосатые бестии размером со шмеля. Когда давишь, трещат. В миг кокпит полон их трупиками. Из-за Гажьего Наволока высовывается Кужостров, на горизонте вырисовываются холмы Медгоры, обрамляющие северный край Онежского озера — Большую бухту. Медвежья Гора все ближе. Уже видно порт, высокие краны, отвалы угля, вагоны на железнодорожной ветке. Сбоку пляж, народ купается, писк детей. Пахнет рыбой. А над всем господствует вышка.

Встаем за волнорезом из камней. Семь вечера, солнце, отраженное в воде цвета никеля, палит нещадно. На волнорезе женщина с удочкой. Лицо довоенной интеллигентки, глаза поблекшие, будто застиранный ситец, голову закутала белым платком, курит.

МЕДВЕЖЬЯ ГОРА BY NIGHT

От порта в центр города ведет улица Кирова. Растрескавшийся асфальт, деревянные дома. Цветет черемуха.

На перекрестке Кирова и Советской — парк: четыре сосны, две клумбы, скамейка и памятник рядовому Фанегину, который 30 июня 1943 г. повторил подвиг Александра Матросова. Вернувшись, я спросил Васю об этом подвиге. Вася выругался и объяснил: «Тот еще придурок, на амбразуру полез, не хватило ума гранату туда бросить». У памятника на лавке спит алкаш, рядом пустая бутылка от портвейна.

В конце улицы Кирова вокзал, построенный в 1916 году. Снаружи напоминает церковь. Неудивительно, что эски, выходя из вагонов, кланялись и крестились с размахом. Внутри бар, восковой свет, как в «Night-hawks» Хоппера. Поет Земфира, есть холодный «Пильзнер». Присаживаюсь. По другую сторону тоскливый макияж, стеклянные

глаза. Спрашиваю: где поселок Арнольдова? Макияж оживился.

— А кого ищешь, может, знаю?

— Когда-то там жил Алексей Лосев с женой.

В стеклянных глазах пусто. Да и откуда она может знать? Ведь философ Лосев, последыш Серебряного века, жил здесь осенью 1932 г., когда ни ее, ни ее родителей еще на свете не было. Арестованный в 1930 г. за «Диалектику мифа», после 17 месяцев Лубянки (из них четыре месяца в одиночке) он сначала попал в Свирьлаг, потом в Медгору. После долгих стараний получил разрешение поселиться с женой, снял комнату в Арнольдовом поселке. Днем работал в лагерной «Монографии», отделе, занимавшемся историей строительства канала, а ночами писал загадочные рассказы (в стиле Эдгара По), в которых соединял жанр платоновских диалогов с реалиями Белбалтлага. Во «Встрече», например, эски дискутируют о музыке и ее роли в новом обществе. А сама конструкция рассказа, к сожалению не оконченного, напоминает бетховенскую Сонату соч. 106 с ее четырьмя частями: Аллегро, Скерцо, Адажио и недописанной Фугой. Да припеваем:

*Как мы любим — ой, ой, ой! —
Наш великий Белморстрой!*

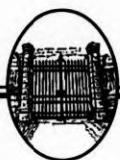
Еще зимой, планируя эту «Тропу», я нашел у Лосева описание белой ночи в Медгоре. Теперь, бродя в ее опаловом свечении, сравниваю:

«Была чудная северная белая ночь. Люблю, тайной и тревожной любовью люблю я северную белую ночь. Люблю эту долгую, томительную неразрешенность, этот холодный гипнотический полусумрак, когда солнце, вот-вот, словно сейчас покажется, но не показывается и не показывается! Что-то смутно-беспокойное, трепетно-надрывное, мягкое и нервное одновременно слышу я в этом усталом и сонном, лиловато-белесоватом небе; и жаль тут чего-то невозвратного, загубленного, — как жалко безмятежных дней ранней юности».

И далее:

«А закат сливался с восходом, обдавая нас зловещим, но не резким голубым светом — без тени. Одухотворенность и — возбужденность, и при этом совершенно небывалая одухотворенность и очень глубокая, властная и потрясающая возбужденность и нервность, — вот какой слитостью и

вот каким объединением живет эта магическая, сомнамбулическая белая, северная ночь. Мир как сомнамбула, — вот она, тайна белой северной ночи. Тревожно и безвольно, томительно и думно, беспокойно и безнадежно, — вот она, эта мертвенная маска бытия, этот мистический обморок мира, этот сон бессильно-грезящего абсолюта!»

Вдруг... улица Дзержинского. Встал перед домом-призраком, живой иллюстрацией к «Встрече»: массивная колоннада из серого гранита, окна высокие (в два этажа) и слепые, фасад мертвый, боковые крылья во мраке, а все венчает галерея поднебесная в форме лагерной вышки, которую мы увидели с озера. Монументальный стиль 30-х годов (кстати, мне нравится!). На фоне «хрущевок» и дощатых бараков он выглядит, как, допустим, московская высотка в Кеми. Парадный вход наглухо забит досками, никакой таблички. Только сбоку на дверях надпись, что тут городской музей. Судя по всего лишь нескольким «живым» окнам, музей занял в этом призраке пару комнат, остальные явно пустуют. Рядом, в кустах черемухи, будто прячется, — памятник Кирову. Маленький какой-то.

На обратном пути, там, где Советская переходит в улицу Дзержинского, — сквер, в нем пивной ларек, открыт всю ночь, столы из фанеры под открытым небом, молодежь, местная шпана. Лицо явно «кавказской национальности» продает шашлык. Орет музыка, смердит сортир, в траве валяются одноразовые шприцы.

Чем дальше от сквера, тем музыка менее выразительна, пока мне не послышался тот же припев:

*Как мы любим — ой, ой, ой! —
Наш великий Белморстрой!*

МЕДГОРА

25 июня

При свете дня Медгора теряет... Провинциальный городок, один из многих, которые я видел, бродя по российской глубинке. Улицы кривые, дома построены как попало, люди серые, на лицах усталость. И всюду грязь, о которой еще встарь иностранные путешественники писали, что это пятая стихия Руси. Исчезли куда-то манящие миражи и ночные привидения. Даже черемуха днем так не пахнет. Только яркая вывеска ночного магазина здесь новинка: реклама «Пепси» и «Сникер-

сов». И еще дворец во вкусе «новых русских» на Советской (ночью я его не заметил): за забором, чуть ли не храм — красный кирпич, галереи, аркады, — не достроен.

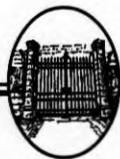
— Неужели вам церковь строят? — спрашиваю проходящего мимо старика.

— Какую церковь, елки-палки, это банк. Вымахали его при Гайдаре за пару месяцев, а как Тимурыч слетел, то и они прогорели, поставили забор и ноги в руки.

Да, кто бы подумал, что в 30-е годы Медгора была «столицей» огромного «государства в государстве» — Беломорско-Балтийского комбината — созданного в 1933 г. по окончании строительства канала. Главной задачей комбината стала колонизация и эксплуатация территорий, прилегающих к водному пути. ББК не только поглотил почти всю Карелию, но и власть административную в ней захватил. Его владения тянулись от Петрозаводска до Мурманска и включали в себя деревообрабатывающую, добывающую и энергетическую промышленность, фабрики, заводы, железные дороги, верфи, порты, судоходство, добычу рыбы и лесных зверей. В отношении статуса и привилегий население этого «государства в государстве» было поделено наподобие древней Руси, где и рабы были, и смерды, и холопы, и закупы, — так и тут жили эски, и спецпоселенцы, и административно-ссылные, и вольно-ссылные, и местные. А владели этим всем чекисты — бояре советского извода. При этом эски жили не хуже всех — в более тяжелом положении находились, к примеру, спецпоселенцы, ибо, сосланные целыми семьями под надзор ББК, они не имели даже лагерного пайка. И все мечтали о Медгоре.

Медвежья Гора была самым привилегированным местом Белбалтлага, который в свою очередь был самым привилегированным изо всех лагерей Советского Союза. В радиусе 25-30 верст от Медгоры разместилось несколько производств разного типа — от швейного и мебельного цеха до скотобойни и молочной фермы, где сотни эзков работали на нужды «столицы» (только оранжереи совхоза «Вичка» занимали два гектара земли под

стеклом). В самой же Медгоре, к югу от железнодорожной станции, растянулся вольный поселок с клубом, базаром, магазинами «Госспирта» и «Торгсина». Словом, все как положено. На берегу озера (неподалеку от места, где мы пришвартовались), находился стадион «Динамо», буфет по ценам кооператива ГПУ (почти даром!) и прокат лодок. Солоневич описал, как однажды встретился там с Успенским, тогда уже начальником ББЛ. Оба голые на пляже пили коньяк со льдом под аппетитную окрошку (тоже со льдом!) и обсуждали детали лагерной

спартакиады, которую он же (з/к с 58-й статьей) должен был организовать. Возможно ли, подумаешь: начальник лагеря и зэк на пляже? Голые? Нет, это невозможно!

Приблизительно так думали и читатели английских газет в забавном фарсе «Мистер Стюрид», сыгранном на сцене лагерного театра. Главный герой, корреспондент из Англии, приехал в Белбалтлаг, чтобы найти там подтверждение слухам о нечеловеческом отношении к заключенным, а попал на съезд ударников в Медгоре, где заключенных кормили бутербродами с черной икрой. Когда он написал об этом в свою газету, те подумали, что бедолага рехнулся! Николай Анциферов, который сидел среди зэков в зрительном зале, вспоминал потом («Из дум о былом»), что в самом деле на съездах ударников подавали икру. Вот так!

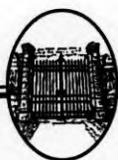
Анциферов называет Медгору «столицей русской интеллигенции 30-х годов». Кто только тут не сидел! Философ Мейер, например, изучал в лагере Гёте и писал трактат о «Фаусте», Лосев читал лекции по теории вероятности Эйнштейна, а Лихачев занимался филологией блатной фени. Здесь размещалось главное проектное бюро, где работали лучшие советские инженеры, и кружок «друзей книги», в котором обсуждались издательские новинки (в том числе книга Бахтина о Достоевском), и драматический театр, и симфонический оркестр (играли там первые скрипки Венской фи-

лармонии, дирижировала матушка моей знакомой с Соловков...), а также редакция «Перековки» (на которую работало 3750 лагкоргов!), превосходная библиотека, типография, кино, ателье, стадион и краеведческий музей, создателем которого был сам Николай Павлович.

В его воспоминаниях слышна нотка ностальгии: «Может быть, из всего здесь мной сообщаемого самое удивительное — это наши экскурсии по выходным дням. Их организовывал я. В течение нескольких месяцев, с тех пор как восстановили выходные дни, я брал под свою ответственность 20 лагерников под особую расписку и уходил с ними за несколько километров от лагеря, в зависимости от целей экскурсии. По археологии руководил Горецкий. Мы разыскивали неолитические черепки с типичными узорами, рылись в стоянках. Так пополнялся и музей. Это были счастливые часы. Мы забывали о неволе. Наслаждались суровой, но своеобразной природой Карелии. Читали краеведческую поэму «Карелия» декабриста Федора Глинки».

— Сегодня из собрания Николая Павловича в музее Медвежьегорска осталось немного. Значительная часть вывезена вместе с лагерем, что-то пропало, кое-что украдено, — утверждает Евгений Осипович, мой чичероне, протеже милой Елены Юрьевны, управляющей фондами (аккредитация «Культуры» подействовала на нее, как французские духи!). Специально для «корреспондента из Парижа» она вызвала автора единственной открытой выставки, посвященной истории Медгоры, и до его прибытия кокетничала со мной, аж страх... (Заодно я узнал, что дом-призрак, где мы находимся, был построен под гостиницу для иностранцев, коим задумали показывать Белбалтлаг как образцовый лагерь в стране Советов!).

Евгений Осипович Т., на первый взгляд тихо спивающийся интеллигент российской провинции, оказался человеком с широким кругозором. Его выставка истории Медвежьегорска начинается ни больше ни меньше как с Большого Взрыва (набросок тушью работы Евгения Осиповича), ибо от него все и пошло. Рядом, в витринах под стеклом, разные граниты, базальты, доломиты и диабазы — останки того же Взрыва. Далее черепки керамики с ямочно-гребенчатым узором — клеймом племен, пришедших сюда с Оки и Волги. Затем кремневые наконечники стрел и снимки онежских петроглифов, кусок лодки, лук и карельские лапти, клочок летописи с самым ранним (1143)

упоминанием о карелах, какие-то монастырские грамоты. Мое внимание привлек портрет Озерецковского (первого русского путешественника, описавшего эти края) и текст под портретом — отрывок из его книги, где ученый рассказывает о местоположении будущей Медвежьей Горы: «...неподалеку от упомянутой деревни впадают в озеро речки Кумса и Вичка, из коих на последней, на небольшом от устья расстоянии, находится оставленный железный завод купца Ольхина».

— Вы слышали об Озерецковском? — лицо Евгения Осиповича вытянулось от удивления. Когда же я сказал, что не только слышал, но давно ищу «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому», изданное в 1792 г., он улыбнулся и дал мне свой экземпляр — вместо путеводителя на дорогу.

В другом зале «три столпа», на которых поднялась Медгора: лесопилка Захарьевых, железная дорога и Белбалтлаг. Экспонатов немного: несколько пожелтевших снимков купцов, висящих словно яблоки на генеалогическом древе (рисунок Е.О.), вырезки из старых газет о строительстве железной дороги до Мурманска и гравюра вокзала (где ночью пил я «Пилзнер»), лом, кувалда и кайло в углу, макет канала из картона, несколько номеров «Сталинской трассы» (ранее «Перековки»), программы симфонического оркестра НКВД в Медвежьегорске (в том числе «Паяцы»), афиша о футбольном матче местного «Динамо» с повенецким «Ударником», пара десятков фотографий зэк и куча мелочей без значения.

Зато третий, последний зал — ба! Точно продолжение вчерашней фантазмагии. Я очутился в старом школьном классе времен своего детства. Парты с чернильницами, доска, какие-то диаграммы и карты на стенах, глобус с огромным красным пятном СССР на полшара, знакомый портрет Ильича над дверями, Пушкин и Ломоносов по бокам... Я почувствовал на себе короткие штанишки. Но самыми удивительными были две ниши в стене за доской, как бы два небольших помещения: в одной из них интерьер кухни 60-х годов, с буфетом, посудой и швейной машинкой на столе, в другой — комната тех лет, мебельный гарнитур из ДСП, софа, коврик, телевизор и баян. Евгений

Осипович, оказывается — учитель в местной школе: «Прошу садиться, повторим последний урок истории Медгоры». Я вспомнил начальную школу №66 во Вроцлаве: та же парта, только тесна немножко, тот же скучный запах... Мог ли я тогда предполагать, что буду скитаться по северу России, по огромным озерам Карелии, что пройду канал на яхте? И что вообще есть такой канал? Зарыдала гармонь. Нет, это уж чересчур! Осипович сидел в нише комнаты, играл на баяне с закрытыми глазами и пел о дикой Карелии. Я украдкой выскользнул.

На обратном пути я по-соседски заглянул в управление канала. Над входом советский герб, внутри запах свежего кофе. Михаил Яковлевич, начальник канала, принял меня тепло. Недавно он слышал интервью со мной по питерскому радио, и очень ему понравилась шутка, подражание де Кюстину, что приехал я в Россию противником рабского труда, но, прожив тут восемь лет, уже не так уверен, что либеральный путь для нее лучше. Секретарша принесла кофе, армянский коньяк и лимон. Михаил Яковлевич достал из сейфа графики — из них следовало, что самым интенсивным движением на канале было в 1965-1985 годах. Позже наступил спад до 1996 г., и кривая снова пошла в гору.

— А перспективы на будущее?

— Канал в порядке, но разные дерьмократы хотят его закрыть. Недавно Чубайс примерялся, а Ельцин сказал: «Не мы его открывали, не нам его и закрывать».

На прощание Михаил Яковлевич подарил мне карту канала, попросив лишь расписку от капитана яхты, ибо карта — для служебного пользования и иностранцам не полагается.

После обеда отчаливаем. Прощай, Медгора...

Продолжение следует

Ежи Ястшембовский

ПОЛЬША ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА СЦЕНУ

Десять лет тому назад мы почувствовали, как нас много, когда мы вместе: и те, что в Польше, и те, что за границей. Сейчас внутри страны разброд и жалобы. А посмотришь издалека — и картина меняется. Польшу выносит вперед мощной волной. В первый раз за триста с лишним лет вместо дождя в лицо — ветер в спину. Исторический процесс. Действительно, трудно как-то этому помешать, хотя некоторые и пробуют. Несколько недель назад лондонский еженедельник «Экономист» опубликовал статью о польских конвульсиях последних месяцев, подытожив ситуацию одной фразой: «Польша — политически стабильная страна».

Сегодня мы поговорим о деле деликатном, которое в прошлом не слишком нас радовало: присутствии польской культуры и польского языка в современном мире. Удивительная картина.

По акценту я понял, что это швед. Сосед слегка принял, когда самолет еще и не двинулся. Перелет из Торонто в Бостон длится полтора часа. Швед летел в Гарвард на консультацию. Литературный комитет Нобелевской премии обсуждает кандидатуры текущего года. Разумеется, все ужасно засекречено.

— Больше всего хлопот, как всегда, с поляками, — (я наострил уши). — Каждый год у них по два железных кандидата — поэт и прозаик. Вы можете поверить? Если в ближайшие годы — а дело к тому идет — выбор падет на одного из них, у Польши будет три живых лауреата одновременно, то есть больше, чем у кого-либо! — швед засопел.

Польша в роли литературной державы? При современном-то кризисе в польской культуре и системе образования? На следующий день по приезде я помчался в университетскую библиотеку. Швед был прав.

Мне уже приходилось писать о периферийности польской культуры, приводя в качестве примера мнение профессора Ежи Едлицкого: периферийной мы можем назвать такую страну, которая, принадлежа к определенному культурному пространству, заимствует из центра этого пространства значительно больше образцов культуры, чем их туда экспортирует. Периферийность культуры проявляется в готовности местного населения (часто воспитанного на глубокой привязанности к своей культуре) воспринимать чужие образцы. Ньюйоркцы, парижане и лондонцы обычно не воспринимают наших культурных символов, ибо у них эти символы ни с чем не ассоциируются.

Едлицкий сравнивал популярность двух поэтов: Байрона, известного во всех странах западной цивилизации, и Мицкевича, известного в основном литературоведам, — и делал вывод: «На протяжении столетий Запад развивался быстрее, чем мы. О передвижении с периферии в центр нечего и мечтать, мы теперь должны догонять Португалию».

Сегодня мы все еще догоняем Португалию в области экономики, зато в области культуры давно уже ее обогнали, и португальский лауреат Нобелевской премии этого положения не меняет. Для собственного употребления я применяю простой и, как правило, безошибочный метод определения степени распространенности польской культуры за границей. Я обращаю внимание на форму упоминания польских элементов в СМИ. Существует следующая закономерность: всякий раз, когда кого-то (композитора, художника, писателя) представляют в качестве «известного» или «знаменитого», то тем самым как раз и дают понять, что представляемый либо не так уж всем известен, либо не совсем знаменит. Настоящие знаменитости не нуждаются в представлении.

Десять лет тому назад среди польских композиторов только Шопен и Пендерецкий относились к этой высшей категории. В настоящее время к ним добавились Гурецкий (часто), Лютославский (реже), а в последнее время — как ни странно — я услышал, как канадский диктор совершенно правильно и без лишних комментариев произносит чудовищно трудные для него имя и фамилию Гражины Бацевич.

Для музыки границ не существует, со словесностью труднее. Один только Рышард Капустинский настолько известен в Северной Америке, что при упоминании его фамилии опускаются какие-либо объяснительные эпитеты. Почти сразу за Капустинским идет Милош, следом за Милошем (перечисляю в алфавитном порядке, хотя список наверняка неполон): Баранчак, Гловацкий, Конвицкий, Краль, Лем, Ружевиц, Херлинг-Грудзинский, Херберт и Шимборская. Двадцать лет тому назад о них здесь вообще никто не знал.

О Сенкевиче американцы давно забыли, и колоритно-археологический фильм Хоффмана этого не изменит. Не выбились на первые места на местном рынке и наши великие поэты: здесь немногие интересуются апологией мученичества. Возьмем хотя бы такого выдающегося поэта, каким был Тадеуш Боровский. Здесь он известен главным образом своими рассказами, и, в основном, в среде, связанной с Катастрофой. Вне этой среды в Америке мало кто обладает историческим опытом, позволяющим понять его пророческое воззвание:

*Пишите, поэты, честно,
Пишите, поэты, отважно,
Тюрьмы есть для поэтов живых,
А слава — для поэтов павших.
(Перевод подстрочный)*

Или его страшное предсказание:

*Что мы оставим? Ржавый лом
И смех язвительный потомков.
(Пер. Л.Тоома)*

Из правила отсутствия интереса бывают прекрасные исключения. Это случилось с Мицкевичем, но об этом чуть позже.

На ином уровне посвящения развивается социальная группа, заслуга которой — неслыханная в истории распространенность знаний о Польше среди здешнего многонационального населения. Эту социальную группу шутливо называют «польская мафия».

ПОЛЬСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ, ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Библиотека Виденера в Гарвардском университете — самая большая университетская библиотека в мире. Одних только славянских книг здесь более 800 тысяч. В этом отделе главный регулировщик движения — Гражина Сланда. Обращаюсь к ней с вопросом (разговор идет по-польски), имеется ли в библиотеке что-нибудь о галицийском восстании? (Речь идет о восстании польских крестьян против австрийцев в Галиции в 1846 г. под предводительством Якуба Шели. — *Пер.*) Ее пальцы порхают по клавиатуре компьютера, и через двадцать секунд она отвечает: в нашем фонде нет книги с таким словом в названии, но нашлось семь книг о Якубе Шеле.

За ужином в профессорском клубе польский язык гармонично сосуществует с английским. Профессор на пенсии, директор Центра исследований России Ричард Пайпс (бывший советник Рейгана и Буша по делам национальной безопасности) с женой Иреной говорят по-польски без малейшего акцента, хотя более шестидесяти лет живут вне Польши. То же самое — Роман Шпорлюк, начальник самой видной в мире кафедры истории Украины, директор Украинского научного института (40 лет вне Польши). Его заместитель Любомир Гайда говорит по-польски бегло, но немного растягивает слова.

Подобным образом, должно быть, говорили выросшие на восточных окраинах Польши Мицкевич и Словацкий.

В старом университетском городке (известном как Гарвард-ярд) в последнее время разошлась шутка: «Хочешь сделать карьеру в Гарварде? Выучи китайский или польский. Английский тоже иногда не повредит».

Во время своей лекции (по-английски) в зале семинаров Украинского научного института мне захотелось проверить, сколько слушателей понимают польский язык. Мимоходом вставляю по-польски: «Ведь украинцы не гуси, и свой язык знают» (парафраза ставшего крылатым выражения великого польского поэта XVI века Миколая Рея, который первым стал писать стихи не по-латыни, а по-польски: «Поляки не гуси и свой язык знают»). Пробежавший по залу смешок свидетельствовал, что были поняты не только слова, но также — по крайней мере частью аудитории — и литературно-исторический контекст XVI века.

В Торонто, когда мне требуется помощь в области истории, неизменной опорой служит профессор Петр Врубель — завкафедрой истории Польши (он всегда просит дать ему 30 секунд на то, чтобы собраться с мыслями); когда я хочу найти цитату из Конвицкого, на помощь приходит Тамара Трояновская, профессор польской литературы в Институте славянских литератур. Славой Мицкевича (это как раз то прекрасное исключение, о котором я уже упоминал), а также двух других уроженцев Литвы — Милоша и Конвицкого — мы обязаны, в частности, философу и историку Саймону Шапе. Этот почтенный профессор (ранее — Гарварда, теперь — Колумбийского университета в Нью-Йорке) опубликовал цитаты из польско-литовской поэзии и прозы в своем бестселлере четырехлетней давности «Пейзажи и память». Я упоминаю о нем потому, что он связан с Польшей иным образом: его прадед Элизер Шама, еврей, был плотогоном на Немане.

За время правления двух последних королей из династии Ягеллонов (1505-1572) Речь Посполитая значительно сократила дистанцию, отделявшую ее от европейских культурных центров, какими в те времена считались Северная Италия и Нидерланды. Когда Португалия изгнала своих евреев, а активность инквизиции достигла высшей точки, Нидерланды и Польша стали надеждой разных иноверцев со всей Европы, поскольку предоставляли им убежище. Благодаря акту Варшавской конфедерации (1573) Речь Посполитая стала самым веротерпимым государством среди больших европейских стран. Когда в Португалии умирал великий Камонс и его родина утрачивала независимость, в Речи Посполитой канцлер Ян Замойский получил булаву великого коронного гетмана, а страна вступила в самый блестящий период своей истории, запомнившийся в большей степени мощью и притягательностью польской культуры, чем военной силой гусаров. Тогда добровольно полонизировались немецкие городские патриции, полонизировалось литовское и русское дворянство. Делегация Речи Посполитой, высланная в 1581 г. для переговоров с Москвой в Ям-Запольский, состояла из русина (Януш Збараский) и двух литовцев (Альбрехт Радзивилл и Михал Харабурда), причем второй на самом деле был белорусом. Современники не видели в этом ничего необычного.

Слабее выглядит присутствие польской культуры и польского языка на востоке. Лилиана, молодая украинка, кандидат наук в Гарварде, утверждает, что в советские времена во Львове можно было купить «Пшекруй» и «Пшиячулку», иногда бывала «Политика». Сейчас польской прессы нет вообще, зато во множестве присутствуют русские газеты и журналы. Профессор Шпорлюк говорит, что «Литературная газета» в США стоит три доллара, зато на Украине доступна всюду за одну двадцатую часть этой суммы. Украинцы не виноваты, что Россия субсидирует свои издания, но поляки забывают, как важно польское слово во львовских и киевских киосках.

Польские фильмы. Если бы не великие фильмы Кеслёвского, которого знают везде, последним польским явлением на требовательном американском рынке был бы незабвенный «Нож в воде» Полянского 1962 года. Анджей Вайда недавно сказал: «Какой парадокс! Сегодня молодые — граждане мира, а их фильмов никто в мире не хочет смотреть». К счастью, кое в каких столицах проходят фестивали польского кино, так что, по крайней мере, хоть поляки собираются...

Слышу скептические голоса: а не обеднеет ли польская культура, не потеряет ли свой колорит, если якобы успешный для нас исторический процесс будет все глубже втягивать народ в орбиту западной

цивилизации? Достаточно послушать, на каком языке молодые поляки разговаривают между собой, спросить их, чем они интересуются. Не будет ли вскоре для них культура равнозначна «щелчку на очередной пиктограмме» в Интернете?

«Что ж тут скрывать (...) все мы страдаем комплексом неполноценности. Никто из нас не знает, как должно выглядеть и нормально функционировать серьезное государство. (...) Одни за другими наши правительства, режимы и администрации пали, стали посмешищем, с треском обанкротились».

«Польша — это страна пародистов, Польша — родина пародии. (...) А поскольку мы спародировали уже все на свете: свободу и неволю, патриотизм и угодливость [...], то теперь уже пародируем собственные пародии».

Так — преображенная литературным сознанием Тадеуша Конвицкого — выглядит действительность в ПНР периода агонии. В январе 1982 г. я с бешеным читал в «Восходах и заходах луны» о разговоре Тадеуша Конвицкого с ясновидящим, отцом Чеславом Климушко. Припертый к стене настойчивыми вопросами о будущем Польши, ясновидящий вздрагивал, как перед кошунством, но, наконец, ответил:

«Ребята, все будет хорошо. Перед Польшей пятьдесят та-а-ких лет! (...) Приходит время для Польши, ее враги падут. Перед Польшей я вижу ясность и восхождение вверх».

Я был в бешенстве, что Конвицкий и Климушко глумятся над такими, как я. Это были времена Брежнева с Суловым и Ярузельского с Кищакком. Ну, и кто же был прав? Разумеется, Климушко с Конвицким.

Сегодня уже нет необходимости в ясновидении, чтобы заметить, что Польша начала «восхождение вверх». Достаточно немного отвлечься от нелепостей окружающей действительности.

Заканчиваю цитатой из источника, традиционно неблагоприятного по отношению к полякам. Крупная канадская газета «Глоб энд мейл» в течение многих лет вела кампанию против расширения НАТО на восток. По мнению газеты, Польша была печальным недоразумением на фоне великой задачи приглубить Россию. Пройдя осенью газета изменила тон, а за несколько дней до принятия Польши в НАТО комментатор-международник Маркус Джи опубликовал большую статью, из которой я приведу только название и вступление:

ПОЛЬША — ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ НА СЦЕНУ

Что возникает перед вашим мысленным взором, когда вы слышите слово «Польша»? Проигранные кавалерийские атаки? Хамские шутки? Усы Леха Валенсы? Пора изменять подобное мнение. Через десять лет после падения коммунизма Польша переживает ренессанс, который навсегда похоронит эти стереотипные представления о поляках.

Вступление Польши в НАТО увенчало десятилетие невероятного прогресса, который произошел в этой стране во всех областях. После полувека советской оккупации народ Коперника и Шопена занял принадлежащее ему место среди свободных народов Европы. Экономика Польши развивается чуть ли не быстрее всех в Европе. Ее культура и язык переживают расцвет.

Если даже канадец преувеличил, то разве не этого мы хотели десять лет тому назад?

Гжегож Пшебинда

МИЛОШ, ХЕРЛИНГ, КАПУСЦИНСКИЙ...

О некоторых изданиях польских писателей в сегодняшней России

Из России доходят иногда и хорошие вести. После «перестроечного» засушливого периода в польско-русских литературных контактах в последнее время, похоже, наступила оттепель, предвещающая — хотелось бы на это надеяться — какую-то новую раннюю весну. На этот раз более устойчивую, чем та, об интенсивности которой судили по барометрам, именуемым «поездами дружбы».

Мицкевич и потомки

Событием эпохального значения в истории наших литературных связей стала публикация «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича в переводе и с филологическими комментариями Святослава Свяцкого, с предисловием Чеслава Милоша и иллюстрациями Юзефа Вильконя, проникающими в самую суть поэтического образа. Издание было осуществлено петербургским издательством «Всемирное слово». А в завершившемся 2000 г. в России вышла в свет фундаментальная антология «Польские поэты XX века», подготовленная Натальей Астафьевой и Владимиром Британишским. В двух увесистых томах, опубликованных петербургским издательством «Алетейя», помещены стихи 89 польских поэтов — от Леопольда Стаффа до Яцека Подсядло. Мы найдем здесь, с одной стороны, Юлиана Тувима, Болеслава Лесьмяна, Антония Слонимского, Юлиана Пшибося, Анатолия Стерна, Казимежа Вежинского, Александра Вата и Владислава Броневского, с другой же — Чеслава Милоша, Збигнева Херберта, Виславу Шимборскую и Тадеуша Ружевица, не говоря уже о сравнительно молодых, тридцати- и сорокалетних: о Маргине Светлицком, Павле Марцинкевиче, Брониславе Мае, Яне Польковском. Эдвард Бальдещан написал в «Новой Польше» (2000, № 12) о новаторском — в том числе для

польских читателей и литературоведов — характере этой российской антологии: «Субъективность отбора, личные вкусы переводчиков, их интерес к творчеству тех авторов, которые не удостоились признания в салонах моды, диктуемой польскими средствами массовой информации (например, Владзимежа Слободника, Яна Выки, Яна Спевака, Мариана Яхимовича) — все это вызывает доверие к создателям антологии».

Оба эти издания увидели свет не без организационного участия польской стороны: издательским рецензентом русского «Пана Тадеуша» был профессор Рышард Лужный (†1998), а антология польской поэзии вышла при финансовой поддержке Польского литературного фонда на средства министерства культуры и национального наследия Польши. Благодаря неустанным стараниям Ежи Помяновского осенью 1999 г. в Варшаве и в Кракове гостила многочисленная делегация российских переводчиков с польского, которым были вручены медали в министерстве культуры и которые изыскивали средства для своих будущих переводных изданий — по определению некоммерческих. Особенно плодотворным, как впоследствии оказалось, был визит в краковскую «Виллу Деция» и беседа с Альбрехтом Лемппом, представлявшим Польский культурный фонд. Как участнику этой встречи мне хотелось бы выразить личную радость оттого, что уже сегодня перед нами ощутимый ее результат — вышеупомянутая антология польских поэтов.

Польская «Иностранная литература»

Издаваемому в России с 1891 года журналу «Иностранная литература» за свою более чем столетнюю историю пришлось, в зависимости от политической конъюнктуры, несколько раз

менять название. Он назывался и «Вестник зарубежной литературы», и «Литература мировой революции», и «Интернациональная литература»... Сегодняшнее свое имя он носит со времен хрущевской оттепели, когда он стал для читающей России чем-то вроде литературной форточки в мир, причем способ и степень открытости этой форточки, влиявшей на то, какой год будет для журнала тучным, а какой — тощим, опять-таки зависела от политической атмосферы. Ныне в состав международного совета журнала входят, в частности, Чингиз Айтматов, Януш Гловацкий, Гюнтер Грасс, Милан Кундера, Кэнзабуро Оэ и Умберто Эко, а в российском общественном редакционном совете фигурируют Сергей Аверинцев, Василий Аксенов и Виктор Ерофеев.

Августовский номер «Иностранной литературы» за 2000 год в основной своей части, названной «Польское созвездие», предлагает читателю стихи Шимборской в переводе Асара Эппеля, фрагменты «Придорожной собачонки» в переводе Валентины Кулагиной-Ярцевой, «Белую ночь любви» Херлинга-Грудзинского в переводе Алексея Михеева. Фрагменты «Черного дерева» Капусцинского перевел Сергей Ларин, отрывки из «Мать уходит» Ружевича — снова Эппель, «Мою автобиографию» Мрожека — Сергей Макарец, а несколько глав из «Бесповоротно утраченной леворукости» Пильха и рассказ Токарчук «Номера» — Ксения Старосельская. Есть еще киноновелла Кеслэвского «Случай» в переводе Стеллы Тонконоговой и взятое из сборника «Секс Варс» эссе Лема (наверное, самого популярного в России польского писателя) в переводе Юрия Чайникова... Хорошо, что приходится перечислять так много фамилий писателей и переводчиков.

Все желающие могут все это в России прочитать: журнал «Иностранная литература» выходит тиражом свыше 13 тыс. экземпляров, из чего почти четыре тысячи поступает в библиотеки Российской Федерации и некоторых стран ныне догорающего СНГ.

Анти-Достоевский и анти-Чехов?

До чего же захватывающе занятие — читать по-русски всю эту польскую подборку! С некоторыми из наших литературных *dii minores* я познакомился именно в переводе — раз уж я столь неисправимо русифицированный филолог, — читая их впервые. И, надо признаться, что у российского конструктора этого польского литературного созвездия неплохой вкус и верная рука. Все читается одним махом, от корки до корки; вновь появляющиеся польские писатели вызывают интерес как неповторимые, оригинальные художники слова, но и тут они воспринимаются как органичные звенья польской литературной культуры, нужные русским читающим людям. Зажить собственной жизнью на российской почве — это сегодня и большая честь, и большая ненадежность... В литературном плане это пространство полностью освоено, и трудно сказать здесь действительно новое слово, даже если приходишь из «панской Польши». И все-таки после знакомства с этими замечательными публикациями становится очевидным, что подавляющая часть польских текстов идеально функционирует в условиях требовательного русского рынка и участвует в литературном обращении. Этому способствуют как язык и стиль, так и затрагиваемые вечные проблемы. А может быть, и то, что высококвалифицированным переводчикам удалось сделать так, чтобы в этих текстах зазвучала полнокровная русская речь.

К счастью, ни один из польских авторов не поддался соблазну «выпендрежа», о котором говорит Милош в «Придорожной собачонке» (1998): *«Как же часто польский прозаик, поэт, режиссер изо всех сил пытается придать своим произведениям отстраненность и глубину, потому что так принято делать, исходя из того, что мы во что бы то ни стало должны корчить мины перед Западом и делать вид, что мы в состоянии ниспровергать авторитеты, сеять повсюду безнадежность, чувство абсурда, постмодернизм и так далее. Выпендривающегося художника можно узнать по отсутствию подлинности и про-*

стоты, то есть по заимствованной стилистической вкусовщине». В дальнейшем мне хотелось бы поделиться некоторыми собственными суждениями о Херлинге, Капусцинском и Милоше исключительно затем, чтобы вписать их — хотя бы эскизно, одним-двумя штрихами — в русский интеллектуальный контекст. Каждый знает, что Милош давно и упорно сражается с Достоевским. Страницы «Кантона Ульро», посвященные автору «Бесов», можно считать одними из самых пронизательных в мировой литературе. Недавно в интервью католическому журналу «Вензь» Милош заметил следующее: *«Тревоги Достоевского за будущее России порождены его русским мессианизмом. Это взгляды русского империалиста и мессианиста, враждебные по отношению к некоторым народам. Враждебные католичеству и тем нациям, которые, с его точки зрения, являются представителями католичества, то есть полякам и французам. Поэтому сегодня нужно быть особенно внимательным ко всему этому. Ведь русский империалист может найти у Достоевского достаточно материала, для того чтобы предпринять какое-нибудь безумство»*... Святая истина! Но по-своему прав и Ян Гондович, когда он видит родство между метафизическим миром Милоша — безудержно создаваемым и в «Придорожной собачонке», и в последнем сборнике стихов «Это» — и внезапным «восторгом бытия», которому поддавались некоторые герои Достоевского... И даже не православный националист Лев Мышкин, а скорее Алеша Карамазов и святой старец Макарий Долгорукий из романа «Подросток»... Но самое важное из того, что роднит «Придорожную собачонку» с вождленным миром великого русского романиста — это непреодолимое желание преодолеть историческое время и защита своего личного «я» от вселенского молоха. Из «Придорожной собачонки»: *«Когда-то мне казалось, что достаточно одной осознанности, чтобы избежать повторения, то есть той же самой судьбы, какой была судьба других смертных. Что за бессмыслица! И все же само по себе отделение сознания от тела, наделение ее такой волшебной силой, будто бы достаточно з н а т ь , что-*

бы околдовать, — вот это не так уж и глупо».

Густав Херлинг-Грудзинский представлен в упомянутой русской подборке повестью «Белая ночь любви». В ее сюжете раскрывается психологический облик вымышленного героя Лукаша Клебана, старика, известного в Европе театрального режиссера, который на восемьдесят пятом году жизни навсегда теряет зрение. Основное действие происходит на закате XX века в Лондоне и Венеции, куда режиссер приезжает на глазную операцию, чтобы окончательно ослепнуть под ножом хирурга. Несмотря на утрату физической способности видеть, герою, однако, удается восстановить в своей личной памяти годы юности в Седльце, Варшаве и Гродно, в то время уже присоединенном к СССР. В повести много русских мотивов: автор зачастую обращается к Чехову, Тургеневу, к «Белым ночам» Достоевского. По замыслу Херлинга, известный итальянский врач-окулист, которому не удастся оперировать Клебана, удачно оперирует — разумеется, также в повести — небезызвестную Елену Боннэр... В «Белой ночи любви» хорошо заметно мастерство писателя, видно его умение создавать напряжение, проникать в психологическую глубину образов, описывать захватывающие путешествия героев во времени и пространстве, тесные связи повествователя с русской и европейской культурой.

И все же есть в этом произведении нечто явно лишнее, что мешало мне наслаждаться увлекательным чтением. В «Беседах в Неаполе» Херлинг-Грудзинский утверждает, что его повесть, как и многие другие, содержит в себе назидательный тезис или же мораль. «Белая ночь любви» должна была стать критикой творческого метода великого Чехова, в чьих пьесах без всякой надобности появляется ружье, с помощью которого решаются экзистенциальные проблемы героев. А во-вторых, добавляет Херлинг, в повести в отрицательном плане изображается сам Лукаш Клебан, который поддался искушению эстетства и бесполезно принес свою долгую жизнь в жертву ложному божееству искусства... Впрочем, писатель имеет, конечно, право истолковывать собственные про-

изведения, да и сам его тезис звучит весьма возвышенно.

И все же те фрагменты повести, в которых автор отказывается от спокойного повествования в пользу эстетико-назидательного тона, способствуют только отстранению и ничему большому — и тем самым совершенно непреднамеренным образом ослабляют «литературу» во имя «литературности». Роль иронического «ружья» у Херлинга может играть, например, некая нимфоманка бальзаковского возраста, ассистентка несчастного окулиста, чей чрезмерный сексуальный аппетит стал причиной неудачи медицинского мероприятия (бедняга засмотрелась на пациента, когда подавала инструменты...). Нельзя не заметить, что подобного рода критику Чехова нельзя назвать ни изысканной, ни убедительной. В «Белой ночи любви», как и в «Дьяволе» Льва Толстого, два отдельных, разных по содержанию эпилога — Херлинг снова воздаст непреднамеренные почести «литературности»... И тем не менее, к счастью, в повести польского писателя художественная литература одерживает победу над сей непрошеной гостью — литературностью. А посему с того света радостно кивает сам Василий Розанов, который ой как не любил, когда жизнь становилась слишком литературной: *«Не литература, а литературность ужасна: литературность души, литературность жизни (...) Может быть, я расхожусь не с человеком, а только с литературой? Разойтись с человеком страшно. С литературой — ничего особенного»*. В конце 2000 г. московское издательство МИК выпустило том рассказов Херлинга-Грудзинского из цикла «Горячее дыхание пустыни» и включило туда театральную повесть «Белая ночь любви» — в качестве первой книги из обещанной обширной серии «Библиотека «Новой Польши»».

Тропою матери-верблюдицы

Хотелось бы верить, что осуществленная «Иностранной литературой» публикация фрагментов книги Капусцинского «Черное дерево» повлечет за собой моду на этого писателя в ны-

нешней России. Кто, как не он, сумел бы с таким сочувственным мастерством описать страдания народов Черной Африки, подвергающихся воздействию железных законов географии и климата? Когда читаешь те страницы «Черного дерева», где описывается, каким образом более и менее могущественные колдуны могут влиять на жизнь племен в западной Уганде, как будто на собственной шкуре ощущаешь, что это вовсе не сказки и что там так оно и бывает. Милош когда-то сказал, что зачастую для поэта полезнее всего оказывается «перспектива гуся». При этом он сослался на «Чудесное путешествие» Сельмы Лагерлеф, которая изображает летящего гуся в двойной роли: *«Он летит над землей и сверху целиком охватывает ее взглядом, а вместе с тем видит каждую ее черточку, что может быть метафорой призвания поэта»*. Капусцинский выбрал для себя путь образованного репортера, который умеет направляться «по верблюжьей тропе» к очередному колодцу в мертвой пустыне. Он превосходно знает историю той территории «географической Африки», которую хочет описать, но, чтобы самому почувствовать ее настоящее и перенести это живое знание в европейские пространства, он пешком отмеряет вслед за здешней кормилицей-верблюдицей сотни, а может, и тысячи пустынных километров... Кто же лучше русских, которые, по словам Чаадаева, напоминают кочевников в бескрайней степи, поймет смысл подобных странствований? Любители платоновского «Джана», конечно же, верно его прочувствуют.

Я мечтаю о том, чтобы Рышард Капусцинский написал еще одну, вторую после «Империи», книгу о России — и чтобы с таким же мудрым сочувствием, как в «Черном дереве», описал радости и невзгоды по крайней мере нескольких малых народов современной Российской Федерации, хотя бы тунгусов, чукчей, долганов, хантов и манси... Тем более что после распада СССР вся сложность существующих проблем не сводится к вопросу об отношении русских к этим малым этносам. Оказывается, например, что в Якутии давнишнюю функцию «русских» взяли на себя сами якуты, которые презрительно относятся к своим соседям-меньшинствам — эвенкам, эвенам и юкагирам.

Александр Липатов

ПОЛЬСКАЯ ЛЕПТА В РУССКУЮ СОКРОВИЩНИЦУ

Каждая значительная национальная литература значима и для других народов. Ее влияние выходит за пределы собственного (национально-государственного) культурного пространства, приобретая универсальные черты и значения. Это своего рода исторически обусловленное возвращение к ценностям, общим для всей цивилизации, но возвращение *национальное*, благодаря которому общая сокровищница европейской литературы (и шире — культуры) постоянно обогащается.

В историческом процессе сосуществования, т.е. взаимодействия европейского универсализма с национальным своеобразием, Польша занимает особое место: как благодаря своему пути внутреннего развития (отмеченному в Средние века таким шедевром национальной поэзии, как «Богородица», а в следующую эпоху — гением Яна Кохановского), так и благодаря передаче своих ценностей в круг восточнославянских культур. На Украине и в Белоруссии этот процесс приобретает отчетливые очертания в XVI веке, в России же — в XVII-м. В общеевропейском масштабе этот международный трансферт локального типа приобретает универсальное измерение. Культуры восточных славян, принадлежавшие к кругу *Rex Orthodoxa*, получая польские ценности — национальную реализацию ценностей *Rex Latina*, — в результате взаимодействия своего варианта византизма с польским вариантом латинства создали синтез, давший истоки общеевропейскому процессу в литературе, искусстве и высокой культуре.

Исключительная роль Польши на начальном этапе этого процесса была обусловлена, с одной стороны, обращенным к *Rex Latina* течением в восточнославянской культуре, которое возникло вследствие гибели Византийской империи как живого и жизнеспособного культурного центра (в связи с чем византизм из жизненной силы превратился в инертную силу застывшей традиции), с другой же — самой спецификой польской национальной культуры.

Уже на заре своей истории Польша находилась в сфере не только прямого взаимодействия *Rex Orthodoxa* и *Rex Latina*, но и взаимопроникновения этих двух кругов (миссия Кирилла и Мефодия, позднее — украинско-белорусские земли в составе польско-литовского государства). Особенно это отразилось на культурном феномене восточных окраин («кресов»), которые со времен Павла Русина из Кросно или Миколая Рея и вплоть до наших дней породили многих выдающихся авторов; мотивы же и сама атмосфера этих земель получили отражение не только в польских литературных текстах, но и в названиях жанров (пастораль, дума) и течений польской литературы (украинская школа, литовская школа времен романтизма, «кресовое» течение в литературе XX века, начиная с Ваньковича и Винценца, и, кончая нашими современниками — Конвицким, Одоевским, Стрыйковским и др.), причем начало этим течениям было положено в период Ренессанса и барокко (наиболее яркие примеры — Миколай Хуссовчик, Шимон Шимоновиц, Шимон и Юзеф Бартломей Зиморовицы).

Культурному сосуществованию *Rex Orthodoxa* и *Rex Latina* способствовала открытость государства и его культуры, а также система дворянской демократии, благодаря которой в золотой век Речи Посполитой Обоих Народов возникла многоэтничная польская политическая нация.

В истории возникновения, становления и выработки национального облика отдельных литератур в рамках наднационального процесса особое место принадлежит барокко. После обращенного к античности, подражающего классике Ренессанса, который сформировал национальные литературные языки (в славянских странах в этом смысле репрезентативна чешская, польская и хорватская литература), барокко отличалось восприимчивостью не только к национальным реалиям, сюжетам, мотивам, но и к связанным с ними формам, а также к самим национальным умонастроениям. В этом отношении польское сарматство может служить едва ли не лучшим примером, своего рода моделью исторически

прогрессирующей тенденции преобразования — на местной этнической почве — изначально универсального содержания и связанных с ним ценностей в национальные.

Образцовое совершенство, с одной стороны, романтизма, с другой — высокого барокко в их польском варианте стало решающим не только для ранга польской литературы как таковой, не только для ее воздействия внутри Польши и на поляков: на их сознание, эмоции, национальное самосознание, — но и для внешнего ее влияния. Влияние это имело не только местное, но и общеевропейское значение, причём именно в своих местных последствиях.

Стремясь выйти на политическую арену тогдашней Европы, Московское государство было вынуждено постепенно менять свою культурную ориентацию. Происходило это по инициативе светской элиты, вопреки церковной традиции и позиции значительной части иерархии. Роль посредников сыграли здесь — по крайней мере, начиная с последних десятилетий первой половины XVII века — православные собраты с Украины и из Белоруссии. Благодаря им московские литераторы постепенно вошли в непосредственный контакт с текстами, возникавшими в Польше.

Польское влияние на восточнославянскую литературу было поистине всеохватывающим: оно касалось и художественной, и полемической литературы, и литературной теории. Благодаря ему была принята силлабическая система, которая легла в основу светской поэзии, уже существовавшей в мире восточнославянского православия. Вместе с тем отдельные жанры и стили перенимались путем не только заимствования, но и своего рода сочетания с существующими традициями. Здесь соединяющим звеном по многим отношениям стали общие для средневекового европейского Запада и Востока жанровые традиции, которые в Польше возродились и ожили в эпоху барокко, принимая соответствующую времени стилистическую форму. Это касалось прежде всего полемической литературы, агиографии и паремииографии. Восточнославянский мир сочетал друг с другом не только родственные по происхождению, хотя и отличающиеся стилистически жанры, но и жанры «созвучные»: например, привычную для литературы Московского государства «военную повесть» с одой или «хвалебную речь» с панегириком. Высокий, торжественный и возвышенный стиль барочных проповедей или эпоса сочетался с восходящей к XIV веку православной традицией «плетения словес». Все это в значительной степени повлияло на специфику барокко в восточнославянских литературах, перенявших эту систему при польском посредничестве в той форме, какую отдельные барочные эталоны получили в польском языковом пространстве.

Вышесказанное во многом относится и к литературной теории. Польская поэтика и риторика преподавались в Киево-Могилянской академии, позднее — в московской Славяно-греко-латинской академии и российских духовных семинариях XVII-XVIII вв. Отсюда продолжавшееся до 30-х годов XVIII века влияние польской поэзии на русскую. Его дальнейшее ослабление связано с реформой стихосложения, проведенной в 1730-е гг. Ломоносовым. Этот всесторонне образованный ученый, возможно, принимая за образец немецкую поэзию, которую он знал в совершенстве, ввел силлабо-тоническую систему, в большей степени отвечающую особенностям русского языка.

Тем не менее польская поэзия продолжала пользоваться признанием, как и польская литературная эстетика, в особенности М.К.Сарбевский. Во второй половине XVIII в. слава Сарбевского росла вместе с общим развитием российской системы образования. Это был также период расцвета литературы русского Просвещения, черпавшей из барочного наследия, в котором отечественные традиции были родственны польским.

Начиная с XVII века можно говорить о польском как о языке высокой культуры, а в более узком значении — новой литературной культуры. В последние десятилетия XVII в. польский стал придворным языком Московского государства. Его включили в программу Славяно-греко-латинской академии, где он продержался до конца следующего столетия. Именно этим объясняется знание польского Ломоносовым. Помимо рукописных польско-русских словарей XVII в. был издан первый печатный словарь К. Кондратовича. Польский язык знали такие ведущие представители русской литературы первой половины XVIII в., как А.Д.Кантемир и В.К.Тредьяковский. Последний, реформатор русского стихосложения, выразил свое лестное мнение о польской литературе в произведении «Письмо о русской поэзии к Аполлону» (1735). Позднее, во времена Просвещения и романтизма, когда статус языка современной

европейской культуры закрепился за французским, часть просвещенных слоев все еще знала польский. В этом отношении интересным свидетельством продолжающихся польских влияний может быть написанное по-польски письмо известного поэта, будущего декабриста К.Рылеева к Ю.У.Немцевичу (11.09.1822): «Zamiłowanie prawdy i wszystkiego, co jest ojczystym, natchnęło mi zamiar podania uwadze ziomków moich wielkie bohaterów rosyjskich czyny i przyjaciół całego rodu Człowieka. «Śpiewy historyczne» J. W. Pana były dla mnie wybranym wzorem, dla którego się nauczył języka, ozdobionego imionami Kochanowskich, Krasickich, Trembeckich i Niemcewiczów»*. Посвящая Немцевичу свой перевод «Думы о князе Михале Глинском», Рылеев продолжает: «Płody geniuszów są spólną wszystkich własnością: ja zaś śmiem uręczać Szanownego Nestora polskiej literatury, że i na brzegach Newy młodociane w królestwie nasze pokolenie z rozkoszą się napawa słodkim sarmackiej lutni dźwiękiem i umie cenić przyjaciół wielkiego Washingtona»**. Любопытно определение «сарматская лютня», свидетельствующее о продолжающихся в России с XVII века ассоциациях польского своеобразия с сарматством.

Начиная с пушкинских времен, а точнее — с самого Пушкина, роль польской литературы изменяется: в творчестве русских писателей и мыслителей она становится не образцом, но импульсом. Однако не сразу и не для всех. Выше я упомянул о влиянии «Исторических песен» Немцевича на возникновение жанра думы у Рылеева. Другой пример подобного рода представляет собой творчество известного в те времена поэта, тоже будущего декабриста А.Бестужева (Марлинского), который под влиянием польской патриотической поэзии Просвещения и романтизма старался создать русскую модель гражданской поэзии. В связи с этим знаменательно его признание: «Я совершенно доволен польской поэзией, — пишет он матери, — Она дышит патриотизмом, а фантазия часто облекается в форму новых мыслей и метких оборотов. Продолжая изучать польский, я добываю новую руду для русского языка» [цитата приводится в обратном переводе с польского].

Иное значение приобретает польское творчество начала XIX в. в произведениях Пушкина. Как и подобает великому творцу, Пушкин, плененный талантом и личностью Мицкевича, переведивший его стихи, всегда остается самим собой. Отсюда иное (нежели у Рылеева и Бестужева) качество его восприятия как всего польского вообще, так и польского образа русской действительности у Мицкевича в частности. Можно рискнуть утверждать, что без русского фрагмента III части «Дядюв», этого шедевра польского романтизма, не появился бы такой шедевр русского романтизма, как «Медный всадник». Оба произведения отличаются друг от друга буквально всем: жанром, фабулой, стилем, не говоря уже об образе мышления. Однако их объединяет происхождение: Мицкевич коснулся болезненных для России проблем, которые обсуждались как среди его *русских друзей*, так и в более широких кругах российской элиты. Позднее проблемы эти стали стержнем полемики славянофилов и западников на тему раздвоения русской культуры со времен (и вследствие) реформ Петра I. Поэтический образ у Мицкевича дал толчок к поэтической конкретизации образа у Пушкина.

Помимо этого, польские мотивы часто используются в русской поэзии и прозе. Здесь можно легко заметить развитие в двух различных направлениях: польские мотивы и фигуры поляков появляются в связи с темами, затрагивающими историю, что вполне естественно, учитывая непосредственное соседство обеих стран в пространстве и времени. Однако, появление этих мотивов и героев в произведениях на различные злободневные по тем временам темы, тесно связано с изменениями в самой общей истории: после разделов значительная часть Польши оказалась в пределах России. Ввиду этого значение, смысл и качество польской тематики довольно резко изменились, став составной частью *внутренней* истории России.

* «Любовь к истине и ко всему родному вдохнула в меня намерение предложить вниманию соотечественников моих великие деяния богатырей русских и друзей всего рода человеческого. Ваши «Исторические песни» были для меня превосходным образцом, ради которого я выучил язык, украшенный именами Кохановских, Красицких, Трэмбецких и Немцевичей».

** «Плоды гениев — общее всех людей достояние: я же смею заверить Достойного Нестора польской литературы, что и на берегах Невы юное в царстве наше поколение с наслаждением внимает сладостным звукам сарматской лютни и умеет ценить друзей великого Вашингтона». Обе цитаты приводятся по: «Памяти декабристов», Л., 1926, т. I, стр. 30. — *Пер.*

Культурная преемственность XIX-XX вв. по самой своей внутренней сути существовала вне *преемственности политической*, т.е. вне официальной идеологии и вопреки ей. Она представляла собой ядро положительных представлений русских о Польше и поляках, о художественном уровне польской литературы, будучи также для русских авторов образцом идейно-эстетической изобретательности во времена — выражаясь словами Кухажевского — как белого, так и красного царизма. В этом отношении весьма симптоматично высказывание Иосифа Бродского. Говоря о своих переводах Норвида, Галчинского, Милоша, Херберта, Шимборской, Стаффа, он констатирует: «Они были не столько вкладом в так называемый русско-польский культурный диалог, сколько фактом моей собственной биографии. Мне кажется, что их читателям я, как переводчик, дал не так уж много. Скорее я дал им нечто как человек, читавший этих названных и не названных мною поэтов. Что же касается вклада, то все обстоит как раз наоборот — это польские поэты и их произведения способствовали формированию или, точнее, сформировали мысль стоящего перед вами»***.

Однако, помимо *культурной преемственности* в российском восприятии польской литературы, существовала *преемственность идеологическая*, создаваемая и актуализируемая на протяжении XIX-XX вв. правящими верхами. Польский вопрос (наряду с еврейским) был тем точком, на котором оттачивался официальный патриотизм и национализм, приобретающий порой форму шовинизма. Во второй половине XIX — начале XX в. преемственность эта ознаменовалась публицистикой в духе Каткова, историософией в духе Данилевского, а в художественной литературе — так называемым антинигилистическим романом. Продолжение той же тенденции после большевистского переворота в период, предшествующий монтажу ПНР, отразилось в идеологизированной советской литературе, искусстве и публицистике с той лишь разницей, что здесь налицо интерпретация согласно новой идеологической доктрине. Это сосуществование культурной и идеологической непрерывности во второй половине XIX века постепенно подверглось изменению с жанровой точки зрения: культурная непрерывность постепенно начала перевешивать. В этом процессе важной вехой стал труд А.Н.Пыпина «Польский вопрос в русской литературе», который стараниями А.Свентоховского уже через год вышел в польском переводе. Отвергая идеологические шаблоны, ученый разрушает стереотипы официальной российской мысли и без колебаний дает взвешенную оценку антипольским стихам Жуковского и Пушкина. Мышление в категориях европейской культуры исключает возможность появления в суждениях Пыпина великодержавного и шовинистического подхода, традиционного для подавляющего большинства общественного мнения (особенно после восстания 1863 г.), и благодаря этому выявляет общие ценности, объективно сближающие и соединяющие Россию и Польшу. «На этом пути, — утверждает автор, — при наличии доброй воли обе литературы могут объединиться в общем понимании многих важных вопросов российской и польской исторической жизни, настоящего. В особенности же они могут начать прояснение того исторического раздора, который так угнетает польское общество и вредит обеим сторонам — с тем, чтобы найти общие пути в будущее».

Желание А.Н.Пыпина осуществилось в период русского Серебряного века, совпавшего по времени с «Молодой Польшей». Тогда польская литература стала для русской и образцом, и импульсом, что особенным образом проявилось в восхищении русских символистов творчеством Словацкого и Красинского, а также в общем росте интереса к поэзии Мицкевича.

В этот период очередного открытия русскими Польши и поляков существенную роль, помимо великих поэтов романтизма, продолжали играть современный польский позитивистский роман и младопольская проза (С.Жеромский, А.Струг, В.Серошевский и др.). Они поднимали общественные, культурно-бытовые и ментальные проблемы, близкие русской интеллигенции, у которой тоже были свои Юдымы и Силачки. С другой стороны, необыкновенная популярность в России С.Пшибышевского отражает модернистские устремления — те же или подобные тем, что возникали в то время на российской почве. Пшибышевский высвобождал их, служа одновременно образцом и импульсом.

*** Из выступления Бродского по случаю присвоения ему почетной степени доктора honoris causa Силезского университета в Катовице. Полностью текст выступления опубликован в «Новой Польше», 2000, №4. — Пер.

Благодаря такой безграничной открытости к Польше подлинный удельный вес польской литературы и польских проблем в российском сознании по сравнению с другими литературами Европы динамически возрастал. Процесс этот был обусловлен и тем, что польский вопрос был как внешней (западноевропейской), так и внутренней (русской) проблемой, что особым образом сказалось после начала I Мировой войны. Кроме того, ввиду российской специфики знаменитое пушкинское определение реформ Петра I как «окна в Европу» во многом означало «окно из Европы». Как уже было сказано, Польша сыграла в истории России существенную роль еще до петровских времен, готовя русскую культуру к принятию новых для нее западных ценностей и создавая на протяжении XVII века почву для непосредственной встречи России с Западом. Однако, в конце XIX века роль Польши, как внешнего и в то же время внутреннего русского вопроса, была особой. Став «окном из Европы», польская культура способствовала возникновению таких синтезов русской и польской идеи в рамках европейского универсализма, как философия Вл. Соловьева или Вяч. Иванова. Это была своего рода практическая реализация вышеприведенных слов А.Н. Пыпина, вернувшая созвучие польской и русской культуры со времен декабристов, Чаадаева, Мицкевича, Вяземского. Созвучие это было задушено сверху системой правления Николая I и официальной идеологией, которая не давала высказываться независимой мысли. Именно поэтому, вследствие социальной техники, а не естественной эволюции, фигуры и идеи Уварова, Данилевского или Каткова заслонили собой и подчинили своему влиянию интеллектуальную и литературную жизнь России, что получило отражение не только в художественно второразрядном, хотя популярном и влиятельном течении антинигилистического романа, но и в антипольской позиции Толстого в период восстания 1863 г. или во взглядах Достоевского.

Если принять во внимание такое положение вещей, то окажется, что конфронтация русских и поляков существовала лишь на поверхности жизни империи, в то время как под этой единственно допустимой для режима поверхностью таилась непрерывная, несмотря на внешние обстоятельства, преемственность польско-русских связей. Она была обусловлена не политическим, а культурным мышлением и потому конкретизировалась не в государственных категориях, но в общих категориях цивилизации.

Подводя итог, можно сказать, что вопрос отношений между поляками и русскими стоит рассматривать не только в национальных, государственных или конфессиональных аспектах, но и в аспекте внутренней обусловленности самого существования русских. Поэтому возникновение и судьба *гражданского общества* в России объясняют как тягу русских к польской культуре, так и историческую преемственность этого течения. С другой стороны, учет фактора государственного общества способствует пониманию сущности постоянной польско-русской конфронтации. Именно эти факторы представляли и представляют собой две параллельные и по сути своей противоположные тенденции в понимании и восприятии польской культуры русскими. Пожалуй, первым это не столько рационально объяснил, сколько поэтически почувствовал Мицкевич, познавший Россию изнутри.

Направленность русской мысли в условиях гражданского общества, как и весь исторически естественный (т.е. вытекающий из внутренних закономерностей, а не из социально-технических манипуляций правящей элиты) культурный процесс, в рамках которого она формировалась, были задушены большевистским режимом, который по-своему формировал государственное общество и продолжал российскую имперскую традицию. В советские времена (как и во времена Николая I) современная польская литература была представлена в СССР выборочно и фрагментарно. Мерилом допустимости была идейная созвучность, а начиная с середины 30-х — и формальные требования. Из старой литературы были представлены романтизм (разумеется, без Красинского) и позитивизм в соответствующем истолковании — таком же, какому подвергалась русская и западная классика. Так, вследствие регулирования властями культурной жизни, польская литература искусственно утратила свою роль импульса и образца.

Исключительная роль государства в жизни общества ослабевала медленно и непоследовательно: процесс этот начался во времена оттепели, набрал скорость в период перестройки и завершился распадом СССР. Благодаря ему в Россию смогла проникнуть настоящая, не пээнэровская польская культура. Однако, последствия более чем семидесятилетнего существования режима, полностью уничтожившие-

го гражданское общество, дают о себе знать, сохраняясь в стереотипах и умонастроениях, характерных для общества государственного — как дореволюционного, так и советского.

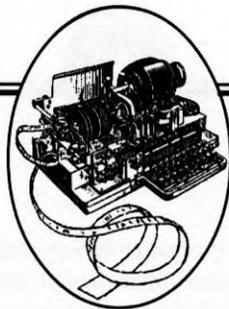
Кстати, начиная со времен оттепели польская культура, столь известная и ценящаяся в СССР благодаря литературе, кинематографии и живописи, не только оказывала художественное влияние, но и способствовала крушению этих стереотипов, ослаблению этих умонастроений. Вновь ожила преемственность, восходящая к XVII веку, которую большевизм почти не затронул. Снова повсеместным явлением стало преимущественно самостоятельное изучение польского языка ради того, чтобы получить доступ к продававшимся в Советском Союзе польским журналам и книгам. Польская культура привлекала россиян не только своей открытостью к Западу или экзотикой, но и своим персонализмом, которым она обязана как универсальной (родственные связи с культурой латинской Европы), так и своей собственной традиции (дворянская демократия, формировавшая культуру и ментальность поляков, и гражданское общество, существовавшее в Польше со времен Ренессанса).

Подытоживая все предыдущие замечания, которые вовсе не исчерпывают темы, но предлагают определенный подход к давнему узлу проблем, можно сказать, что восприятие польской литературы, а, говоря более широко — всей польской культуры, воплощенной в числе прочего в словесном искусстве, шло в России в двух различных направлениях. Направления эти были намечены формированием и судьбой государственного и гражданского общества, что в истории, интеллектуальной жизни и культуре России было обусловлено и связано, с одной стороны, с волонтаристической традицией (византизм через принадлежность к *Rex Orthodoxa*), с другой — со значительно более поздним персонализмом (западничество, первоначально состоявшее в контактах с Польшей, принадлежавшей к *Rex Latina*). Эти два направления означают (и отражают) раздвоение русской культуры, которое имманентно и эволюционно началось еще в XVII веке, начиная же с реформ Петра I стало заметно и внешне, поскольку было насильственно навязано сверху. (Быть может, отсюда происходят, отмеченные этнологией и отраженные в литературе, непостоянство, пугливость, неуверенность в себе и вытекающая из этого склонность к крайностям — от слепой покорности до слепого бунта).

Свойственные обоим направлениям типы мышления обусловили сущность и стиль двух разновидностей российского культурного восприятия. Поэтому русско-польские отношения следует объяснять не только (или не столько) национальными различиями и исторической конфронтацией в сферах политики и вероисповедания, сколько *внутрироссийской культурной конфронтацией*, вызванной возникновением и развитием в процессе сближения с Западом — наряду с традиционным государственным обществом — гражданского общества. Именно эта внутрироссийская конфронтация отражает все еще продолжающееся *культурное раздвоение России* и налагает свой отпечаток на российское восприятие польской культуры — как положительное, так и отрицательное.

Положительное восприятие характерно для гражданского общества, для которого польская литература была своеобразным национальным отражением универсальных ценностей, образа мышления и ментальности, общих для независимо мыслящих личностей, создающих культурное пространство вне официальной идеологии и требований властей.

Отрицательное восприятие свойственно обществу государственному, которое было лишено самостоятельного мышления, служило опорой режима и в то же время было носителем и проповедником официальной идеологии и культуры.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Анжей Олеховский (беспартийный соперник Александра Квасневского на последних президентских выборах), Мацей Плажинский (маршал Сейма, покинул «Избирательное действие Солидарность» — ИДС) и Дональд Туск (вице-маршал Сейма, покинул «Унию свободы» — УС) создали новую группировку «Гражданская платформа» (ГП), которая после парламентских выборов должна преобразоваться в политическую партию («Газета wyborcza», 20-21 января)

Если бы парламентские выборы прошли в начале февраля, ГП получила бы 17% голосов избирателей. Поддержка избирателями ИДС упала до 14% (месяц назад — 18%), УС — с 10 до 5%, «Союза левых демократических сил» (СЛДС) — с 52 до 46%. Поддержка ПСЛ (крестьянской партии) возросла с 6 до 10%. («Жечпосполита», 2 февраля)

Проф. Эдмунд Внук-Липинский: «Создание «Гражданской платформы» еще не свидетельствует о кризисе всей партийной системы. Если и можно употребить слово «кризис», то скорее применительно к политическим партиям от центра и вправо. Слева СЛДС силен и пользуется большой поддержкой. Вместо двухполюсной системы у нас начала формироваться система неравновесия: с одной стороны — СЛДС, с другой — целая плеяда перессорившихся друг с другом партий и партиек». («Жечпосполита», 26 января)

Главные политические партии, представленные в парламенте, насчитывают в общей сложности около 350 тыс. членов. Партии, входящие в ИДС: Консервативно-народная партия — свыше 18 тыс. членов, 27 депутатов Сейма, свыше 2,5 тыс. депутатов местных органов самоуправления (муниципальных советников); «Соглашение польских христианских демократов» — ок. 10 тыс. членов, 24 депутата, около 400 муниципальных советников; Христианско-национальное объединение — свыше 18 тыс.

членов, 21 депутат; общественное движение ИДС — 40 тыс. членов, около ста депутатов и 3 тыс. муниципальных советников. СЛДС — 101 тыс. членов, 161 депутат, 32 сенатора и около 8 тыс. муниципальных советников. «Уния свободы» — свыше 20 тыс. членов, 53 депутата, свыше 1,5 тыс. муниципальных советников. ПСЛ — около 140 тыс. членов, 26 депутатов, около 9 тыс. муниципальных советников. («Жечпосполита», 30 января)

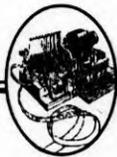
Инка Слодковская, социолог: «Партии в Польше укоренены слабо. (...) Поляки не стремятся ни вступать в партии, ни голосовать за них. Явка избирателей на парламентские и муниципальные выборы продолжает снижаться. (...) В повседневном сознании образ политика связан с худшими представлениями: с частными интересами, коррупцией и безнаказанностью». («Жечпосполита», 30 января)

По данным ЦИОМа, 71% поляков доверяют католической Церкви, 26% — не доверяют; 62% считают, что участие Церкви в политической жизни слишком велико, 30% — что ровно такое, как должно быть. («Тыгодник powszechny», 28 января)

В ответ на призыв Папы Иоанна Павла II Польша сократила долги самых бедных стран: Анголы, Судана, Эфиопии и Никарагуа — в общей сложности на 240 млн. долл. («Жечпосполита», 16 января)

Ген. Джозеф Ролстон, главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе, во время визита в Варшаву: «Мало того, что вы неспособны потратить деньги на армию, вдобавок вы выделяете их постыдно мало». («Впрост», 4 февраля)

Совет национальной безопасности при президенте будет расширен за счет введения двух экспертов — по экологическим опасностям и по изучению общественных настроений. («Жечпосполита», 19 января)

В бастионах Мендзыжецкого укрепленного района (Великопольша), насчитывающих 30 км подземных коридоров, зимуют 28,7 тыс. летучих мышей, принадлежащих к десяти преимущественно редким видам, которым грозит вымирание. Это самый большой в Европе заповедник летучих мышей. («Жечпосполита», 29 января)

Как сообщил польский МИД, 15-16 января на территории Калининградской области была проведена польская военная инспекция с участием трех польских офицеров и одного датского. Инспекция проводилась на основании Венского соглашения о средствах создания доверия и безопасности (1999). Инспекция касалась конвенциональных вооружений, а не ядерного оружия. («Жечпосполита», 18 января)

Во время сессии совета Россия—НАТО Польша не подняла вопроса о размещении тактического ядерного оружия в Калининградской области. Натовские дипломаты считают, что после публикации в «Вашингтон тайме» сообщения о ядерном оружии в Калининграде польские власти совершили серьезную ошибку. Президент и министр обороны потребовали провести инспекцию, хотя с точки зрения международного права Польша не имеет таких полномочий. И, что еще хуже, спровоцировали президента Путина на опровержение. Его слова мало кого в Польше успокоили, зато очень затруднили задачу НАТО. («Жечпосполита», 25 января)

Фонд им. Стефана Батория [название польского филиала Фонда Сороса] призвал Европейский союз упростить формальности, связанные с поездками в Калининградскую область после расширения ЕС, чтобы помочь в ее развитии. («Жечпосполита», 26 января)

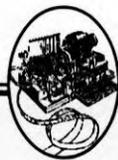
Правительственная комиссия по расследованию газовых контрактов установила, что Польша утратила контроль над проходящим через ее территорию участком Ямальского газопровода и не имеет никакого влияния ни на кабель на световодах, ни на сердце всей системы — компрессоры. Вот уже пять лет как капиталы вкладываются в это строительство без контроля польской государственной администрации. Комиссия постановила передать собранную документацию Гданьской прокуратуре, ко-

торая ведет следствие по делу о «превышении полномочий государственными чиновниками в 1992-2000 гг. в связи со строительством на территории Польши газопровода и кабеля на лазерных световодах и нанесении этими действиями ущерба государственной казне». Комиссия предлагает восстановить реальный надзор государственной администрации над осуществлением соглашения, заключенного между Польшей и Россией в 1993 году. («Жечпосполита», 16 января)

Стоимость имущества Александра Гудзоватого оценивают на сумму выше миллиарда долларов. Прямо или косвенно он имеет долю почти в каждом предприятии, связанном с поставками газа из России. В «Бартимпексе», семейной фирме Гудзоватых, каждый второй член правления, дирекции и наблюдательного совета был в свое время министром. Во властях всех фирм, связанных с Гудзоватым, насчитывается 17 бывших министров. В этих фирмах представлены также участники правительственных переговоров о «контракте века» на поставки российского газа в Польшу. С Ремом Вяхиревым Гудзоватый дружен, бывший заместитель премьер-министра России Олег Давыдов был на свадьбе сына Гудзоватого, сыновья экс-премьера Черномырдина косвенно имеют доли в компании, которая арендует кабель на световодах вдоль Ямальского газопровода. «Моя выгода совершенно не обязана совпадать с выгодой государственной казны», — заявил Гудзоватый. («Газета wyborча», 20-21 января)

Впервые в Третьей Речи Посполитой попал в тюрьму бывший министр. Суд в Гданьске выдал ордер на арест Вацлава Невяровского, в прошлом министра промышленности и торговли. Прокуратура обвиняет его во взяточничестве. («Жечпосполита», 1 февраля)

Президент Владимир Путин о Польше: «Поражают проблемы, с которыми мы сталкиваемся в прибалтийских странах, а также в Центральной и Восточной Европе. [На этом фоне] примером может служить улучшение наших отношений с Польшей. Пришло время задуматься над тем, как улучшить отношения и с другими странами». («Газета wyborча», 27-28 января, цитата приводится в обратном переводе)

«Дзенник киевский», самая большая польская газета на Украине, лишилась всего своего оборудования — прежде всего компьютерной техники — и архивов. Взломщики не взяли денег и бросили на месте преступления инструмент, использованный для взлома. (*«Жечпосполита»*, 15 января)

Бартломей Сенкевич, замдиректора Центра восточных исследований в Варшаве: «Несмотря на все конвульсии, которые переживает Россия в последнее десятилетие, это все же не такое государство, от которого можно ожидать политических безумств. А проблемы, стоящие перед Россией, в обозримом будущем исключают агрессивную имперскую политику (...) Нарастающий перевес России в отношениях с Белоруссией и Украиной в первую очередь вытекает из неспособности двух этих государств вынести груз суверенитета, а вовсе не из безумных имперских планов Кремля (...) созидание прагматического диалога [с Россией] — одно из главных требований, которое должно быть предъявлено польской политике, тем более важное, чем ближе дата приема Польши в Евросоюз». (*«Ты-годник повсехный»*, 21 января)

В Москве на совместной пресс-конференции министров иностранных дел Польши и России Владислава Бартошевского и Игоря Иванова российский министр сказал, что «между Польшей и Россией нет таких расхождений, которых нельзя было бы преодолеть». Иванов поблагодарил за переданные ему документы о судьбе советских военнопленных польско-советской войны 1920 г. и с удовлетворением принял точку зрения Польши на введение виз с момента вступления Польши в ЕС. Визы будут выданы как можно позже, а строгости при их выдаче будут максимально смягчены. Игорь Иванов побывал в польском посольстве на приеме по случаю визита В.Бартошевского в Москву. (*«Жечпосполита»*, 7 февраля)

6 февраля на кладбище Донского монастыря в Москве Владислав Бартошевский возложил венки и зажег свечи на символических могилах генерала Леопольда Окулицкого, последнего главнокомандующего АК, и министра Станислава Ясинкевича, заместителя представителя на родине польского правительства в изгнании.

Оба погибли в Бутырской тюрьме в 1946 году. «Я не предполагал, — сказал В.Бартошевский, — что возложу цветы на эту могилу. На могилу моего начальника по Армии Крайовой». (*«Газета wyborча»*, 8 февраля)

Министр юстиции Лех Качинский: «Данные за 1999 г. показывают, что осужденные за убийство выходили на свободу в среднем через семь лет, причем во второй половине срока часто получали увольнительные. 97% убийц покидают тюрьму досрочно». (*«Впрост»*, 21 января)

По инициативе депутата Мартина Либицкого, председателя польской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ), депутаты 11-и государств подписали в Страсбурге декларацию против легализации эвтаназии в Нидерландах и выразили протест против «любых шагов, направленных на легализацию эвтаназии в Европе». (*«Газета wyborча»*, 26 января)

В Польше впервые опубликован доклад о положении в убежищах для бездомных животных. В 1999 г. в убежищах было свыше 90 тыс. «пансионеров», в т.ч. 60 тыс. собак и почти 30 тыс. кошек. В сравнении с 1998 г. их общая численность возросла на 13%. В 1999 г. из-за недостатка мест в убежищах подверглись усыплению свыше 21 тыс. собак и кошек. Половина собак и четверть кошек из убежищ находят себе новых хозяев. Настоящая драма — с кошками: в 1998 г. в убежища были приняты 6 тыс. кошек, в 1999-м их было уже 18 тысяч; в среднем на одну клетку приходится 29 кошек; почти три четверти кошек умирают. (*«Жечпосполита»*, 27-28 января)

«В Польше уже есть уполномоченные по гражданским правам, правам ребенка, правам школьника, правам пациента, правам налогоплательщика, правам пенсионера, правам солдата... (...) Не достаточно ли вместо назначения новых уполномоченных соблюдать Уголовный и Гражданский кодексы?» (*«Впрост»*, 27-28 января)

По данным Главного статистического управления, инфляция в 2000 г. составила 8,5% — самый низкий показатель в истории

Третьей Речи Посполитой. (*«Тыгодник повсехный»*, 28 января)

Средняя зарплата брутто в 2000 г. возросла на 11%. Рост доходов в Польше и других странах Центральной Европы приводит к тому, что выезд на заработки на Запад перестает окупаться. Даже немецкие фермеры, чаще всего использующие труд поляков, вынуждены искать желающих работать. После того, как в Германии было дано разрешение нанять 20 тыс. специалистов по информатике из-за границы, этим предложением воспользовались всего лишь около ста поляков. (*«Впрост»*, 28 января)

По данным ЦИОМа, 80% поляков считают, что на свои доходы они могут купить меньше товаров, чем год назад. Лишь 5% поляков считают, что стоимость злота возросла. 10% опрошенных сказали, что на свою зарплату могут купить столько же, сколько год назад. (*«Жечпосполита»*, 24 января)

Задолженность частных лиц коммерческим банкам за последние четыре года возросла в четыре раза. Задолженность имеет каждая третья семья, отдавая свыше 15% общего дохода на выплату кредитов. Мы все больше влезаем в долги, а деньги проедаем, т.е. теряем безвозвратно. Среди тех, кому угрожает положение неплатежеспособного должника, больше всего лиц, потерявших работу. (*«Впрост»*, 28 января)

Свыше 30% доходов государственного бюджета составляют налоги на труд. Налоговый груз предпринимателей, связанный с наемной рабочей силой, равен 90% общей суммы зарплаты нетто. (*«Впрост»*, 11 февраля)

За последние 11 лет численность чиновников министерств и других учреждений возросла на 84%. Профессор Высшей школы предпринимательства и управления Витольд Кежун, эксперт ООН по вопросам организационных принципов, считает, что «возник определенный класс [чиновников], в котором исчезла государственная идея. Важнее всего личная и партийная выгода — как можно больше постов и как можно более высокие зарплаты. То, что сейчас происходит, — это скандал. Когда на съезде

бывших экспертов ООН я рассказал, как организованы дела в Варшаве, все думали, что я шушу. «У нас, — ответил мне кто-то, — за это уже судил бы Государственный трибунал!». (*«Жечпосполита»*, 6 февраля)

В 1995 г. крепкие алкогольные напитки, главным образом водка, составляли свыше половины всех алкогольных напитков, потребляемых в Польше. В настоящее время эта доля сократилась до 30%. Зато поляки пьют все больше пива. Печально, что растет потребление пива детьми и молодежью. (*«Жечпосполита»*, 27-18 января)

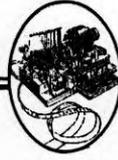
По правительственным данным, в 1999 г. в Польше сделано 151 аборт. Женские организации оценивают число нелегальных аборт за тот же период примерно на 200 тысяч. (*«Жечпосполита»*, 19 января)

За последние 20 лет число лиц, в одиночку воспитывающих ребенка, возросло в Польше на 50%. В настоящее время таких семей уже более миллиона. 90% их составляют одинокие матери с детьми. Это — наиболее растущая группа семей. (*«Впрост»*, 11 февраля)

Свыше 4 тыс. детей из бедных семей будут получать бесплатные обеды до конца учебного года благодаря помощи «Польского гуманитарного действия», возглавляемого Яниной Охойской. (*«Жечпосполита»*, 19 января)

«Pay-roll» (англ. «ведомость на зарплату») — система поддержки благотворительной деятельности. Каждый месяц по просьбе трудящегося отдел зарплаты вычитает из его зарплаты указанную сумму и перечисляет ее на счет выбранной им благотворительной организации. Эти дары вычитаются из налогооблагаемых сумм. Такой формой поддержки пользуются Польский фонд поддержки детей и молодежи и «Польское гуманитарное действие». (*«Газета wyborча»*, 5 февраля)

Свящ. Станислав Заремба, замдиректора Статистического института католической Церкви: «В настоящее время интенсивную религиозность декларирует меньше людей, чем в 1988 г. На 10% сократилось число молодых людей, называющих себя верующими (...)

В наше общество проникают западные образцы жизни, более материалистические, а в сферу нравственности — этический релятивизм (...). Возросло одобрение аборт и разводов. (...) В 1988 г. 35% девушек и 46% юношей одобряли использование противозачаточных средств, десятью годами позже — 70 и 66%. (...) Сожительство до брака в 1988 г. допускали 30% девушек и 38% юношей, теперь почти вдвое больше девушек и 66% юношей».

Поляки, судя по всему, — реалисты. С одной стороны, они не хотят, чтобы бюро знакомств и встреч посредничали в торговле живым товаром, с другой — считают, что, если этот рынок нельзя ликвидировать, надо его упорядочить. 50,8% поляков высказываются за борьбу с проституцией, и в то же время 54,4% считают, что публичные дома следует легализовать. 38,6% — за терпимость по отношению к проституции, а 36% — против легализации публичных домов. («Впрост», 21 января)

В Польше зарегистрировано около 6,5 тыс. больных СПИДом среди 15-20 тыс. ВИЧ-инфицированных. До сих пор от СПИДа умерло около 500 человек. В стране существует 12 специализированных клиник, где за счет министерства здравоохранения лечатся 1200 больных СПИДом. («Газета выборча», 29 января)

Правительство ввело новые предписания, направленные на уменьшение опасности заражения «коровьим бешенством», хотя в Польше случаев этой болезни не зарегистрировано. Все единицы крупного рогатого скота, ранее импортированного в Польшу, пройдут проверку, и даже те, которые окажутся здоровыми, после потери продуктивности должны быть забиты и сожжены. Части особого риска (голова, кишки и т.п.) всех отечественных единиц крупного и мелкого рогатого скота, убой которого производится в Польше, не могут идти на переработку, а должны быть сожжены. Обязывает также полный запрет на импорт, в частности, костной муки и желатина. Потери польских крестьян будут компенсированы государством, чтобы они не скрывали скот. («Газета выборча», 3-4 февраля)

В уик-энды и праздники нельзя рассчитывать на быструю медицинскую помощь. Большинство диагностических кабинетов закрыты, а в больницах дежурят неопытные врачи. Более десяти человек умерли во время последних праздников только потому, что им пришлось воспользоваться врачебной помощью ночью или в выходные. («Впрост», 21 января)

80-летнему инвалиду войны врач выписал рецепт на «Виагру» и маточную спираль стоимостью в несколько сот злотых. Инвалиды войны и их семьи, около 130 тыс. человек, имеют право на бесплатные лекарства, оплачиваемые государственной казной. В прошлом году вследствие злоупотребления рецептами, выписанными инвалидам, государственная казна потеряла свыше 38 млн. злотых. («Впрост», 21 января)

Контролеры торговой инспекции в Силезии выявили нарушения в 22% всех баров и ресторанов в 1999 г. и почти в 60% — в 2000-м. Официанты завышают счета, а повара накладывают уменьшенные порции. Сроки годности некоторых продуктов были превышены на полтора, а в отдельных случаях — на четыре месяца. В хороших ресторанах непригодными к употреблению были только приправы. («Жечпосполита», 15 января)

Как сообщил председатель Главного таможенного управления Збигнев Буяк, доходы от таможенной службы за последние два года возросли с 29 до 32% общих доходов госбюджета. Раскрываемость контрабанды за последний год возросла на 30%. («Впрост», 28 января)

Высшая контрольная палата проверила ход приватизации коммунальных предприятий гминами в 1990-1999 гг. В трех четвертях гмин приватизация проходила с нарушениями предписаний, а в половине — и закона. Результатом было уменьшение бюджетных доходов 86 подвергнутых проверке гмин на общую сумму 15,8 млн. зл., а расходы гмин, произведенные с нарушениями закона, составили 5,7 млн. зл. Тем не менее эти 86 гмин заработали в общей сложности около 230 млн. злотых на приватизации 210 коммунальных предприятий. («Жечпосполита», 19 января)

Задолженность горнодобывающей промышленности возросла с 8 млрд. зл. в 1995 г. до 20,5 млрд. в 2000-м. Шахты приносят 3 миллиарда убытка в год, однако за последние годы их работникам выплачено около миллиарда злотых премиальных. В радиусе подозрений полиции и прокуратуры находятся фирмы, принадлежащие членам семей четырех бывших и нынешних заместителей министра и пяти парламентариев. («Впрост», 11 февраля)

В крупных польских городах почти тысячу жилых домов, находившихся в коммунальной или государственной собственности, прибрали к рукам банды, используя поддельные завещания или же выигрывая фальсифицированные аукционы. В процедуре захвата участвовали судьи, адвокаты, нотариусы, городские чиновники и даже один бывший воеводский комендант полиции. («Впрост», 4 февраля)

Министр юстиции Лех Качинский: «В настоящее время принимаются меры в отношении нескольких десятков представителей органов юстиции: судей, прокуроров и адвокатов, — связанных с преступным миром, а в некоторых случаях даже возглавляющих банды. (...) Следственные дела раскрывают все большее растение государства, огромный масштаб коррупции. (...) Однако я буду бороться до конца. Я не боюсь их высоких знакомств и связей. Я пришел в министерство юстиции, чтобы противостоять им, а не капитулировать». («Впрост», 28 января)

С 4 февраля за дачу взятки, попытку дачи или принятие взятки грозит от шести месяцев до 8 лет тюрьмы. При взятке в крупных масштабах наказание может достигать 12 лет. В прошлом году суды вынесли приговоры больше чем по 300 делам о коррупции: 250 человек осуждены за дачу взятки, 80 — за принятие. («Жечпосполита», 3-4 февраля)

По опросу Лаборатории общественных исследований, 86% поляков поддерживают журналистику, разоблачающую коррупцию в государственных и местных учреждениях. («Жечпосполита», 29 января)

В 2000 г. Главное управление строительного надзора выдало около 237,5 тыс. раз-

решений на строительство, на 63,7 тыс. с лишним меньше, чем в прошлом году. Число разрешений на строительство промышленных, ремесленных и складских зданий упало на 38%, на строительство домов для одной семьи — на 33%, на сельскохозяйственные строения — на 9%. («Газета wyborча», 10-11 февраля)

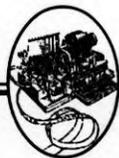
Верховный административный суд приостановил разрешение на строительство развлекательно-торгового центра в Кракове (контракт на сумму 50 млн. евро) ввиду необходимости учесть в графике работ периоды охраны жаб, лягушек, тритонов и беззубок, населяющих близлежащее озеро. («Газета wyborча», 18 января)

Вроцлавское общество друзей природы «Pro natura» получило «Гран-при» и 25 тыс. долл. на конкурсе компании «Форд мотор» по охране окружающей среды и культурного наследия. Общество «Pro natura» вместе с 3 тыс. волонтеров и в сотрудничестве с почти тысячей общественных организаций и учреждений много лет занимается охраной аистов вместе с восстановлением и охраной лугов и заболоченных территорий, естественной среды обитания многих охраняемых видов птиц. («Жечпосполита», 19 января)

За пропаганду нацистской идеологии во время демонстраций в Щецине в 1996 и 1997 гг. Аркадиуш С. приговорен к двум годам тюрьмы, а еще четыре участника демонстраций — к году лишения свободы условно с пятилетним испытательным сроком каждый. («Жечпосполита», 23 января)

Участники международной конференции по распространению знаний о Катастрофе еврейского народа и мученичестве народов, организованной в Гросс-Розене музеем бывшего концлагеря, выразили мнение, что польское министерство народного образования пренебрегает международными обязательствами, принятыми Польшей, и не выполняет своих основных задач. («Впрост», 11 февраля)

49,2% поляков считают: хорошо, что сейчас в Польше меньше евреев, чем было когда-то. Противоположного мнения придерживаются 11,6%. 47,2% согласны с тем, что у евреев в Польше слишком большое влияние, — не согласны 36,2%. 72,4%

— против того, чтобы просить прощения у еврейского народа; 12,8% считают, что это нужно сделать.

Ян Новак-Езёранский: «Все еще продолжаются споры вокруг книги Яна Томаша Гросса «Соседи», которая спустя 60 лет извлекла из забвения зверское уничтожение еврейского населения городка Едвабне во время войны (...) Неопровержим факт, что стариков и детей, мужчин и женщин в Едвабне с невероятной жестокостью убивали поляки. (...) Если мы ждем от других удовлетворения за преступления против Польши и поляков, мы должны и сами проявить готовность дать удовлетворение за зло, причиненное ближним. (...) Если мы добивались от России признания в катынском преступлении, оглашения имен виновников и обстоятельств уничтожения безоружных польских военнопленных в Катынском лесу и других местах, то мы не можем выдвигать претензии к автору книги «Соседи» за то, что 60 лет спустя он установил и подтвердил документами массовое убийство, совершенное поляками в Едвабне, убийство, о котором мы предпочитали бы не помнить и не знать». («Жечпосполита», 26 января)

Сначала на выставке в галерее «Захента» экспонировали скульптуру Маурицио Каттелано, изображающую Папу Иоанна Павла II, придавленного метеоритом. Потом 91 депутат обратился с письмом к премьер-министру, объявив скульптуру антипольской и потребовав выслать директора «Захенты» Анну Ротенберг в Израиль. Теперь 99 депутатов написали письмо министру культуры, выражая возмущение авторами предыдущего письма, их расистским подходом и антисемитскими выводами. Если дискуссия будет таким же образом продолжаться и дальше, у нас останутся только два рода искусства: национально-антисемитский и космополитически-филосемитский. («Жечпосполита», 2 февраля)

Мусульманской семье польских татар Байрашевских персонал коммунального кладбища во Вроцлаве воспрепятствовал со-

вершить похороны по мусульманскому обряду, вдобавок насмехаясь над их обычаями. Байрашевские подали жалобу прокурору, но тот прекратил расследование ввиду малой общественной опасности деяния. («Впрост», 11 февраля)

В Перемышле прошел IV съезд Союза украинцев в Польше. Союз объединяет 7,5 тыс. членов из общего числа 150 тыс. живущих в Польше украинцев. К главным своим успехам в последние годы Союз относит развитие украинских школ и культурной жизни украинской общины, а также восстановление или постройку около сорока церквей. В состав главного совета Союза украинцев в Польше входит Мирослав Чех, генеральный секретарь «Унии свободы». («Жечпосполита», 29 января)

«Я много раз имел возможность наблюдать, с каким презрением относятся к «русским» [т.е. всем пришельцам из-за восточной границы] чиновники польской пограничной охраны и полиции. Начиная с того, что к ним обращаются на «ты», и кончая самыми разнообразными преследованиями. Такое поведение, разумеется, возбуждает у наших восточных соседей недружелюбное отношение к Польше. А ведь в интересах польского государства лежит как можно более хорошее их отношение к Польше и полякам». (Яцек Ц.Каминский, «Мысль польска», 11 февраля)

После новых побед Адама Мálыша в прыжках с трамплина в Польше продолжается «малышемания». На состязания в Гаррахове (Чехия) за него приехали болеть свыше 10 тыс. поляков. («Тыгодник повшехний», 21 января)

Польские кондитеры продолжают совершенствоваться, они тренируются более десяти часов в сутки и становятся все более известны за пределами Польши. На недавнем чемпионате мира польская команда завоевала первое место и заняла первые места за пятиэтажный торт, шоколадные конфеты с начинкой и банкетные пирожные на тему «Экспедиция на Сатурн». («Газета wyborча», 25 января)

Александр Медведев

ВСЕ, ЧТО Я ДЕЛАЮ — ЭТО МОИ ПОРЫВЫ СЕРДЦА, ДУШИ

(14 февраля исполнилось 65 лет со дня рождения Анны Герман)

Не знаю, как в Польше, но в России на волнах многочисленных радиостанций и телеканалов мы не услышим и не увидим когда-то знаменитую здесь певицу: аудиокассету или диск с ее записями можно считать редкой удачей. Что делать — не модно! В общем-то, это судьба любого подлинного культурного явления, не окупаемого в современное коммерческое время и не укладываемого в рамки современной культурной политики. Нам диктуют? Или мы выбираем иные — не идеалы — кумиры? Андрей Тарковский говорил об этом, приводя в пример современную ему западную культуру: «Вот, скажем, «Фауст», можно ли его прочитать? Ну, конечно, можно — достаточно заплатить деньги и купить «Фауста». Но ведь ты никогда не купишь Гёте! Ты пойдешь в книжный магазин и купишь фотороман или какой-нибудь бестселлер, который принято покупать. Тебе даже в голову не придет, что для того, чтобы приобщиться к искусству, надо *сделать усилие* (курсив мой. — А.М.), равное тому, которое сделал художник, когда сочинял свое произведение». Эта ситуация «культурной бездуховности»

применима сегодня и к России. Современный человек при всем, казалось бы, культурном разнообразии парадоксально оказывается вне богатства собственной культуры. Но особенно обидно полное забвение личности такой судьбы, такой души и такого дара, как Анна Герман. Мы не найдем ее имени даже в наших культурных «святцах». Правда, верим, забвение это — временное, потому что такие звезды не гаснут...

Имя «выдающейся польской эстрадной певицы» Анны Герман, символ «советско-польской дружбы», связано в нашем сознании с советской эпохой. Поэтому любое внимание к этой фигуре воспринимается как рецидив советского сознания — столь непопулярного в современное «демократиче-

ское» время. Снимая наши идеологические напластования, раскроем прекрасную и светлую личность певицы, которая являлась в свое время — чудом судьбы и песни — таким уникальным, не только культурным, но и сердечным контактом между Россией и Польшей. Приведем свидетельство юного зрителя после одного из концертов Герман: «...рассказывает о событиях у себя на родине, потом о ком-то из наших расскажет... И все становится общим, как будто нет рубежей и границ. Волшебство какое-то!»

Прожитая ею жизнь поросла сегодня если не травой забвения, то в лучшем случае легендами и мифами. На самом деле мы так мало знаем об Анне Герман, что одну из лучших певиц XX столетия нам приходится открывать заново. «Сама душа Лирики звучала и томилась в невыразимой словами прелести ее голоса, сама Любовь тянула к нам руки в каждой ее песне, само Прощание прощалось с нами в ее интонациях, в каждом углублении певческой фразы, сама Природа оплакивала свой расцвет и свое увядание — потому так неотвратимо очарование ее тембра», — писала дружившая с Анной Анастасия Цветаева. Есть у Анны Герман удивительно трогательная польская песня: «Вспомни, вспомни обо мне перед сном, хотя бы на мгновение: может быть, цветком или мотыльком, может быть, звездой на небе. Это я навещаю тебя...». *Вспомним.*

Родословная Анны Герман уходит своими корнями во вторую половину XVIII века. При Екатерине II из Голландии, спасаясь от религиозных преследований, эмигрировали протестанты-менониты. Они осели на казачьей Кубани, под Армавиром. В семье Мартынс, которые называли себя «русскими голландцами», говорили, кроме голландского, на немецком и русском. Мать Анны Ирма так вспоминает о своих родителях:

«Особый образ мышления, религиозность... Мой отец страшно восставал против вранья. Всегда утверждал: поступай справедливо и никого не бойся. Что обещал, делал обязательно. Мама держала деньги открыто, и никто не брал. Я нередко повторяю: я происхожу из семьи богатой не материально, но морально. Анечка тоже не любила лжи, она всегда правду говорила».

В середине 30-х Ирма закончила Одесский пединститут. С дипломом преподавателя немецкого языка она уехала в Фергану, где жила к тому времени мать и служил в армии брат Вильмар. Там она встретила с Евгением Германом — выходцем из Польши, бухгалтером хлебозавода. Спустя несколько месяцев они поженились. 14 февраля 1936 г. в Ургенче появился на свет их первенец — дочь назвали Анна-Виктория (Победа). В 1937 г. родился сын Фредерик.

«Ах, как мы пели вдвоем! — вспоминает пани Ирма. — У него был замечательный голос, он хорошо играл на скрипке, рояле. Я, говорят, тоже неплохо пела, играла на гитаре».

Но счастье продолжалось недолго.

«...в краю наползающей тьмы...»

«Отца я потеряла, будучи двух лет от роду, — вспоминала позднее сама Анна. За этой короткой фразой — сталинские репрессии.

«Официальный приговор гласил: «Осужден на 10 лет без права переписки», — формулировка, при всей ее прозрачности, все же оставляла маленькую надежду на то, что он может быть жив. И лишь совсем недавно нам стало известно, что Евгений Герман был арестован и вместе с группой лиц обвинен в шпионаже, за что тайно расстрелян по приговору тройки 11 октября 1937 года. В этом же году был сослан в лагерь Вильмар.

В Ташкенте я преподавала в университете на факультете иностранных языков, работала в школах. А потом... Потом вынуждена была уйти: «враги народа»... Всех нас считали немцами: я голландского происхождения, но для Сталина это роли не играло, немец ты или голландец, или кто. В моей семье репрессировано шестеро...» — вспоминает мать Анны.

Это была одна из причин того, что после войны семья решила уехать в Польшу:

«Скажу, что выдержать больше я не могла: вечно ты не тот, вечно ты плохой человек...»

В поисках брата и мужа Ирма с матерью и детьми поехала в Сибирь. Свидания им так и не разрешили, а потом они узнали, что Вильмар умер от туберкулеза в лагере под Котласом. Из голодного Кузбасса семья вернулась в хлебный Ташкент. В дороге дети заболели скарлатиной. Фредерик болезни не перенес...

Как родственников «врагов народа» семью выслали из Ташкента в неизвестном направлении. Пользуясь в дороге слабой охраной, им удалось бежать в сторону Джамбула. Добравшись до глухого киргизского кишлака, они выдали себя за беженцев. Ирма устроилась учительницей. Началась война.

«Меня мобилизовали на трудфронт, строить дорогу. Я не знала, когда мы вообще вернемся, а Анечке — годика четыре. Ребенка пришлось оставить у чужих людей. Помню, как Аня при расставании, сидя на высокой азиатской арбе, вдруг запела чистым звонким голоском: «Мы простимся с тобой у порога и, быть может, навсегда...» Сердце больно сжалось... До сих пор я слышу ее голосок. Думала, мое сердце разорвется от жалости. Но, видно, оно было крепким — все выдержало. А вот у Ани с тех пор сердце стало побаливать».

Пожалуй, это самый сильный эпизод в памяти Ирмы о маленькой Ане. Это был, наверное, единственный случай, когда она запела, потому что, по словам самой Анны, в то военное время совсем не пела. Не до песен было.

В школе Ирма познакомилась с учителем, поляком по имени Герман. Они поженились. Но вскоре он ушел на фронт и пропал без вести. В октябре 1943 г. Герман погиб в Белоруссии, однако семья об этом узнала лишь много лет спустя. Сразу после войны Ирма получила письмо от фронтового друга мужа — Людвика Ковальского: «Если Вы собираетесь отправиться на родину мужа, знайте, что всегда можете рассчитывать на мою помощь и поддержку». Надеясь, что Герман вернется живым, семья приехала в разрушенную Варшаву. Родственников мужа найти не удалось, и их направили в западную Польшу. Семья жила в общежитии, Ирма работала в прачечной:

«Тут тоже не было легко. Однажды я даже хотела вернуться. Ведь муж так и пропал без вести. Во Вроцлаве закончила филологический факультет университета со специализацией по русскому языку. Но во всяком случае народ нас очень хорошо принял, и я трудилась. Так Польша стала для нас второй родиной».

Невероятно, сколько пережили и вынесли эти три женщины — мать, бабушка и дочь. «Выпавшая нам судьба не была слишком милостива, — писала в своей книге Анна. — В ней отразилось все то, из чего складывалась жизнь сотен тысяч людей в годы последней войны, вкупе с голодом, изгнанием, подчас гибелью целых семей». Только недавно нам стало известно, что стояло за этими двумя предложениями и что не было высказано не только по цензурным причинам, но и по свойственной ей скромности.

В Польше, где приехавшую семью называли «русскими», они не забыли родного языка: в доме говорили по-русски:

«С детства она прекрасно говорила по-голландски, в школе быстро выучила польский. А впоследствии, став взрослой, — итальянский. Но всегда присылала мне открытки и письма на русском языке. Нет, что бы ни довелось пережить нам в России, для Анны эта страна, как и ее язык, остались навсегда родными...»

Путь к песне

Анна с детства увлекалась живописью и хорошо рисовала, поэтому, окончив школу, она подала документы во вроцлавскую Высшую школу изобразительных искусств. Но по материальным причинам (семья снимала 8-метровую комнату в коммунальной квартире на окраине Вроцлава) выбрала более практическую специальность — поступила на геологический факультет Вроцлавского университета.

Первую встречу с публикой Анна, тогда и не думавшая о профессии певицы, запомнила на всю жизнь. Ей было 18 лет. На свадьбе подруги-сокурсницы она пела «Аве Мария»:

«Это была песня, которую я первый раз вышла людям спеть. У нас в Польше такая традиция, что на свадьбе надо обязательно спеть или сыграть «Аве Мария» — на счастье для молодой пары».

Именно с этой песней Анна будет связывать свою судьбу певицы, свое служение людям. Этим ангельским приветствием она будет часто открывать свои концерты. Начало — вполне символичное.

Закончив 4 курс, на самостоятельном вечере она спела две свои песни на стихи Ю. Тувима, после чего получила приглашение в студенческий театр поэзии и музыки «Каламбур». Но выступать в нем пришлось недолго: театр отнимал очень много времени и сил. И она выбрала учебу. Друзья уговорили ее спеть в последний раз. Это выступление Анна считала провалом: на нем впервые проявился гипертонический криз, приступы которого будут постоянно сопровождать ее и дальше.

Но вскоре песня все-таки взяла свой реванш, и этим мы обязаны подруге Анны — Янечке Вильк. Она записала Анну на прослушивание во Вроцлавскую эстраду и настояла, чтобы та явилась туда. После чего в летние каникулы она уже выступала в группе артистов во Вроцлавском воеводстве — 40 концертов в месяц. Работая в эстраде, Анна одновременно закончила дипломную работу. Окончив университет в 1962 г., стала работать в Жешувской эстраде.

Обладая от природы абсолютным слухом и идеально поставленным голосом, Анна постоянно стремилась к музыке. Но жизнь сложилась так, что музыкального образования ей получить не пришлось. Она в шутку называла себя фонвизинским «Митрофанушкой». Ей казалось смешным в 26 лет поступать в консерваторию. Преодолевая робость и стыд, она брала уроки пения у профессора Варшавской консерватории пани Янины. Несколько лет спустя, вернувшись из Италии на краткий отдых, Анна по приглашению профессора Тадеуша Охлевского с успехом исполнила в Варшавской филармонии арии из оперы Скарлатти «Фемида на острове Скирос». Она обладала всеми данными оперной певицы, но это было ее единственным классическим выступлением. Анна Герман выбрала более, как она говорила, «демократическую» эстраду, где возможен тот волшебный контакт, магическое общение с публикой, которое она так ценила.

Работая в Жешувской эстраде, Анна познакомилась с аккомпаниатором из Варшавы, композитором Катажиной Гертнер, предложившей ей спеть свою песню «Танцующие Эвридики».

*Ветер разгулялся в переулках,
Он играет на деревьях, как на струнах.
Это поет Орфей
Или деревья шумят...*

— «Эвридика» принесла мне славу, — говорила Анна.

В 1964 г., после многочисленных успешных выступлений с этой песней, Анна исполнила ее на фестивале польской песни в Ополе — «польской Венеции». Пела она под проливным дождем в открытом зале. Первая премия. Затем она исполнила свою первую «звездную» песню на международном фестивале в Сопоте (3-е место): «Мне просто повезло с «Танцующими Эвридиками». Мелодия хорошо ложилась на мой голос, текст, который создавал легкий, будто бы акварельный образ, необычайно понравился мне, аранжировщик одел Эвридик в прелестные воздушные туники, а довершил дело превосходный оркестр Стефана Рахоня. Хотела бы я испытать такое полное счастье в будущем...»

Между Ополем и Сопотом — еще одно событие, определившее судьбу: первое «большое заграничное турне» — выступления в составе польской эстрады по Советскому Союзу, от Москвы до Черного моря. После одного из московских концертов она познакомилась с Анной Качалиной — редактором студии грамзаписи фирмы «Мелодия», которая предложила записать пластинку, ставшую у Анны первой. Эта встреча переросла в более чем дружественные отношения: «не просто подруга, а почти сестра, родной человек», — написала Анна в письме к ней. Качалина станет больше чем редактором всех пластинок Герман, вышедших в СССР, — уникальным творческим другом: она искала для Герман новые песни, выстраивала репертуар пластинок, от ее работы зависели манера исполнения, оркестровка песни, звучание оркестра. «И все это благодаря твоей любви и знанию искусства. Это благодаря

твоим заботам у меня такое сокровище, как симпатии советских слушателей», — писала ей Анна из больницы незадолго до своей кончины.

Пластинка с итальянской песней «Вернись в Сорренто», которую Анна записала в Польше, попала в Италию. Ее пригласили итальянцы. В октябре 1966 г. она подписала контракт с миланской студией грамзаписи CDI на три года. В своей книге она объясняет, почему решила подписать контракт на три года, хотя «всякий раз разлуку с родной страной» переносила «как стихийное бедствие»: «У меня была цель, которая «оправдывала средства». Все, чего мне удалось достигнуть в жизни, мое образование я получила благодаря заботам, любви и тяжкому труду двух самых близких мне женщин. И вот теперь мне хотелось хоть в малой степени смягчить, стереть воспоминания мамы и бабушки о тяжелом прошлом, создав лучшие условия жизни. Я хотела купить квартиру». Именно поэтому наша «Золушка» вынуждена была участвовать в рекламной раскрутке, выйти на пресловутый рынок. Из письма к своей московской подруге: «Знаешь, милая, до чего мне здесь грустно. Никто не поймет и не поверит. Люди другие и сердца — тоже. А чаще их совсем нет. Очень бы хотелось приехать к вам, к тебе, погреться. Уж совсем я замерзла от их улыбок». Тем не менее Анна радовалась возможности участвовать во всемирно известном фестивале, тем более что впервые польская эстрадная певица пела в Сан-Ремо. Выступала она и на сугубо итальянском фестивале неаполитанской песни: впервые в истории этого конкурса в нем участвовала иностранка. Рецензенты отметили ее «кистинно неаполитанский стиль» исполнения, «безупречный акцент прирожденной неаполитанки». Но все же самое высшее признание Анна услышала от старого сицилийца: «Нынче поют совсем по-другому, чем в наше время. Крик, нервный громкий ритм заглушают мелодию и все то, что хочет высказать душа. А вы поете, как во времена моей молодости — сердцем. У нас на Сицилии люди еще понимают, что значит настоящее пение, и умеют ценить этот дар небес». Дар небес...

В городе Виареджо она получила «Оскар симпатий» 1967 года. Анне предстояло выступить с циклом концертов в связи с праздником газеты итальянской компартии «Унита». Первый из них, в городе Форли, закончился около часа ночи. Вместо того, чтобы переночевать в местной гостинице, она была вынуждена ехать в Милан, так как «хозяевам» жаль было не использовать, оплаченные там номера. Поздно ночью на горной дороге произошла страшная автокатастрофа: водитель, который вел машину со скоростью 160 км в час, заснул за рулем, прозевав поворот... 27 августа 1967 года. «Эвридика» стала последней песней, которую исполнила Анна...

«...за гранью смертельного круга...»

Аварию заметили лишь утром. Водителя, оставшегося без сознания в разбитом «фиате», привезли в Болонью (80 км). Анна оказалась отброшенной от машины так далеко, что ее не заметили. Теряя кровь, она лежала в холодной сырой канаве, пока за ней не вернулись. Из Польши были срочно вызваны мать Анны и жених Збигнев:

«Это был кошмар. Она находилась в монастыре: ее туда определили, потому что не было рядом родных, близких. Думали, там и умрет. Я словно окостенела, не знала, к чему руки приложить: Анечка лежала совершенно разбитая, без памяти...»

Благодаря настойчивости Збигнева ее перевезли в больницу. Большая потеря крови, переломы позвоночника, обеих ног, левой руки, сотрясение мозга. Лишь на седьмой день вернулось сознание. В ортопедическом институте профессор Дзаноли провел сложнейшую операцию.

Пять месяцев Анна лежала «замурованной» в гипс до самого носа, еще пять — полная неподвижность без гипса. «Две итальянских и три польских больницы старались вернуть меня к жизни. Было неясно, сростутся ли кости, смогу ли я ходить. Через два года начала упражнения с памятью — ведь я не помнила ни одного текста песни», — так коротко описывает Анна три мучительных для нее года, полных физических и душевных страданий.

Во время болезни она написала книгу «Вернись в Сорренто?!» — «открытое письмо моим слушателям» как ответ на все добрые письма поддержки, которые приходили со всех концов света, в том числе и из разных уголков Советского Союза. Работала над песнями «Человеческая судьба» и над

«Освенцимской ораторией» — и то, и другое на одноименные циклы стихов Алиции Новак; в основу «Освенцимской оратории» легли «рапорты» лагерной акушерки Станиславы Лещинской. «Оратория» была посвящена роковой судьбе детей, появившихся на свет в концлагере, и трагедии их матерей. На страховую компенсацию за крушение Анна осуществила мечту своей семьи: купила квартиру. Но какой ценой!

В 1970 г. она начала готовиться к выступлениям, перекраивать старые костюмы. На новые — нет средств: все «съела» длительная болезнь. Трижды она пыталась спеть в сборной программе, но возникшие перед сценой приступы срывали выступления. Лишь на четвертый раз все прошло удачно: она спела три песни, а «Судьбу» исполнила на бис три раза — это первая песня, которую Анна спела, вернувшись на эстраду. «Возвращение Эвридики» — с таким символическим названием появились в советской прессе посвященные ей публикации. Никто и не догадывался, что это совсем не метафорическое сравнение, что перед ними — в прямом смысле собранный хирургами человек: позвоночник вместе с левой половиной тела был собран по частям, руки держались на «гвоздях»...

«Ее голос звучал для всех, но каждым воспринимался как предназначенный только ему»

После возвращения на эстраду Анна на своих концертах не только пела, но и общалась со зрителем. Остаться с ним один на один — об этом она мечтала с самого начала песенного пути. Не создавая сценического образа, оставаясь естественной, простой, как в жизни, Анна беседует со зрителем: рассказывает о «судьбе и песнях», говорит о жизни, любви и счастье...

О «магии ее творчества», «контакте со зрителем» пишет Л. Спадони: «Она шла к нему всю жизнь. В ее представлении контакт со зрителем приближался к понятиям всеобщего братства, всемирной гармонии... Он был для нее чем-то глубоко интимным, скорее из области человеческих, а не условно сценических отношений, ибо так раскрываться, как это делала она, можно лишь при абсолютном доверии, при полной взаимности, в редкие счастливые минуты жизни, которые она испытывала на сцене почти всегда». Об этом свидетельствуют зрители ее концертов:

«Слушаешь ведущих эстрадных певцов — хорошо! Прекрасно! Но ты, конкретно ты им не нужен! Для них это только концерт и не более того. А для Анны Герман — больше! Может быть, именно после катастрофы она стала так любить людей... И понимаешь, что ты ей не безразличен...»

«Такого я не испытывала ни на одном эстрадном концерте. Слушала, и все. А здесь... перед тобой прекрасный человек. Как будто в душу к тебе заглядывает. Хочется лучше стать...»

«Что бы она ни пела — грустное или веселое, — хочется ей как-то помочь, что-то очень хорошее сделать. Человеком себя чувствуешь, правда...»

Сама Анна раскрывала очень простой секрет этого волшебства:

«Когда я выхожу к зрителям, я испытываю к ним чувство огромного уважения. Люблю их. Отсюда, думаю, все и происходит».

— Вообще она была очень скромной. Не возвышала себя, — говорит о ней пани Ирма. Не возвышала она себя и на эстраде, христиански преображая ее. Анна Герман так доверялась всему лучшему в человеке, что не ответить взаимностью, не устремиться душой навстречу этой живой любви, обращенной лично к тебе, было невозможно. Она верила в богоподобие человека, в то, что «Бог любит не всех одинаково, а каждого больше» (О.Поль). И воплощала в своем искусстве это христианское откровение о драгоценности личности.

На ее концертах возникала преображающая встреча, душевное единение в любви, изменяющее человека:

«Вот ведь полька, а такая своя...»

В этом, видимо, и кроется секрет удивительной притягательности личности Анны Герман. Самая интимная, самая родная певица.

Вся тайна ее личности, вся душа, может быть, — в этом тихом тоне кроткой любви, обращенном к эстонскому другу: «...Всю ночь шел дождь, и день такой же сегодня. Но мне не грустно, я знаю, что Ты

меня еще не забыл, а я тоже могу отключиться и не слушать, о чем говорят люди, а быть в мыслях с Тобой...»

«Гори, сияй, моя звезда...»

Лето 1972 года. Долгожданная двухмесячная гастрольная поездка по Союзу. Первый московский концерт в Летнем театре сада «Эрмитаж» Анна неожиданно завершила старинным русским романсом «Гори, гори, моя звезда».

«Анна поет его, еле касаясь. Это — воспоминание, прощание, налетевшее, пролетающее! Ее голос скользит и сдержанно, и прихотливо, по грифу печали, и задерживается внизу, на повороте молчания — и, перед тишиной, медлит, еле уловимо кружась над *pianissimo*. В зале совершенная тишина...» (А.И.Цветаева).

Совершенно по-новому звучал этот «мужской» романс в ее исполнении, наполненном личным молитвенным переживанием. Проникновенно, из глубины «измученной» души, трепетного сердца излучала загадочную веру в свое искусство. Почему Анна пела трагическую и одновременно торжествующую «Звезду» в финале концертов как нечто главное, что она хочет сказать? Она уже пережила «умру ли я» и поняла, что «у каждого человека есть своя звезда. Может быть, любовь, работа, материнство...И нужно делать все, чтобы свет ее не мерк. Моя звезда — песня...» Мы сегодня забыли по сути, что такое песня. Культура песни утрачена: мы не слушаем, а слышим ударные шлягеры (как похоже на «флюгер») и даже не столько слышим, сколько смотрим танцевальное шоу, для которого «песня» — лишь средство. Анна Герман вознесла песню на небывалую, непревзойденную, звездную высоту.

Еще во время болезни Качалина прислала Анне клавиш подаренной Добронравовым и Пахмутовой «Надежды». Ибо кто во все годы вынужденного перерыва лучше нее «выучился ждать», жить надеждой? В этот же приезд она записала «Надежду» на «Мелодии» — быстро и легко, «почти без голоса», как сказала Качалина. «Сияющими каплями по началу мелодии, призывк заунывности, крепнущий, перерастающий в тему радости. И кажется, что ты эту мелодию слышал давно, всегда, с детства, где-то она звучала в соседней комнате, рядом с той, где ты засыпал, где родился. Тема продолжала парить. И снова *staccato* и снова протяжный задумывающийся звук в Первозданность» (А.И.Цветаева). Анна исполняет ее в финале гастрольных концертов. Песня мгновенно становится знаменитой: ее пела вся страна. Надежда — так называли Анну в СССР.

«На экране война, разруха, пожары, виселицы, голод, дым, грязь. И над все этим адом — песня любви, песня щемящей нежности. Нежности! Чистоты!...» — такой видел режиссер Е.Матвеев будущую песню для снимавшегося в 1977 г. фильма «Судьба». Исполнителем ее он видел Анну Герман. Песня «Эхо любви» была написана Е.Птичкиным и Р.Рождественским специально для нее.

В студии звукозаписи разместился оркестр кинематографии, дирижер взмахнул палочкой, и началась репетиция. Анна сняла туфли и стояла босиком. «Высокая, стройная, белокурая, сероглазая Герман стала у микрофона. Без малейшего напряжения, просто и естественно, так, как дышит сама природа, полился ее божественный голос

Покроется небо пылинками звезд...

Оркестр вдруг заиграл невпопад и умолк: через стекло из аппаратной мы увидели, как женщины — кто украдкой, а кто и открыто — вытирали слезы... Последний дубль... Овация... такое с музыкантами в рабочей обстановке я видел впервые. А может, и в последний раз...» — вспоминает Матвеев. Когда после записи она вышла из студии, то первое, что ей бросилось в глаза, — изменившееся за полчаса лицо Матвеева. На глазах блестели слезы. «Это были слезы любви к Анечке Герман», — скажет он позднее. Александр Жигарев очень точно подметил ее «умение как бы «выудить» из песни самое главное, самое значимое, ее дар сгладить несовершенство иных песенных текстов, ярко раскрыть сущность подлинной поэзии», что и проявилось в «Эхе любви». Песня стала жить самостоятельной, независимой от фильма жизнью.

Еще об одном коронном выступлении Анны Герман — 27 декабря 1979 г. в Ленинграде — вспоминает журналистка Лия Спадони: «...она вышла на громадную сцену ДК им. Горького прямая, торжественная, строгая до суровости, в глухом траурно-черном платье, оплетенном золотыми монисто, и одна, без музыкального сопровождения, запела «Аве Мария». Пианист вступил позже. Зал разразился неистовой овацией. На эстрадном концерте классикой она покорила зал! Последняя и благороднейшая творческая победа! Отныне она могла все». Удивительно, как в эпоху воинствующего атеизма Анна начинает концерт молитвой! Анна ангельски поет это ангельское приветствие. «Аве Мария, грация плена... Моли о нас грешных ныне и в час смерти нашей. Аминь». И этот час был уже близок.

«Смертельный круг» начал смыкаться. На одном из московских концертов, в мае 1980 г. в Лужниках, спев «Когда цвели сады», Анна почувствовала боль в ноге. Она давала о себе знать и раньше, но на этот раз боль была настолько острой, что Анна еле-еле дошла до кулис. Последующие выступления пришлось отменить.

Анна никогда не жалела подорванного автокатастрофой здоровья. Стремилась петь всегда в полную силу, живьем, без фонограммы; выходя на сцену, полностью отдавала себя людям, дарила с мелодией всю свою душу: «...напряжение в такие минуты столь громадное, что я потом себя чувствую как шахтер после 12 часов работы. Как счастливый шахтер!» Она была безмерно счастлива: пение приносило высшую радость не только ей, но и слушающим ее людям. После концертов же сказывалось страшное переутомление: постоянно преследовали приступы головной боли. Она понимала, что нужно отдыхать, но, как только отдых затягивался, тоска по сцене, по зрителям пронзала почти до физической боли. Она настолько любила свою работу, что не могла бы без нее жить. Анна действительно была сияющей звездой, или, точнее, горящей свечой, бескорыстно излучающей свет. Ценой своей жизни. Но могло ли быть иначе? Подлинное искусство всегда жертвенно.

Гастроли в Австралии оказались последними. Был поставлен онкологический диагноз. Но на срочную необходимую операцию Анна не согласилась: все это возвращало ее к страшным последствиям итальянской катастрофы. Она обращалась к знахарям, экстрасенсам, лечилась голоданием и травами, но улучшения были лишь временными. Несколько тяжелых операций последовали одна за другой. «Ты меня не узнал бы — мне теперь 80 лет», — писала она 20 апреля 1981 г. своему эстонскому другу.

Анна Герман ушла на 47-м году жизни — «в зените своей славы, в зените своей красоты» (А.И.Цветаева). 26 августа 1982 года. Спустя ровно 15 лет со дня той итальянской трагедии. Ее провожали тысячи варшавян. Она была похоронена на Евангелическо-реформатском кладбище. На гранитном постаменте выгравирована нотная запись стиха из псалма: «Pan jest pasterzem moim...» («Господь — пастырь мой...»). Эпиграф ко всей ее жизни.

В чем же феномен этой удивительной женщины, неповторимой певицы, закончившей геологический, а не эстрадный факультет, певшей, «потому что пелось», — для людей, а не ради денег, пережившей стремительный взлет и «смерть при жизни», родившей сына почти в 40 лет, имевшей мировую славу и не имевшей продюсера и собственного музыкального коллектива? В одном из интервью Анна Герман сказала о своей творческой судьбе, странной с точки зрения профессиональной певицы:

«Все, что я делаю — это мои порывы сердца, души».

Лучше не скажешь.

Витольд Бересь

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «КАРТА»

Конец января 1982 года. Уже больше месяца в Польше продолжается военное положение. Запрещены «Солидарность» и творческие объединения, тысячи людей посажены в тюрьму, а независимая пресса (не говоря уже о радио или телевидении) полностью задушена. Но именно тогда, подобно тому, как это было в сотнях других мест, в одной из варшавских частных квартир встретились несколько молодых людей, которые захотели выразить свой протест против репрессий и коммунизма в форме нелегального публицистического листка. Они назвали его «Карта» (по-польски это слово имеет много значений: лист, страница, карточка, хартия. — *Пер.*) и от случая к случаю выпустили до осени 1982 г. 19 номеров. Той осенью они решили выйти за рамки злободневной политической публицистики.

В этот-то момент и появилась нынешняя «Карта». Но окончательно все решил случай: в конце 1986 г. в редакцию попала стенограмма беседы с человеком, который в 1977 г., пробыв почти 40 лет в СССР, вернулся в Польшу. Впервые в советскую тюрьму он попал в сентябре 39-го, когда на его родину Волынь вступили «красные». Спустя два года, когда в СССР он попал под амнистию, ему едва исполнилось 14 лет. Возвращаться ему было некуда, и он примкнул к уголовной шайке. Снова попал в тюрьму. В общей сложности он побывал там восемь раз. Когда во времена ПНР ему удалось вернуться на родину, родственники его отвергли. Вот как много лет спустя вспоминал это событие в редакции «Тыгодника повсехного» Збигнев Глуза, главный редактор и один из создателей «Карты»: «Этот текст нас глубоко потряс и открыл нам глаза на то, что речь идет о живых людях. Благодаря этому мы поняли, что история пребывания в Советском Союзе сотен тысяч поляков молодым поколениям абсолютно неизвестна. А немногие сведущие знают об этом только из книг».

Так подпольные редакторы начали искать первые неизвестные свидетельства. Вскоре они по-

знакомились с несколькими десятками полек, которые встретились в СССР на этапе или в ссылке, а по возвращении нашли друг друга и начали раз в год тайне собираться. Именно для «Карты» они согласились опубликовать под псевдонимами фрагменты своих воспоминаний (они появились в 5-м номере журнала), которые были спрятаны в надежном месте. Это стало основой архива.

Было решено, что наговаривать воспоминания даже важнее, чем записывать, так как для истории запись живого голоса имеет наибольшую ценность.

Уже практически на закате коммунистической системы подпольная и абсолютно нелегальная «Карта» начала действовать полуофициально, по крайней мере — не скрываясь от спецслужб. Именно тогда, в ноябре 1987 г., по инициативе редакции журнала был создан независимый Восточный архив для сбора документов о замалчиваемом и фальсифицированном прошлом Польши. Вскоре оказалось, что первоначальная задача — «Описа-

ние участи поляков в СССР и на землях II Речи Посполитой в период советской оккупации в 1939-1956 гг.» (на сегодня собрано около ста тысяч биографий репрессированных) — сама собой переросла в сбор информации о прошлом других стран восточного блока. Так или иначе, начало действительно было скромным... А сегодня польское министерство образования рекомендует журнал учителям в качестве учебного пособия в школах, старшеклассники в массовом порядке участвуют в организуемых «Картой» конкурсах по польской истории. Ее влияние на поступки и мышление молодежи, занимающейся в той или иной мере историей, воистину поразительно.

Сегодня круг «Карты» — ибо надо говорить о целом круге, учитывая, что существует сама редакция ежеквартального журнала, центр «Карта» и архив, — это сотни людей, занимающихся новейшей историей Центральной и Восточной Европы.

Ведь что такое «Карта»? Одни говорят в данном случае о журнале и серьезной публицистике, появляющейся на его страницах. Другие — о важных образовательных и информационных мероприятиях для учащихся средних школ. Третьи — о добросовестном увековечении новейшей истории Польши в одном из богатейших польских архивов. Если же говорить проще всего, «Карта» — это группа людей, для которых сохранение памяти об истории всех видов тоталитаризма XX века стало целью жизни.

Итак, говоря о журнале, который называется «Карта», не будем забывать, что это нечто большее — люди, которые руководствуются общими ценностями и задачами.

Сегодня одно из важнейших достижений «Карты» — составляемый «Список репрессированных», который должен охватить *всех* польских граждан, репрессированных советскими органами в 1939-1956 годах. А сколько их было? Пока что в базе данных числится около 60 тысяч имен. Но ведь известно, что после 17 сентября 1939 г. на территории СССР было репрессировано свыше полумиллиона польских граждан. При этом коллектив «Карты» установил, что достоверная цифра — это 566 тыс. человек. Сегодня архив, понятное

дело, располагает катынскими списками — перечнем имен более 14 тыс. поляков, расстрелянных в Катыни, Харькове и Твери. Уже есть списки интернированных военнопленных, а также поляков, арестованных на территориях Западной Белоруссии, Западной Украины и в Литве. Проверки ждут очередные, уже доступные материалы из российских, украинских и литовских архивов, содержащие имена более четверти миллиона поляков (Белоруссия открыть архивы отказалась). «Карта» же к проверкам подходит исключительно добросовестно. Профессор-историк Анджей Пачковский, один из экспертов «Карты», объясняет: «В наш банк данных мы вводим только стопроцентно надежные сведения. Мы отбрасываем любые приблизительные данные. Если что-то основано на оценках или подсчетах, полученных, например, разведкой Армии Крайовой, посольством Польской Республики до 1943 года или 2-м корпусом генерала Андерса, мы считаем это «серой цифрой», в которой нет уверенности».

Эти изыскания были бы неосуществимы без тесного сотрудничества с российским «Мемориалом», организацией, борющейся за память о жертвах сталинских репрессий. «Мемориальцы» впервые вышли на улицы Москвы осенью 1987 г., и тогда их разогнали. Первый почетный председатель «Мемориала» Андрей Сахаров призвал их быть «совестью нации». Поэтому, изъездив вдоль и поперек территорию бывшего СССР, свои встречи с бывшими заключенными они назвали «Неделями совести». Без помощи «Мемориала» многие пополнения в польском архиве были бы невозможны. «Карта» и «Мемориал» сообщают организуют конференции, сессии и лекции по новейшей истории. Иногда приходят неожиданные сообщения. Например, рязанский «Мемориал» случайно нашел в Сельцах на Оке свидетелей расстрела солдата польской армии, который отказался принести воинскую присягу.

Один из любопытнейших примеров плодотворного сотрудничества — найденные «мемориальцами» документы по делам польских поэтов-коммунистов, погибших в чистках «ежовщины» 1937-1938 годов. Так, например, нашлись дела Станислава Станды и Витольда Вандурского. Были также найдены последние, 1937 года, стихи Бруно

Ясенского, которые он писал в тюрьме по-русски и по-украински. Среди них потрясающее впечатление производит стихотворное прошение на имя Ежова.

Бесспорно, однако, что, собирая документы о сталинских репрессиях, попутно «Карта» больше кого бы то ни было сделала для разумного польско-российского примирения. Примирения без лжи и ложно понятой солидарности. Потому-то «Карта» нашла свое место среди тех, кто решительно выступает против войны в Чечне, разделяя мнение Ковалева, что эта война направлена против России и ее демократического будущего.

Сотрудники «Карты» не боятся ставить самые острые вопросы и ворошить самые темные страницы польской истории. Войцех Мазярский однажды размышлял, анализируя материалы «Карты» о польско-украинских отношениях: «Почему публикации «Карты» вызывают доверие? Дело в тональности и намерениях авторов. Даже на секунду я не усомнился в том, что они хотят выяснить истину — и ничего более. А с точки зрения украинофобов, «Карта» — это загубленная бумага: на ее основании не удастся доказать, что украинцы были, остаются и на вечные времена будут врагами или что в Перемышле не должен проходить фестиваль украинской культуры».

Отсюда столь часто встречающаяся ныне на страницах журнала и в работах центра тема изгнания немцев из Польши. Отсюда и еврейская тема, когда редакция, не колеблясь, указывает многочисленные случаи польского антисемитизма. Отсюда, наконец, цикл конкурсов, организуемых «Карты» совместно с Фондом им. Стефана Батория для учащихся средних школ под общим названием «Близкая история». На эти конкурсы приходят интереснейшие работы, описывающие будь то репрессии в отношении польских частных предпри-

нимателей во времена ПНР, будь то дневники 1944-1989 гг., будь то воспоминания «Семья в водовороты истории».

Кроме того, «Карте» удалось собрать в своем архиве 1700 названий независимых изданий, выходящих в 1976-1990 гг. «Карта» проводит выставки — например, знаменитую выставку «Приговор», организованную известным фотографом Томашем Кизным, где экспонировались тюремные снимки приговоренных к смертной казни в Москве в 1937-1938 гг. «Карта» ведет каталог диссидентов (1956-1989) — около 1200 биографий представителей свыше 20 народов. «Карта» издает великолепные книги (взять хотя бы известные мемуары «Убийца ли я?» Цалеля Переходника, еврейского полицейского, который, ликвидируя гетто в Отвоцке, участвовал в отправке своей семьи в Трешлину, или фундаментальный энциклопедический справочник «Концлагеря»). Наконец, «Карта» один за другим издает действительно замечательные номера журнала, где добросовестно описанной истории тоталитаризма сопутствуют сенсации (взять хотя бы очень разнообразный последний номер XX века, где предстает в фотографиях еврейский Люблин до 1939-го, приводятся документы КГБ о повстанческих действиях в Чертовке на Украине в январе 1940-го, а сын бывшего офицера Вермахта вспоминает крепость Бреслау — ныне Вроцлав).

Так какой же историей занимается «Карта»? Профессор Анджей Айненкель, один из виднейших специалистов по современной польской историографии, некогда точно определил разницу между профессиональной (скажем прямо — иногда очень скучной) наукой и видом истории, которым занимается «Карта»: «Профессиональный историк не в состоянии заниматься судьбой отдельного человека. «Карта» изучает историю социологически, давая доступ к судьбе личности».

Станислав Милевский

ОБ ОТНОШЕНИИ К ПЛЕННЫМ КРАСНОАРМЕЙЦАМ

Студент-третьекурсник медицинского факультета Хенрик Брайсер, сержант во время войны между Польшей и Советской Россией, был назначен комендантом карантинного отделения в лагере военнопленных в Стшалкове и попал в тюрьму на семь лет за то, что от военнопленных, освобождавшихся из лагеря, принимал на прощанье «подарки за человеческое обращение». Именно так это назвал один из интернированных, отвечая на вопросы в суде.

Прокурор счел действия Брайсера преступлением — взяточничеством, а поскольку в то время действовал августовский декрет, по которому за преступления, совершенные военными с целью наживы, предусматривался расстрел, он потребовал применения высшей меры наказания. На заседании военного суда в Познани Брайсера защищал специалист по делам такого рода варшавский адвокат доктор Хофмокль-Островский. Он доказывал, что в данном случае речь может идти не о том, что Брайсер брал подарки «при решении служебных вопросов», а о том, что он принимал их «в связи с исполнением служебных обязанностей».

Столь ловкий юридический прием искушенного адвоката спас сержанту жизнь. Судьи, правда, воспользовались приоткрытой для их совести лазейкой, но, чтобы не слишком отклоняться от «духа августа», за пять доказанных эпизодов принятых «чаевых» отмерили обвиняемому в соответствии с прусской системой индивидуальных мер наказания 20 лет заключения в тюрьме строгого режима (по четыре года за каждый эпизод). Окончательным приговором срок наказания был сокращен до 15 лет тюрьмы строгого режима, а в результате апелляции, поданной адвокатом, высший военный суд признал, что было допущено превышение верхнего предела наказания и, как сообщалось в газете «Жечпосполита» (1921, №25, вечерний выпуск), сократил срок наказания до семи лет.

Этот судебный процесс не был единственным подобного рода по делам, связанным с лагерем военнопленных в Стшалкове. В конце мая того же года «Газета варшавска» писала об уголовном деле, которое рассматривал тот же военный суд в Познани, против коменданта Стшалкова капитана Вагнера, а также подпоручика Малиновского и взводного Газды в связи с расстрелом трех военнопленных и избиением других. Процесс продолжался 10 дней, доказать удалось лишь то, что нескольких военнопленных выпороли, а те, что были якобы расстреляны, как оказалось, умерли от эпидемии. Главного обвиняемого защищал знаменитый варшавский адвокат доктор Станислав Шурлей. Он коротко охарактеризовал личность Вагнера, офицера австрийской армии, который посвятил себя служению Польше и получил крест «*Vir-tuti Militari*» («За боевые заслуги») за участие в войне против большевиков. Адвокат описал также, как сообщала газета, «условия, в которых ему пришлось работать: без соответствующих инструкций, без средств на содержание, при полном отсутствии дисциплины». Вину, добавил он, следует оценивать, исходя из того, что дело происходило на фоне процесса становления государства. Капитану приказали наладить дисциплину, и он схватился за розгу как за последний аргумент. Если бы вспыхнул бунт, капитану пришлось бы подавлять его, что привело бы к кровопролитию и большому количеству трупов. Суд принял это во внимание, и все трое обвиняемых были оправданы.

Еще до того, как началось судебное разбирательство, Польское телеграфное агентство сообщило через газету «Курьер варшавский» (1921, №22, вечерний выпуск) и другие газеты о положении в лагерях военнопленных в Стшалкове и Тухоли. Большевики распространяли в мировой прессе сообщения о якобы катастрофическом положении в этих лагерях, а также о преследованиях, которым подвергаются пленные. Шум поднял также еврейский депутат Сейма Хешель Фарбштейн, громко заявляя о том, как притесняют его соплеменников, которых среди военнопленных большевистской армии было очень много.

15-19 января 1921 г. положение в обоих лагерях проверяла специальная межминистерская комиссия. Проверялись кухни, бани, инфекционные и хирургические отделения госпиталей, отделения для попавших в плен женщин и отделения для поляков с восточных окраин, принудительно мобилизованных в Красную армию. Все без исключения военнопленные, с которыми встречались члены комиссии, признавали, что питания они получают достаточно и жаловаться им не на что. Ежедневно им выделялся паек, который положен польскому солдату: 600 г хлеба, 10 г жиров, 500 г картофеля, 240 г мяса и т.д. Если каких-то продуктов не хватало, их заменяли другими. Солдатскими и офицерскими кухнями ведали сами военнопленные, которые получали положенный набор продуктов для определенного количества барачников, проверяли его и готовили пищу.

В сообщении ПТА говорится: «В ответ на жалобы военнопленных на то, что им не хватает белья, одежды, мыла, недостаточно печек и что в этих условиях трудно бороться с возвратным и сыпным тифом, дизентерией и холерой, заместитель министра заявил, что подобная нехватка ощущается по всей Польше, а не только в лагерях военнопленных. Польша представляет военнопленным все продовольствие в достаточном количестве. А заразные болезни, такие, как холера, появились вместе с армией большевиков, но низкий уровень культуры ее солдат препятствует борьбе с эпидемиями».

«Кроме одного случая в Стшалкове, по которому военные власти возбудили следствие, — читаем мы в сообщении, — не было ни одного случая унижения человеческого достоинства. Ложью является сообщение, что якобы применялись телесные наказания. Наоборот, лагерные власти обращаются с пленными гуманно, а медицинский персонал, преодолевая невероятные трудности, проявляет в своем деле большое самопожертвование, пренебрегая угрозой смерти (...) Правительство Речи Посполитой, не только отстаивая свою культурную и гуманную позицию, но и стремясь защитить население страны от распространения опасных эпидемий весной, неустанно прилагает всяческие усилия и будет добиваться, чтобы эти лагеря отвечали современным санитарным условиям».

«Заместитель министра заявил делегатам пленных офицеров, — читаем мы в заключение сообщения, — что он был бы счастлив, если бы советское правительство окружило такой же заботой польских офицеров и солдат в России, как это делает польское правительство с большевистскими пленными в Польше. К сожалению, по имеющимся у него сведениям, положение наших военнопленных в России весьма плачевно, и гуманного отношения к ним не проявляют».

RZECZPOSPOLITA

Войцех Скальмовский*

СТАНИСЛАВ ИГНАЦИЙ ВИТКЕВИЧ И АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Параллелизм или Wahlverwandschaft?

Станислав Игнаций Виткевич
фотографический автопортрет

Лешек Шаруга

ВИТКАЦИЙ ПО-РУССКИ

18 сентября 1939 г., узнав о вторжении Красной армии в Польшу, покончил с собой один из самых значительных польских писателей нашего века — Станислав Игнаций Виткевич (псевдоним — Виткаций). Критик массовой культуры, осо-

Размышления о творчестве двух крупнейших представителей восточноевропейского модернизма натолкнули меня на мысль написать статью, посвященную романам русского писателя Андрея Белого (1880-1934) и поляка Станислава Игнация Виткевича (1885-1939). Будучи почти ровесниками, авторы эти отличались разносторонностью увлечений: Белый, помимо прозы, писал стихи, был теоретиком литературы, изучал антропософию и даже получил математическое образование; Виткевич был художником, плодовитым драматургом, в поздние же годы считал себя в первую очередь философом. Оба полагали, что столь различные области деятельности одинаково важны для выражения единого мировоззрения. Однако сегодня их достижения принято рассматривать отдельно. Белый известен главным образом как автор романа «Петербург» (1916), признанного первым важным вкладом в восточноевропейский литературный модернизм. Виткевича изучают прежде всего как автора около тридцати театральных пьес в жанре абсурда, романы же его остаются на втором плане. Научная литература, посвященная этим двум авторам, настолько богата и обширна, что пытаться отразить здесь ее «суть» было бы просто нелепо. Кроме того, задача этой статьи гораздо более скромна. Она состоит в том, чтобы ответить на вопрос: были ли необыкновенные свойства «Петербурга» Белого и близкое им новаторство романов Виткевича, написанных после I Мировой войны, обусловлены лишь общим духом времени, или же польские романы чем-то обязаны своим русским прототипам? Этот вопрос важен еще и потому, что мысль и творчество Виткевича до сих пор рассматриваются критиками как изолированное явление, неожиданное и удивительное возникновение которого на литературной сцене межвоенной Польши нельзя объяснить ничем иным, как личной оригинальностью и талантом автора.

Вопреки этому мнению я убежден, что своим появлением произведения Виткевича во многом обязаны творческим импульсам и эстетическим впечатлениям, полученным писателем во время его продолжительного пребывания в России в 1914-1918 гг. Это утверждение ни в коем случае не означает обвинения польского автора в плагиате. Скорее оно напоминает о том, что весь-

* Войцех Скальмовский - известный иранист и славист, преподавал во Фламандском университете в Лейдене (Бельгия). Как постоянный сотрудник парижской «Культуры» подписывался *Мацей Бронский*.

ма похожие стили и тенденции расцвели во время I Мировой войны в России, чтобы затем безвременно погибнуть в ходе дальнейших политических событий. Если принять это во внимание, Виткевич предстанет перед нами скорее как чрезвычайно одаренный и оригинальный продолжатель модернистских тенденций в данной части Европы, нежели как единоличный изобретатель абсолютно нового течения. Странные философские воззрения Виткевича, которые он сам определял как разновидность «биологического монадизма», окажутся ничем иным, как удивительно верным отражением неолейбницианских теорий, популярных в России на рубеже столетий и после революции 1917 года. Точно так же футуристические и беспрецедентные на вид театральные пьесы, которые Виткевич начал писать вскоре после возвращения из России в Польшу в 1918 г., окажутся менее «самостоятельными» и уникальными, если сопоставить их с русскими экспериментами в этой области во время и после I Мировой войны. Несомненно, подобные случаи творческого подражания относятся к течениям в целом, а не к конкретным работам, но, с другой стороны, можно, по-видимому, сказать, что по существу революционная роль Виткевича состояла в развитии тех веяний и идей, которые были внезапно и грубо уничтожены в стране, где они родились. Если в случае философии и драматургии Виткевича это достаточно очевидно, то вопрос русского влияния на его романы остается открытым. Эта статья не претендует на то, чтобы предпочесть одно решение другому, — скорее она ставит перед собой задачу обсудить гипотезу о том, что «Петербург» Белого мог оказать влияние на идеи Виткевича о роли и форме его собственных работ в этой области.

Русский эпизод — наименее известный и документированный период в жизни Виткевича, и все же большинство исследователей сходится в том, что он стал решающим как для его т.н. катастрофического мировоззрения, так и для вытекающего из него творчества. Виткевич родился в Варшаве, принадлежавшей в те времена России, но вырос в австрийской части Польши (Закопане в Татрах). Он никогда не учился в школе, так как его отец (известный художник, архитектор и искусствовед) считал, что официальное образование «деформирует» естественные способности. Кратковременная учеба Виткевича в краковской Академии художеств (1904-1905) была исключением из этого правила, наложившим заметный отпечаток на его характер: даже спустя много лет после окончания I Мировой войны он так и не мог решить, в чем же его истинное призвание (в конце концов нужда заставила его стать портретистом) и имел ярко выраженный комплекс неполноценности «интеллигента-самоучки». Драматический перелом в жизни Виткевича произошел в феврале 1914 г., после того как его невеста покончила жизнь самоубийством. Тогда друзьям удалось как следует «отвлечь» его от этого события: он отправился в Новую Гвинею в этнографическую экспедицию Бронислава Малиновского (1884-1942), когда же вспыхнула I Мировая война, оказался в Австралии. Будучи гражданином России, он ощутил

знающий угрозу, порождаемую анонимностью и идеологизацией жизни, проявлением которых стали современные тоталитарные системы, он не питал иллюзий относительно будущего Польши, попавшей одновременно в тиски нацизма и коммунизма. В таком мире, основы которого он успел описать в своих пьесах и романах, Виткевич жить не хотел.

После войны его творчество, поначалу запрещенное, стало приобретать все большую популярность как в Польше, так и на Западе. Высокой оценки заслужило его критическое отношение к миру, в котором истребляются гуманистические ценности и единственной ценностью объявляется непосредственная полезность. В Польше особое значение придавали тем произведениям Виткевича, где он анализировал возникновение и функционирование механизмов тоталитаризма, хотя не оставалось без внимания и то, что он сделал в области живописи и философии.

Сегодня, спустя 60 лет после смерти писателя, создается впечатление, что о Виткевиче забыли. Эссеист Роман Павловский в посвященной этой годовщине статье в «Газете wyborчей» подчеркивает, что в 90-е годы пьесы Виткевича практически исчезли из театрального репертуара. «Почему, — спрашивает критик, — польский театр, который во второй половине 60-х, а затем в 80-е (...) восторгался драмами Виткевича, давая по десять премьер в сезон, сейчас играет их на школьных утренниках? Кто вырвал зубы у автора самых скан-

дальных и нецензурных пьес межвоенного двадцатилетия? (...) А ведь именно 1989 год, возрождение — спустя полвека — свободного рынка, либеральной идеологии и капитализма создали благоприятную для Виткация атмосферу. (...) Сегодня драмы Виткация больше других говорят о действительности и могут обойтись без комментариев. И что же? А ничего. Театр этого нового лица Виткация не заметил.

Однако его, видимо, заметил переводчик Виткевича на русский язык Андрей Базилевский, который в тот самый день, когда была опубликована вышеупомянутая статья, подарил редакции «Новой Польши» сборник «Дюбал Вахазар», куда вошли семь наиболее характерных пьес Виткация. Возможно, после периода популярности польского катастрофиста на Западе мы станем свидетелями его открытия там, где родилась его социальная чуткость, сформированная, в частности, личным опытом свидетеля большевистского переворота. Составленная Базилевским и Исаевым книга, вышедшая в московском издательстве «Вахазар», представляет творчество Станислава Игнация Виткевича необычайно компетентно, открывая тем самым его произведения новому кругу читателей.

нравственную обязанность поступить на службу в русскую армию и почти немедленно выехал в Петербург, где, пройдя ускоренную воинскую подготовку, стал офицером отборного полка. После серьезной контузии, полученной им на поле боя в 1916 г., Виткевич получил длительный отпуск, но уже в феврале 1917 г. опять был в армии и стал непосредственным свидетелем революции. С этого времени подробности его жизни в России неясны, за исключением того факта, что он смог вернуться в Польшу лишь в июне 1918 года. Там он немедленно развил бурную деятельность: в 1919 г. вышла книга, в которой он излагал свою радикально антиреалистическую концепцию искусства; в последующие же годы написал большинство своих театральных пьес. Эти работы до такой степени напоминают одну из футуристических линий русского театра тех времен, что детальное сравнительное изучение пьес Виткевича и его русских современников кажется мне настоятельной необходимостью.

Два романа, написанные Виткевичем во второй половине 20-х гг. также носят новаторский и антитрадиционалистский характер. В противоположность довоенному психологическому роману «622 падения Бунго» (написан в 1911-1912 гг., издан посмертно в 1972 г.), его более поздние произведения («Прощание с осенью», завершено в 1925-м, издано в 1927 г. и «Ненасытность», завершено в 1929-м, издано в 1930 г.) обнаруживают характерные черты, напоминающие «Петербург». Конечно, доказать, что Виткевич читал книгу Белого, невозможно, но вероятность того, что он был знаком с нею, весьма велика. Постоянно поглощавший книги Виткевич был в отпуске в Петербурге в то самое время, когда вышел роман Белого. Свой отпуск он посвящал разнообразной культурной деятельности, среди которой важное место занимало участие в работе актерского кружка под руководством польской актрисы Станиславы Высоцкой (1877-1942). В высшей степени «сенсационная», необыкновенная книга Белого была, несомненно, известна в этой среде, а ее успех мог убедить Виткевича в том, что подобные эксперименты не являются ни невозможными, ни тщетными.

Как известно, действие романа «Петербург» происходит в 1905 г. в столице Российской империи, сам же роман состоит из нескольких «пластов». Один из них — история о бомбе, с помощью которой главный герой хочет убить своего отца. Другие, более существенные пласты содержат психологические этюды отдельных героев, политическую и социальную панораму русского общества того времени и, наконец, напоминающее галлюцинацию описание Петербурга, которое подчеркивает нереальную, отчасти гротескную, пародийную атмосферу всего произведения. Подобная «наслаивающаяся» структура появляется и в двух вышеупомянутых романах Виткевича. Их действие происходит в вымышленной, гротескной Польше конца XX века, однако, на самом деле они представляют собой пародию на польскую действительность середины 1920-х, главные же герои обоих романов — молодые люди, очень напоминающие Аблеухова-младше-

го. «Декадентствующий» герой «Прощания с осенью» женится на девушке из среды мелкой буржуазии, одновременно, вступая в любовную связь с «демонической» богатой наследницей. Фоном для психологической, наркотической и эротической неумеренности героев романа служат несколько политических революций, которые в конце концов заканчиваются победой «нивелистов» (карикатурное изображение большевиков) и смертью главного героя. Намеренно преувеличенные описания персонажей и событий резко контрастируют со всепроникающей атмосферой реального и драматического конца эпохи.

«Ненасытность» представляет собой другой вариант романа в том же стиле. Там Польша будущего — последний бастион «старого порядка», соседние же страны находятся на различных этапах строительства коммунизма. В начале романа вся Европа живет в ожидании нависшего над ней китайского вторжения (ср. с намеками на «панмонголизм» в «Петербурге»), которое должно стать завершающей фазой неизбежной «механизации цивилизации» в мировом масштабе. Центральной фигурой является Генезип Капен (намеренно загадочное имя, построенное на польско-французской игре слов), офицер свиты военачальника Коцмолуховича (пародия на польского лидера Юзефа Пилсудского), воплощающего идею спасения. В итоге идея эта оказывается чистой фикцией: китайцы захватывают страну, не встречая ни малейшего сопротивления, и реформируют ее согласно своим замыслам. Также и в этом романе мысль о приближающейся катастрофе важнее событий, которые становятся лишь ее символами.

Сходство между шедевром Белого и двумя романами Виткевича обусловлено скорее общим отношением этих авторов к своей писательской задаче, нежели прямым соответствием сюжетов и описаний, которое можно было бы подкрепить цитатами. Обоих писателей объединяют взгляды на описываемый ими мир, катящийся к катаклизму. Предотвратить надвигающиеся ужасы невозможно. Тень их предчувствия уже деформирует «все еще нормальное» с виду настоящее и обнаруживает предвестия будущего упадка. Именно по этой причине оба автора смотрят на окружающий мир с отвращением, плохо скрываемым под маской иронии и высмеивания. Их «эпистемологическое отчаяние», как можно было бы назвать такую позицию, порождает новый подход к роману как жанру: вместо того, чтобы пытаться описывать действительность объективно, он становится скорее выражением субъективной тревоги. Роман в их руках перестает быть «произведением искусства» в традиционном понимании и становится своего рода монологом в стиле, напоминающем нечто среднее между беседой в интеллигентской кофейне и представлением в кабаре. Результаты такого подхода можно проследить в структуре романов, в их персонажах и языке.

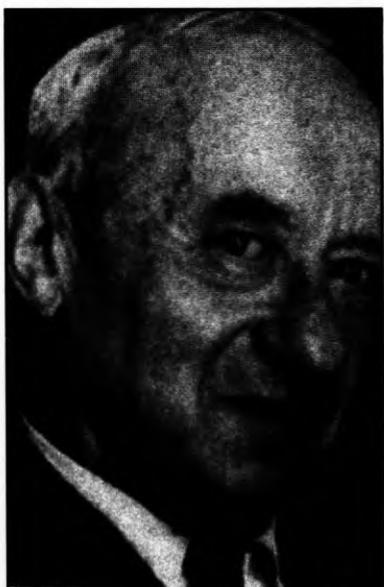
Как «Петербург», так и два романа Виткевича имеют «гибкую» структуру в том смысле, что различное построение эпизодов и отступлений не оказывает значительного влияния на их выразительную силу. Сюжеты явно служат лишь предлогом для более важной задачи — передачи «невероятных» психологических сложностей и наглядного представления «странности» ситуаций. Идея, просвечивающая в их отрывочных и нарочито бессвязных сюжетах, в обоих случаях одна и та же: за нелогичным поведением персонажей и гротескными событиями кроются опасные силы, описать которые невозможно, но присутствие которых отчетливо ощутимо. Этот дуализм шутовства и отчаяния подчеркнут использованием бесчисленных разговорных оборотов, каламбуров и аллитераций — такая намеренно «несерьезная» оболочка позволяет читателю осознать скрытую под ней серьезную глубину лучше, чем классические выразительные средства до-модернистского романа.

Подведем итог: разительное сходство «ауры» «Петербурга» Белого и романов, написанных десятью годами позже Виткевичем, наводит на мысль, что, возможно, следует принимать в расчет не прямое, но сильное русское влияние, несомненно оказанное на философию и драматургию Виткевича. Исключение такой возможности, вне всяких сомнений, лишит любой серьезный анализ творчества Виткевича весьма важного измерения.

Ян Воленский

ОБРАЗЕЦ ИСТИНЫ

Альфред Тарский — князь логики

Альфред Тарский

ЯДЕРНЫЕ ФИЗИКИ
ЗА КРУГЛЫМ
СТОЛОМ

17-20 января нынешнего года в Дубне состоялась 89-я сессия ученого совета Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ), в рамках которой был проведен «круглый стол» на тему: «Польша в Объединенном институте ядерных исследований» с участием 19 польских ядерных физиков во главе с проф. Ежи Неводничанским — председателем Государственного агентства по атомной энергии. Сессию и «круглый стол» вел академик В.Кадышевский (Россия), председатель ученого совета

У нас было только четверо ученых самого высокого международного класса в своей области: Николай Коперник в астрономии, Мария Склодовская-Кюри в физике, Стефан Банах в математике и Альфред Тарский в логике. Тарский был вдобавок одним из пяти величайших логиков всех времен. Остальные в этой пятерке — это Аристотель, Готтлоб Фреге, Бертран Рассел и Курт Гёдель.

Тадеуш Котарбинский якобы говаривал: «Итальянский тенор и польский логик — это вершины в своем деле» (по другой версии: «Величайшие теноры — из итальянцев, а величайшие логики — из поляков»).

Альфред Тарский родился 14 января 1901 г. в Варшаве, в еврейской семье. Фамилия его от рождения была Тейтельбаум. Он полонизировал ее сознательно, имея в виду научную карьеру и женитьбу. Экзамены на аттестат зрелости он сдал в 1918 г. и в том же году поступил в Варшавский университет. Начал с биологии, но вскоре сосредоточился на математике, с самого начала интересуясь основами математики и математической логикой. Тарский слушал лекции Станислава Мазуркевича (по математике) и Тадеуша Котарбинского (по философии). Первую научную степень он получил в 1924 г., годом позже стал доцентом (это был самый молодой доцент за все время существования польской математики). Работал адъюнктом на семинаре по философии (руководил семинаром Ян Лукасевич) и преподавал математику в гимназии им. Стефана Жеромского. Наряду с Лесневским и Лукасевичем он вскоре стал одним из столпов варшавской школы логики — одного из самых блистательных явлений во всей истории польской науки.

Тарский очень быстро достиг серьезных результатов в логике и основах математики, а став доцентом, начал вести свой собственный семинар. Казалось бы, следующий естественный шаг в научной карьере — должность профессора. Первая возможность представилась в 1928 г., когда университет им. Яна Казимира во Львове объявил конкурс на пост профессора математической логики. Соперником Тарского был Леон Хвистек, который и получил кафедру. Соперничество проходило драматически. По просьбе Лукасевича и Лесневского Тарского поддержал Твардовский, а на стороне Хвистека были львовские математики, прежде всего Банах и Гуго Штейнгауз. Дело вроде бы решил голос Бертрانا Рассела, которого попросили высказать свое мнение: он был скорее за Хвистека. В 30-е годы профессура Тарского несколько раз рассматривалась в Варшавском университете, но необходимое предложение так и не было подано в министерство. Тарский так и не стал профессором до конца своего пребывания в Польше.

Еврейское происхождение наверняка не благоприятствовало научной карьере Тарского. То, что он сознательно полонизировался, не имело особого значения в глазах польских антисемитов; я сам когда-то держал в руках брошюрку со списком полонизировавшихся евреев (Тарский тоже был в нем), изданную в 1939 г. как предостережение настоящим полякам

перед еврейским заговором. Однако, с другой стороны, еврейское происхождение не исключало университетской карьеры. Можно полагать, что в случае львовской профессуры дело было решено независимо от национальных критериев. Хвистек был старше, был в то время (в 1928 г.) более известен, пользовался поддержкой профессоров математики.

Сам Тарский глубоко все это переживал. Он до конца жизни был убежден, что не стал профессором из-за антисемитизма. Однако это горькое сознание никогда не перерастало в антипольские настроения. Он поддерживал польских логиков во всех странах, а его дом в Беркли был всегда открыт полякам. Он подумывал вернуться в Польшу в 1945 г., но ему как будто предложили только довоенную должность адъюнкта. Если это правда, то тут организаторы польской науки и высшего образования действительно проявили невероятную глупость. Тарский не принимал активного участия в политике, но очень живо интересовался самыми разными сторонами общественной жизни. Он часто выступал в защиту свободы научных исследований и осуждал все виды дискриминации.

В 30-е годы известность Тарского стала международной. Его несколько раз приглашали в Вену, где он общался с членами Венского кружка, а также с Карлом Поппером и Куртом Гёделем, принимал участие во многих научных конгрессах, в частности в Праге (1934) и Париже (1935). Большое признание получили его идеи в области семантики, прежде всего знаменитая монография «Понятие истины в языках дедуктивных наук» (1933; немецкое издание — 1936), одна из самых важных работ в области логики и философии XX века, а может быть, и за всю их историю. В ней заложены основы логической теории моделей, дающей синтез логики и универсальной алгебры.

В августе 1939 г. Тарский выехал на философский конгресс в США. Когда он доплыл до Нью-Йорка, уже шла война. Жизнь Тарского в США была нелегкой. Его мучили мысли о судьбе семьи: жена и двое детей остались в Польше. У него не было постоянной работы. Он жил на стипендию и случайные лекции. Бертран Рассел, славившийся своей бескорыстной отзывчивостью, хотел отдать Тарскому свое место в Колумбийском университете, но университет не согласился. Великий англичанин комментировал это следующим образом: «Что ж, по-видимому, в логиках у них нет надобности». В 1942 г. Тарский стал преподавателем математики в Беркли, а три года спустя — профессором в том же университете. В Калифорнии он обрел свой второй дом. В 1945 г. ему удалось вывезти к себе жену и детей.

Будучи профессором в Беркли, Тарский создал сильную школу логики, получившую название калифорнийской и в каком-то смысле ставшей продолжением варшавской школы. Он был президентом Общества символической логики (1944-1946) и Международного союза истории и философии науки (1950-1957), внутри которого основал секцию логики и методологии науки. Он был инициатором конгрессов по логике, методологии и философии науки: первый из них состоялся в Стэнфорде в 1960 г., а 11-й — в Кракове в 1999-м. Тарского иногда считали математиком, иногда философом, но прежде всего логиком. Он был горячим сторонником сотрудничества логиков-математиков и логиков-философов и несомненно самым разносторонним логиком XX века. Огромное влияние оказал

и директор ОИЯИ. Заседания проходили в Доме международных встреч на берегу Волги, в самом центре живописного научного городка. В числе гостей на встрече присутствовали профессор, доктор наук Эугениуш Дурачинский (постоянный представитель Польской Академии наук в Москве) и культурный атташе посольства Польши в Москве В.Сандецкий.

На «круглом столе», посвященном главным образом проблемам взаимного сотрудничества, выступили: со стороны хозяев — проф. В.Кадышевский; с польской стороны — профессора Е.Неводничанский и А.Хрынкевич (Институт ядерной физики, Краков), проф. А.Будзановский (Краков), проф. Стефан Тачановский и Ян Возняк (Горно-металлургическая академия, Краков), проф. Адам Собичевский (Институт им. А.Солтана, Варшава), проф. Войцех Навроцкий (Университет им. Адама Мицкевича, Познань), проф. Ян Ковнацкий (Лаборатория тяжелых ионов Варшавского университета), проф. Юзеф Анджеевский (Лодзинский университет), акад. Люциан Собчак (Институт химии Вроцлавского университета), проф. Дариуш Мончка (Университет им. М.Скловской-Кюри, Люблин), акад. Ежи Яник (Институт ядерной физики, Краков) и др. В заседаниях принимал участие также проф. Стефан Хвасцевский, ученый секретарь института в Сьверке.

Этот пример польского сотрудничества с институтом в Дубне вызвал огромный интерес со стороны ученых — участников 89-й сессии ученого совета (около 20 стран-участниц). Они задали польским докладчикам множество вопросов, а в своих высказываниях высоко оценили роль Польши в мировой нау-

ке; в особенности это касалось ядерной физики.

2001 год в Дубне, готовящейся к празднованию 45-й годовщины со дня основания института, будет богат научными встречами. В январе, кроме сессии ученого совета, прошел семинар на тему нейтронного детектора и «эксперимента НОМАД». В феврале состоялась V Международная конференция молодых ученых и специалистов и II Школа современной нейтронографии. Будет проведена также встреча по финансовым проблемам. Следует заметить, что в последнее время польской стороне удалось уменьшить финансовый вклад Польши в бюджет ОИЯИ (с почти трех до 1,8 млн. долл.).

На 2001 год в Дубне планируется провести более 20 международных мероприятий. Годовой план главных научных исследований предполагает участие ученых со всего мира, включая Австралию, Японию, США, Южную Африку, Корейскую Республику, разумеется, Польшу и других партнеров института. Эти планы подтверждают мнение, многократно высказывавшееся участниками конференции в Дубне, о том, что работа польского представительства в Дубне, а прежде всего активное участие польских ученых в научных исследованиях ОИЯИ, жизненно важна для мировой науки. Дубна теперь открыта миру, ведет разностороннее сотрудничество и особое внимание уделяет молодому поколению ученых. Продолжение сотрудничества с Польшей, как подчеркнул председательствовавший на заседаниях ученого совета проф. В.Кадышевский, представляется крайне важным для ОИЯИ.

он как на свою дисциплину, так и на философию вообще. Он фигурирует в списке самых видных выходцев из Европы, создававших современную американскую цивилизацию. Чеслав Милош, с которым он дружил, называл его Эйнштейном Западного побережья.

Умер Тарский в Беркли 27 октября 1983 г.

Рубежи веков, а тем более тысячелетий побуждают задуматься о той или иной судьбе. Это в значительной степени мифология, так как с точки зрения космического мироустройства 2000 или 2001 год — такие же условные даты, как 1957 или 2005 гг. Но раз уж принято сводить столетние или тысячелетние балансы, то по случаю столетия со дня рождения Тарского займемся немного логикой.

Минувшее столетие наверняка прошло с пользой для логики. После векового застоя она ожила под конец XIX века, а XX-й стал эпохой ее подлинного триумфа, определив стиль работы математиков и философов. Под конец века в ней наметился кризис. Во многом было прервано сотрудничество логиков-математиков и логиков-философов, которое отличало польскую школу и так много значило для Тарского. Но, с другой стороны, появился новый двигатель развития логики — кибернетика. Применение логики в разработке компьютерной техники было решающим и не исключено, что именно кибернетика и другие науки, занятые исследованиями искусственного интеллекта, определяют характер логики в XXI веке.

Польские логики, в особенности сам Тарский, который говаривал, что «религия разделяет людей, а логика их объединяет», придавали огромное значение всеобщей культуре логики. Они рассматривали ее как действенное лекарство от многих социальных болезней, прежде всего как плотину против иррационализма. Трудно оценить, насколько они были правы: поступки и мысли человека зависят не только от соблюдения правил логики. Но одно верно: культура логики влияет на произведение человеческого ума, в особенности на те, что закрепляются в языке. И не исключено, что ужасающий уровень польского законодательства и политических дискуссий — в наше время, когда право можно формировать свободно, а дискуссии вести без идеологического давления, — вытекает из нехватки культуры логики. А как может возникнуть эта культура, если логика совсем не преподается в школе и в малых дозах — в университете, если СМИ пропагандируют бессмыслицу в качестве интеллектуальной нормы и образца для подражания?

Польские логики собираются отметить столетие со дня рождения Тарского соответствующими научными мероприятиями, в частности провести большую международную научную конференцию в Варшаве. То, как государственные органы и СМИ отнесутся к этому, будет характеризовать уровень их уважения к одной из самых важных польских интеллектуальных традиций.

Ян Воленский — профессор философии в Ягеллонском университете (Краков), вице-председатель Комитета философских наук Польской Академии наук, председатель Польского общества логики и философии науки.

Людвик Стомма

НЕ ТОЛЬКО ЧЕТВЕРО...

В «Политике» от 20 января 2001 года была опубликована статья профессора Яна Воленского об Альфреде Тарском. Статья очень интересная и нужная, поскольку в нашем историческом сознании Тарский запечатлелся довольно слабо – а жаль. И все было бы в порядке, если бы не первое предложение: «У нас было только четверо ученых самого высокого международного класса в своей области: Николай Коперник в астрономии, Мария Склодовская-Кюри в физике, Стефан Банах в математике и Альфред Тарский в логике». Признаюсь, из груди моей вырвался крик, а нож сам собой открылся в кармане. Вот составленный наспех, спонтанно и *ad hoc*, то есть наверняка неполный список еще пятнадцати ученых, которым никто не сможет отказать в «самом высоком международном классе» (перечисляю в алфавитном порядке): Ян Бодуэн де Куртене (языковедение), Александр Волщан (астрономия), Флориан Знанецкий (социология), Витольд Куля (история), Станислав Мазур (математика), Бронислав Малиновский (этнология), Казимеж Михаловский (археология), Богдан Пачинский (астрофизика), Леон Петражицкий (право, социология), Ксаверий Пивоцкий (искусствоведение), Вацлав Серпинский (математика), Мариан Смолюховский (физика), Ян Чекановский (антропология), Гуго Штейнгауз (математика).

В дальнейшем предлагаю не заниматься «классиками», т.е. Коперником (которого, кстати, немцы считают немцем) и Марией Склодовской-Кюри (которую французы считают французенкой «d'origine polonaise» – «польского происхождения»). Дело не в них. Что же касается остальных...

Самая популярная французская настольная энциклопедия «Petit Larousse» содержит фамилии шести польских ученых (не считая «классиков»): Бодуэна де Куртене, Хиршфельда, Малиновского, Серпинского, Смолюховского и Тарского (Банаха в ней уже нет). В испанском университетском учебнике истории науки мы обнаруживаем фамилии Бодуэна де Куртене, Знанецкого,

Малиновского, Михаловского, Смолюховского, Хиршфельда и Штейнгауза. В немецких учебниках для средних школ упоминаются Мазур, Серпинский, Смолюховский, Чекановский, Хиршфельд, а также Юзеф Костшевский (археология) и Станислав Костанецкий (органическая химия). Во французском «Словаре историков» Витольд Куля представлен как один из создателей переломной «nouvelle histoire» (новой истории), там же можно найти обширную заметку о Ксаверии Пивоцком. В так называемых «международных цитатных рейтингах» (перевожу с французского дословно, то есть коряво) в области астрофизики Волщан и Пачинский бьют все рекорды, а Роман Юшкевич вот-вот прорвется в этот список. Студенты политологии европейского университета Марн-ла-Валле слышали только о таких польских ученых (повторяю – кроме «классиков») как Петражицкий, Волщан и Знанецкий; студенты этнологии университета Париж-Х (Нантер) знают Бодуэна де Куртене, Малиновского, Михаловского, Чекановского и в дополнение к этому – Тадеуша Котарбинского (философия, логика), известного и весьма ценимого в России и... Китае.

Во время конференций, проходящих в самых разных уголках земного шара, я всегда прислушивался и продолжаю прислушиваться к каждому родному звуку. Оказалось, что моим студентам известны такие фигуры (кроме уже перечисленных) как: Ян Башкевич (история), Зигмунт Врублевский (физика), Александр Гейштор (история), Герард Лабуда (история), Оскар Ланге (экономика), Станислав Лесневский (логика и математика), Станислав Моссаковский (искусствоведение), Януш Тазбир (история), Веслав Юшак (искусствоведение)... В связи с Лесневским – забавная история. Ко мне обратилась девушка из Камеруна, желавшая написать о нем диссертацию. В ответ на мои заверения в том, что я – застарелый гуманитарий и не смог бы ей ничем помочь, она сказала с некоторым даже презрением в голосе: «Весь мир

знает о достижениях Лесневского. Я думала, что уж кто-кто, а поляк...»

При этом следует заметить, что в самом понятии «международный класс» кроется коварная ловушка. Мировая известность – это переводы и заграничные успехи. Она не грозит тем, кто занимается специфически польской тематикой, даже если они достигают высочайших интеллектуальных вершин. По этой причине в мире немногие слышали о таких ученых как, например, Ян Станислав Быстрынь (этнография), Юзеф Халасинский (социология), Казимеж Нитш (языковедение) или Казимеж Выка (литературоведение)...

Добавим также, что в польской науке есть области, в которых вершины успеха были достигнуты благодаря коллективной работе целой плеяды ученых – столь многочисленной, что перечисление фамилий превратило бы эту заметку в телефонную книгу.

Так что польскую науку поддерживают не только четыре кариатиды. В этом г-н профессор Ян Воленский не прав. Боюсь, однако, что его голос может оказаться пророческим, и через несколько лет мы действительно останемся среди развалин с несколькими яркими личностями. Уже сейчас Пачинский и Волшан работают в США, Юшкевич – в Швейцарии, лучшие польские этнологи – в Австрии, Испании и Франции,

прекрасный юрист (специалист по конституционным проблемам) Войцех Кемпинский – в Канаде и Аргентине... Почему?

Потому что, к сожалению, наука должна финансироваться. Снова деньги? А как же иначе. Не было в истории лучшего капиталовложения, чем в науку. Мультимиллиардная компьютерная империя, сети телекоммуникации, космические станции, несостоятельность расизма, антибиотики, пересадка органов... Кто всё это изобрел? Не кто иной, как банда кабинетных крыс, маньяков, не вылезавших из лабораторий или прилипших к письменным столам, не слишком красивых (за исключением профессора Александра Гейштора) и к тому же заработавших геморрой из-за сидячего образа жизни.

Пишу эту статью за несколько дней до утверждения бюджета на следующий год. Я полностью согласен с тем, что здравоохранение, общественная безопасность и образование имеют огромное значение. И всё же нельзя забывать о науке – это действительно та единственная курочка-ряба, которая несет золотые яйца. А министр Коморовский (министр обороны) пусть не злится, что у него отобрали несколько миллионов. Мы уже вошли в НАТО, и оно нас не выкинет. Пусть подождет.

POLITYKA

ОТ РЕДАКЦИИ

Из перечисленных в статье Л.Стоммы польских ученых в «Советском Энциклопедическом словаре» (гл. ред. А.Прохоров, Москва, 1984) фигурируют следующие: *С.Банах, А.Бодуэн де Куртене, К.Выка, В.Знаецкий, Ю.Костшевский, Т.Котарбинский, О.Ланге, К.Нитш, Л.Петражицкий, В.Серпинский, А.Тарский.*

При этом двух ученых, достаточно широко известных в России, Энциклопедический словарь считает: одного – польско-русским, другого – исключительно русским ученым, эмигрировавшим (!) в Польшу. Вот что о них написано:

Бодуэн де Куртене Иван Александрович (1845-1929) – русский и польский языковед и член-корреспондент Петербургской Академии Наук (1897). Первым обосновал теорию фонем и фонетических чередований, разграничил диахронию и синхронию, рассматривая их в неразрывной связи. Оказал большое влияние на развитие русского и польского языка. Отредактировал и дополнил «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И.Даля (3 изд. 1903-09; 4 изд. 1912-14).

Петражицкий Лев Иосифович (1867-1931) – русский юрист. В 1918 г. эмигрировал в Польшу. Один из основателей буржуазной психологической школы права. Профессор Петербургского, с 1918 – Варшавского университетов.

Л.Стомма подчеркивает, что приведенный им список польских ученых с мировым именем далеко не полон, поэтому напомним нашим читателям, что хорошо известный в России петербургский ученый, философ и филолог-античник *Ф.Ф.Зелинский* (член многих академий, доктор h.c. многих университетов) – тоже поляк (Тадеуш Зелинский). Его имени нет ни во втором издании БСЭ, ни в упомянутом СЭС – вероятно он был выкинут за «эмиграцию» в Польшу в 1918 г.

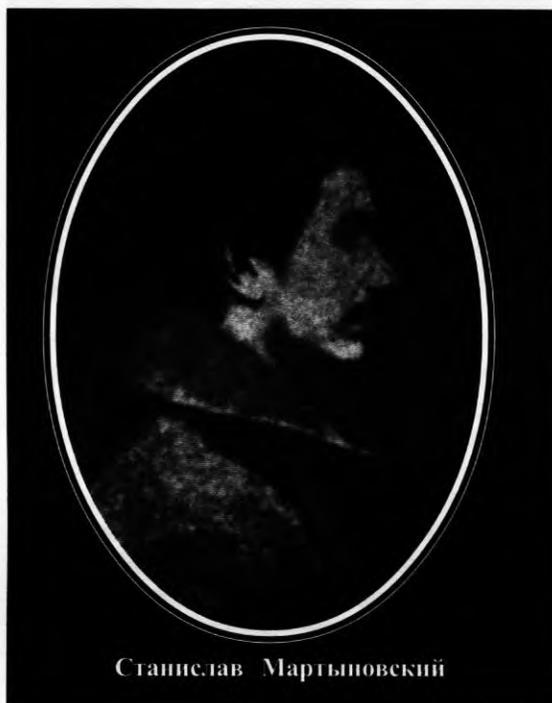
**Станислав
Мартыновский**

**Публикация
Антония Кучинского**

РАЗГОВОР КАТОРЖНИКА С ЦАРЕМ НИКОЛАЕМ II

С.Мартыновский — революционный деятель; псевдонимы «Бразилия», «Паук». Родился в 1887 г. в Лодзи, год смерти неизвестен. С юности включился в конспиративную революционную работу, член Польской социалистической партии (ППС) и ее Боевой организации. В июне 1906 г. арестован по обвинению в антимонархической агитации на заводах и среди солдат лодзинского гарнизона. В период следствия находился в заключении в Лодзи, затем в X корпусе Варшавской цитадели. Обвиненный также в совершении террористического акта и конфискации денег на почте в Згеже, решением варшавского трибунала от 23 декабря 1906 г. приговорен к смертной казни. Приговор заменен бессрочной каторгой, затем 20 годами тюрьмы. До мая 1907 г. находился в варшавской Мокотовской тюрьме, с июня того же года по март 1917 г. — на каторге в Тобольской тюрьме. Был освобожден после февральской революции, работал в военном интендантстве Тобольска. Тогда же возобновил политическую деятельность и в октябре 1917 г. был организатором рабочего клуба ППС в Тобольске. Арестованный в 1919 г. жандармерией верховного правителя адмирала Колчака, был приговорен к смертной казни, однако сумел совершить побег в Томск.

Весной 1922 г., когда революционное брожение в России улеглось, С.Мартыновский вернулся в родную Лодзь, где поступил на работу в городскую управу. Сразу же связался с группой независимых социалистов. В 1924–1928 гг. был ведущим активистом лодзинской организации Независимой социалистической партии труда. В начале 20-х годов вместе с доктором Здиславом Межинским был организатором местного кружка Общества бывших политзаключенных, затем членом лодзинского правления Общества; в 30-е — председателем лодзинского правления и членом главного правления этой организации. Автор воспоминаний и очерков истории борьбы рабочего класса с царизмом до 1914 г., занимался также издательской деятельностью. Библиография работ С.Мартыновского включает: «Дело Генрика Гриневецкого — бывшего губернского инспектора тобольской каторги. (Страница из истории мартирологии революционеров)» (1928); «Лодзинская боевая десятка» (1928); «Путь к свободе. Воспоминания о тобольской каторге» (1929); «Лодзь в огне» (1931); «Погром в Седльце» (1936);

Станислав Мартыновский

«Польша боевая» (1937); «Баррикады. Ч.1. Товарищ Паук. Год 1905» (б.г.). Все книги изданы в Лодзи. Биографические материалы о С.Мартыновском хранятся в Музее традиций борьбы за независимость в Лодзи и в Архиве новых актов в Варшаве. Данные о нем я получил также от его семьи, живущей в Лодзи.

Публикуемый фрагмент взят из книги «Путь к свободе». Заглавие дано публикатором.

Город Тобольск, столица Западной Сибири, расположился на обоих берегах Иртыша. До войны здесь жили 23 тыс. человек, занимавшихся рыболовством, охотой и пушной торговлей. Как и во всех городах России, в Тобольске и его окрестностях была многочисленная польская колония. Часть поляков жила здесь постоянно, однако, преобладали ссыльные. Польская колония опекала заключенных, заботилась о них. Так что первое впечат-

Каторжники-поляки
1907г.

ление было неплохое. Мы почувствовали себя среди своих, сознание этого подбадривало нас, поднимало настроение.

Мы остановились перед тюрьмой. Опять формальности, без всяких отклонений от шаблона. Только обыскивали по-другому. Велели раздеться догола. Мы восприняли это с юмором, не предполагая, что «голые обыски» еще причинят нам немало неприятностей и огорчений. А по ту сторону ворот, в III корпусе, нас с нетерпением ждали товарищи, изголодавшиеся по вестям из мира. Наконец ворота открылись, чтобы тут же наглухо закрыться. Для нас они захлопнулись на долгие годы.

Меня вместе с другими отправили в III корпус, предназначенный для вновь прибывших. Впихнули нас в камеру, а вскоре повели в баню; потом мы получили белье и тюремные халаты, которые должны были заменять нам и одеяла. Белье было немислимое. Холстина из грубой пеньки терла, раздражала кожу и, понятное дело, вызывала зуд. Посторонний человек, глядя на недвусмысленные движения наших рук, счел бы, что мы усыпаны вшами. Правда, на отсутствие этих симпатичных насекомых мы тоже пожаловаться не могли, но от этой напасти еще можно было кое-как избавиться, а вот без белья не очень-то походишь. Вместо сенников выдали по куску войлока, покрытому полотном из той же пеньки. Халаты, которые мы носили весь день — и на работе, и на прогулке, были пропылены насквозь.

Как я уже сказал, халаты служили нам и одеялами. Через пару дней у многих товарищей воспа-

лились глаза. Пыль из халатов, когда ими накрывались ночью, попадала в глаза, вызывая воспаление век. Мы решили категорически требовать, чтоб нам заменили белье и выдали одеяла. Но в тот же день явился начальник Кларин и объявил, что переводит нас в I корпус.

Меня поместили в камеру №4. Сидело нас там 28 человек, в том числе товарищи Луковский, Езерский, Дарецкий, Мительштадт и несколько уголовников. Товарищи приняли меня очень сердечно. Засыпали вопросами, несколько дней пришлось без передышки рассказывать, что делается на воле, что слышно нового. По нескольку раз я повторял одни и те же истории. Несмотря на всю сердечность приема, в тюремную коммуны я был допущен лишь через несколько недель. Таков был порядок. До этого мы находились как бы под следствием. Нас изучали, выпрашивали, что мы знаем о партийных делах, а главное — пытались побольше дознаться о нас из наших бумаг, находящихся в канцелярии. И лишь когда все факты оказались за нас, мы были введены в коммуны и посвящены во все тонкости тюремной жизни.

Тобольская каторжная тюрьма состояла из целого комплекса зданий. Передние строения занимал помощник начальника Газевич и чиновники канцелярии, которая помещалась тут же. Железные ворота открывались только для того, чтобы впустить или выпустить кого-нибудь из администрации. У ворот была дежурка для войскового подразделения, которое постоянно находилось в тюрьме. Ворота вели во двор госпиталя, окруженный со всех сторон домами. Тут же, возле центрального входа, была помойка, а рядом деревянные сараи — склад продовольствия и одежный склад. За складом продовольствия выселись: православная церковь, евангелический и католический храмы и здание, состоявшее из одиночных камер, называвшихся «церковными». Там содержали приговоренных к смерти. За одежным складом был дом, который у нас называли «сучий куток». Там сидели провокаторы. Возле «сучьего кутка» размещалась тюремная кухня, а возле церкви — госпитальная. По двору шастали крысы, громадные, как кошки, и вызывающе наглые. Спокойно себе разгуливали среди бела дня, издеваясь над всеми. Это были единственные существа, которые не признавали административной власти и не соблюдали тюремного распорядка.

Между кухнями стояло госпитальное здание с коваными деревянными воротами. Рядом — мертвецкая, учреждение весьма посещаемое. Подле мертвецкой — баня и прачечная. О чистоте этих заведений лучше не говорить. За баней — III корпус, к которому примыкал огромный двор, огороженный и заросший деревьями. За оградой вдалеке виднелась река Иртыш. I корпус помещался напротив госпиталя, II-й — вплотную к первому. Между I и II корпусами — садик с карцерами-«мешками» (которые не использовались). Это были такие маленькие и узкие камеры, что человек в них не мог и шевельнуться. Наказанный должен был все время стоять. А наказывали обычно за какую-нибудь ерунду. Перед оградой, ближе к госпиталю, стояла еще одна церковь, зимняя, в которой богослужения совершались только зимой. И наконец — двор, 175 шагов в длину, 90 в ширину, окруженный высоким частоколом из бревен, плотно пригнанных друг другу. Остро заточенные столбы на высоте второго этажа были увенчаны колючей проволокой.

Тюремная жизнь сама собой укладывалась в один и тот же распорядок дня. Никаких изменений в распорядке невозможно было себе представить, а если они случались — это была уже целая революция. Каждый день в пять утра нас будил пронзительный, неприятный свисток. Полчаса давалось на одевание, умывание и уборку камеры. В пять тридцать второй свисток — проверка. Проверяли число присутствующих и кандалы. Потом завтрак: хлеб и кипяток. После завтрака по несколько человек выпускали в уборную. До обеда, то есть до 12-ти, было свободное время. Обеденное меню тоже было неизменным: гречневая каша и капуста да раз в неделю, по пятницам, рыбный суп, точнее — вонючая баланда. Еда омерзительная, только голод заставлял нас есть эту дрянь. Коммунальная касса была открыта для всех, независимо от того, сдавал ты в нее что-нибудь или нет. Были те, кто получал деньги постоянно, а другие — и таких было порядочно — никогда ничего от семьи не получали. Несмотря на это, все сообща пользовались кассой, и никогда на этой почве не доходило ни до каких стычек.

С двенадцати до шести — опять свободное время. В шесть начиналась проверка, подготовка ко сну. В восемь ложились спать. Свободное время надо было чем-то заполнить. Ничто так отри-

цательно не действует на узника, как отсутствие занятий; серость и монотонность тюремной жизни в сочетании с бездействием могут довести до помешательства.

Обязательной программы занятий не было, каждый проводил время, как ему заблагорассудится. Кто учился, кто изготавливал безделушки из конского волоса, большинство с азартом отдавалось игре в карты и шахматы. Играли на белье и всякие пустяки, часто на «фанты». Они состояли в том, что неудачливый игрок должен был искупить проигрыш каким-нибудь поступком, обычно влекущим за собой печальный результат в виде наказания. Так, проигравший обязан был, по желанию выигравшего, лаять, мяукать, возить его на табуретке, невзирая на замечания надсмотрщиков. На проверке он должен был выйти из строя, что всегда кончалось карцером. После обеда обычно пели, декламировали, а ближе к вечеру один из назначенных товарищей читал вслух книгу.

Единственной помехой в камере были 12 сидевших с нами уголовников. Отношения были враждебные. Эти уголовники, типы дегенеративные, половые извращенцы, сидели за убийства и грабежи. Не было дня без драки. Администрация всегда становилась на сторону уголовников. Кражи, попытки изнасиловать наших молодых товарищей были в порядке вещей. В конце концов наше терпение лопнуло, и мы категорически потребовали отделить политических от уголовников. Администрация долго думала, однако, видя нашу решительность, отступила. Всех политических перевели в III корпус.

Жизнь переменилась, как по мановению волшебной палочки. <...>

Наступил 1914 год. Он начался для нас так же, как и все прочие. Ничто не предвещало перемен. С воли доходили глухие вести о неустанной, неутомимой работе наших товарищей — тех, до кого еще не дотянулась рука сатрапа. Мы ждали!

Вдруг в августе по тюрьме разнеслась будоражащая новость: война!

Война! Сколько надежд мы связывали с этим словом! Однако уверенности не было. Надсмотрщики, которых мы спрашивали, правда ли, что Россия воюет, сражается, отвечали, что ни о чем таком не знают, все это ложь. Но по голосу мы догадывались, что они врут. Шли месяцы. <...> Я решил вырваться из этого монотонного прозябания. Обратился к начальнику с просьбой, чтобы он пе-

ревел меня в мастерские. Начальник согласился, и уже на другой день я был в мастерской. Товарищи, которые уже там работали, организовали коммуну, основанную на разделении труда. Меня и товарища Байраха, как самых малосильных, определили в повара. Я никогда не занимался кулинарным искусством и, честно говоря, вообще не имел о нем понятия. Но беда учит уму-разуму, а гнет прибавляет талантов. Долго мы с товарищем Байрахом терзались: что же приготовить на обед, чтобы товарищи были и сыты, и довольны, чтоб было и сытно, и вкусно? Наконец решили сделать картофельные клецки. Обед, сверх всяких ожиданий, был принят хорошо. Нас поздравляли и хвалили наши поварские способности.

В должности повара я оставался до самого переворота в России, вернувшего нам свободу. Никогда этой минуты не забуду. Ночью к нам в камеру вошел начальник, известил о том, что произошло, и сообщил, что, по приказу нового правительства, мы свободны... Мы думали, что сойдем с ума! Радость была неопиcуемая! Никому не высказать того, что переживаешь в такую минуту!

Свобода!

Свобода! Мы с какой-то радостной тупостью, бесчисленное число раз повторяли это слово. Плясали в своей камере, как дети, то и дело целуясь и обнимаясь, говорили друг другу что-то такое, чего уже и не повторить, — это были скорее звуки, чем слова и предложения. Помню, один из товарищей, человек серьезный и спокойный, услышав, что он свободен, стал ругаться и сквернословить, да так грубо и вульгарно, что и повторить нельзя.

Лишь когда схлынуло первое возбуждение, мы призадумались и стали спорить о ситуации в России. В спорах прошла ночь. На рассвете всех вызвали в канцелярию. Прокурор зачитал фамилии, а потом, протянув руку, сказал: «Господа, вы свободны!» Разумеется, никто ему руки не подал. Перед воротами нас уже ждала толпа людей, она росла с каждой минутой. Развевались красные знамена, звучали революционные песни. Со всех сторон подходили группы взрослых и молодежи с музыкой и песнями.

Мы вышли — нас приветствовало громкое, тысячеголосое «ура!» Нас подняли на руки и с революционными песнями, в такт музыке, под непрерывные крики «ура!» понесли в город. Среди красных знамен развевались и наши тюремные балахоны.

В городе нас передали под опеку комитета по амнистиям, во главе которого стояли: Писажевский, Рендель, Киселевичева и другие. От комитета мы получили бесплатные обеды, обувь, одежду, белье и жилье. Кроме того, нам полагался ряд привилегий: скидки на железной дороге, бесплатная медицинская помощь и лекарства, 50-процентная скидка на товары. Амнистированных поляков отправляли группами, поэтому те, кто остался, получали еще и работу. Получил работу и я — сначала в управлении строительства, а потом — начальником военного интендантства Тобольского округа. <...>

Вскоре поползли слухи о том, что царь Николай II сбежал из Царского Села, где находился под арестом. Слухи эти, как оказалось, умышленно распространяли монархисты, чтобы вызвать беспорядки. Конечно, это не дало желаемого ими результата, скорее наоборот. В связи с тревожным положением внутри страны и слухами, свидетельствовавшими о том, что монархисты не замедлят попытаться освободить царя, правительство сочло, что пребывание Николая II вблизи столицы нежелательно. Его решили выслать в местность более спокойную и надежную. Вскоре совет рабочих депутатов Тобольска получил от правительства известие, что местом поселения царю избран Тобольск, губернский город в Западной Сибири, на реке Иртыш, вдали от железной дороги, — место ссылки и гибели многих борцов за рабочее дело.

Тобольский совет рабочих депутатов на чрезвычайном заседании постановил разместить царя в доме губернатора. 2 августа пришло сообщение, что царя отправили. 6 августа Николай II прибыл в Тобольск.

Было воскресенье, 10 часов утра. Корабль тихо подошел к пристани, где уже ожидали представители совета рабочих депутатов, рабочая милиция, военные и управляющий губернией Пигнатьев (? — так у автора). Царь и царица были в каютах. По палубе прогуливались бледные и усталые августейшие дочки. Они улыбались солдатам, с тревогой поглядывая на рабочую милицию. Поскольку население еще не вернулось из церкви домой, решили, что лучше будет пока что царя не перевозить. Опасались встречи царя с народом, который был настроен к монарху отнюдь не доброжелательно. Пигнатьев приказал капитану отплыть к другому берегу. Лишь в пятом часу полудни царя с семьей под усиленной охраной пре-

проводили к месту назначения. Помещение, отведенное им, состояло из нескольких комнат и не было похоже на тюрьму. Все комнаты были устланы коврами, богато обставлены и ничем не напоминали камер. Царская свита поселилась вблизи от дома губернатора, у богатого купца Корнилова. Караул несла охрана из бывшего полка царских стрелков, командиром был полковник Кобелинский. По поручению правительства службу при царе несли товарищи Панкратов и Никольский, бывшие каторжники. Они получили очень широкие полномочия. Каждую неделю царя водили в церковь. Вообще ему ни в чем не отказывали, в пределах возможного.

Священника Пятницкой церкви Алексея Васильева арестовали за то, что он во время богослужения молился за царя и царский дом. Проведенный у него обыск дал множество компрометирующих материалов: обнаружили переписку с царем и фрейлинами, неопровержимые доказательства готовившегося побега. Попа посадили под замок в монастырь в Абалацком уезде. Арестовали и Хвостунову, одну из фрейлин. Естественно, усилили стражу и охрану государя.

Однажды товарищ Никольский спросил меня, не хочу ли я пойти вместе с ним к царю. Конечно, я охотно принял предложение.

На другой день мы отправились с визитом к царю. Я шел с каким-то неясным удовольствием: не угасшие еще чувства человека битого, человека, над которым надругались, смешивались с ощущением победителя. Я не мог избавиться от впечатления, что иду не к бывшему «самодержцу», всевластному «батюшке», а к бывшему начальнику гигантской тюрьмы, под сапогом которого изнывали миллионы каторжников. Гриневский, Заднибранчук, Могилев, Димитриев, Дубяго (начальники Тобольской каторжной тюрьмы во время пребывания там автора. — *Публ.*), царь, — все эти фигуры слились в моем сознании в единый образ: гнусные ручищи, с которых льется кровь. И вот теперь эти ручищи утратили свою мощь — лежат, бессильные, мертвые, у наших ног.

Царская «тюрьма», как я уже писал, тюрьму вовсе не напоминала. Это бросалось в глаза и вызывало у меня понятные чувства. Я был зол на тех, кто окружил царя такой заботой, так щадил его эстетический вкус. Пройдя через устланные коврами, богато и со вкусом обставленные комнаты, мы вошли в царский покой. Царь в это время рас-

Царь Николай II

тапливал печь и, казалось, не заметил, как мы вошли. Комната была большая и, как и другие помещения, очень красиво оформленная обоями Партыкой, поляком. Тут было все, что требовалось для царского комфорта, кроме слуг и власти.

— Тут не то, что у нас в тюрьме, — сказал я товарищу Никольскому. — Хо-хо! Да если б у нас в камерах были занавесочки, ковры, дорожки, плюшевые диванчики — пожалуй, революционеров в России было бы больше, чем верноподданных и благонадежных.

— Да уж... Да уж...

— А помните, товарищ, наши тюремные пирожные, а?

Товарищ Никольский засмеялся.

— Кусочек хлеба, черного, как чернозем, и горячая вода.

— А на обед рыбка, фаршированная червячками...

Царь вдруг обернулся. Я увидел бледное лицо, на котором рисовались смирение и апатия.

— Правда ли то, что говорит этот господин? — обратился он к Никольскому.

— Да... Это Мартыновский. Он сидел в Тобольской каторжной тюрьме. И таких немало, — ответил Никольский.

— Ах... Да... Что делать...

И обратившись ко мне, спросил:

— Вы откуда, из какого города?

— Я поляк. Из города Лодзи.

— А... фабричный город...

— Да.

— На сколько лет вас осудили?

— Приговорили к смертной казни. Потом заменили на 20 лет каторги.

— Ага... За нападения...

— Нет... За политическую деятельность!

На том разговор и оборвался. Царь снова заинтересовался печкой. Мы с товарищем Никольским вышли.

— Ну что — как вам нравится царь?

— Откровенно говоря, не знаю. Впечатления от разговора — не лучшие. Ну, да не в этом дело. Я шел к царю не без предубеждения и не без злорачества. Это характерно для всех победителей, которые вдруг видят ненавистного врага поверженным. Для меня царь — это было что-то кошмарное. Мы никогда не думали о нем как о личности. Вы понимаете меня. Он и его помощники составляли для нас неразрывное целое, единое тело... И вот теперь я возвращаюсь от бедного, смирившегося со своей участью человека, бессилие которого просто поражает. Я ощутил то, что ощущает ребенок, который вдруг осознал, что страшный черт, которым его пугали — всего лишь рисунок на бумаге.

— Да-да...

— И знаете, я думаю: а не был ли тот образ создан скорее нашими врагами, чем нами? Для любого периода, когда властвует деспотизм, характерно, что личность, облеченную властью, окружают нимбом чрезмерного могущества и силы, а с другой стороны, против этой личности обращена вся ненависть тех, кто страдает. Этой личности приписывают роль некоего могучего общественного фактора, хотя по сути это, быть может, трагичнейшее существо под солнцем, существо, над которым история рано или поздно злобно посмеется.

— Да-да... Общество любит персонифицировать общественные силы — так же, как наши предки персонифицировали силы природы, казавшиеся им сверхъестественными.

Вскоре положение царя серьезно изменилось. После неудавшейся попытки государственного переворота, предпринятой генералом Козелкиным (? — так у автора), лозунг «Вся власть советам!» обретал все большую популярность среди солдатских и рабочих масс.

25 октября (6 ноября [так у автора]) большевики вторично предприняли попытку захвата власти, и на этот раз им удалось. Для своей защиты правительство располагало лишь кадетами и женским батальоном. Керенский покинул столицу.

Николай оставался в Тобольске до 25 (12) ноября. Сразу после того, как власть перешла к большевикам, товарищей Панкратова и Никольского отстранили, на их место прибыл большевистский комиссар. Царский паек был заменен солдатским. Полковник Кобелинский оставался на посту командира охраны, но никакой властью не обладал. Солдаты подчинялись только приказам местного совета и комиссара. Отношение солдат к царю тоже изменилось к худшему, а еще хуже оно стало, когда после демобилизации старого караула на его место заступили красногвардейцы. 20 апреля с отрядом красногвардейцев прибыл комиссар Яковлев и сообщил местному совету, что у него приказ — доставить царя вместе с сыном Александром (так у автора!) в Москву.

25 апреля Яковлев, представители местной власти и депутаты совета направились к царю. Депутаты и представители власти стояли перед губернаторским домом. Царь вышел, салютуя. Никто не ответил ему.

Царя вместе с сыном посадили на подводу, уложенную соломой, и отвезли на железную дорогу, так как Иртыш был скован льдом и пароходы не ходили. 30 апреля советская власть остановила комиссара Яковлева и царя в Екатеринбурге. Там царя и его сына заключили в тюрьму. 23 мая и все остальные члены царской семьи были отправлены из Тобольска в Екатеринбург. Там все они были казнены.

Людмила Софронова

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ РОМАНТИЗМА

Присуждение серебряной медали Российской Академии художеств доктору искусствоведения профессору Игорю Светлову — автору книг о скульптуре и живописи России, Польши, Венгрии, Румынии, составителю многих сборников, посвященных европейским художественным процессам, в числе которых особо назовем «XX век и пути европейской культуры» (2000), — за монографию «От романтизма к символизму. Очерки польской и венгерской живописи XIX — начала XX в.» дает основание вновь задуматься над стержневой ролью и этапах развития романтизма в этих разных, но имеющих определенную историческую общность художественных школах, и в немалой мере о европейских художественных связях.

Завотделом культуры Института славяноведения Российской Академии наук, доктор искусствоведения Людмила Софронова, давно и плодотворно занимающаяся полонистикой, высказывает свое мнение об этой книге, вызвавшей интерес в российских гуманитарных кругах.

Известный исследователь европейского изобразительного искусства XIX-XX веков Игорь Светлов выпустил в свет книгу, посвященную переключке эпох романтизма и символизма, представив их в окружении других стилей этих двух столетий. Его интересуют и академизм, и романтический реализм, и бидермайер, и салонное искусство. Его выбор знаменателен: между романтизмом и символизмом много общего. Эти стили существуют в едином времени культуры и даже как бы минуя, обходя реалистическое искусство. Они продолжают единую линию, где преобладает символическое видение мира.

Романтическое и символическое искусство представлено в книге на польском и венгерском материале, что тем более интересно, так как культура этих стран в последнее время стала гораздо меньше интересовать исследователей. Светлов доказал, что такое отношение несправедливо. Это искусство привлекательно само по себе, и вдобавок на его материале можно рассмотреть многие теоретические вопросы, важные для поэтики романтизма и символизма в целом. Своей работой И. Светлов с одной стороны объединил венгерское и польское искусство с другими европейскими искусствами, ввел их в большой западноевропейский круг, с другой — сумел выявить их национальные признаки, показав ведущее положение романтизма в Польше и Венгрии.

Вся книга проникнута внутренним пониманием живописи и шире — пониманием мировидения эпохи. Поэтому не только анализ, но и проникновение, вчувствование в смысл изучаемых им памятников помогают И. Светлову создать единую картину движения стилей, причем автор говорит о них, следуя правилам того времени. Имея четкую концепцию собственного видения искусства, он не навязывает ее читателю, не пытается увести его от произведений искусства к заранее заданной теории. Его задача состоит в другом: пойти путем, завещанным романтизмом, и показать ряд фрагментов — ведь фрагмент был главным средством философских и эстетических идей романтизма. Эти главы-фрагменты только на первый взгляд разрозненны — на самом деле они объединены общей сквозной идеей, идеей духа, которая лежала в основании искусства романтизма и символизма.

Автор полагает свою задачу в освоении символического языка романтизма и наследовавшего ему символизма. Он стремится передать многозначность устоявшихся вечных символов, показать сложение новых. В связи с этим хотелось бы отметить анализ работ польского художника П. Михаловского, в которых в разных вариантах присутствует символический образ белого коня, который, кстати, неожиданно оживает в кинематографе А. Вайды.

И. Светлов тонко чувствует сложность изучаемого им искусства, в котором противопоставляются друг другу смерть и жизнь, вознесение и падение, день и ночь, в котором все находится в движении: «Мир символизма, как и мир романтизма, внутренне подвижен, одухотворен остротой чувств и духовным искательством». Он извлекает на поверхность скрытые смыслы этого искусства, подробно разбирая работы польских и венгерских мастеров, выявляя в них постоянные мотивы, как, например, мотив схватки, сражения. Он постоянно показывает читателю колебания между сакральным и светским, а также то, как в этом колебании проявлялась национальная идея. Эта идея подана тонко, сквозь призму таких важных для изучаемых им стилей категорий, как история и природа.

История вызывает к жизни соотношение прошлого и настоящего, ставшее стимулом для создания исторических картин, в которых переживался национальный исторический опыт. И. Светлов прослеживает поиски польских и венгерских мастеров в решении исторической темы, отмечая, например, некое несоответствие между динамикой изображения героя и идиллическими картинами природы в венгерском искусстве на первом этапе развития исторических сюжетов.

Природа — как показывает автор — переживалась романтическим направлением, как космос, полный тайн, без проникновения в которые человек эпохи романтизма не мог состояться. Природа была одушевлена даже и тогда, когда служила для художника метафорой.

Рассматривая такой жанр, как портрет, автор находит в нем комплекс черт романтического героя, героя-аутсайдера, одинокого страдальца, а также поэта — излюбленного героя романтизма (цикл портретов А. Мицкевича кисти В. Ваньковича.), героя — носителя идеи власти («Апофеоз Наполеона» того же Ваньковича). Он показывает, как через портрет преломлялась идея духовного пути личности в историческом пространстве, как за судьбой индивидуальности просвечивало ощущение пути нации.

Не ушло от внимания автора и общее движение изучаемой им эпохи к синтезу, театрализации, которое выразилось в костюмированном натурализме венгерских исторических картин, сказалось в характеристике персонажа у Я. Матейко, склонного к созданию на полотне неких театральных действий, и в типе художественного пространства у А. Гротгера.

В книге И. Светлова есть также много других глубоких наблюдений над искусством Польши и Венгрии; автор сумел ввести их в историко-культурный контекст, который органически сплетен с искусствоведческим материалом. В этом достоинство рецензируемой книги, которая, без сомнения, привлечет внимание и специалистов, и читателей, любящих искусство.

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В декабрьском номере вроцлавского журнала «Одра» за прошлый год Кароль Малишевский, один из критиков, влияние которого на мнения читателей не подлежит сомнению, упрекнул литературу поколения, дебютировавшего на рубеже 80-90-х гг. в том, что она не отвечает ни читательским ожиданиям, ни ожиданиям литературной критики и остается подвешенной в экзистенциальном вакууме. Словно подтверждая этот диагноз, видный немецкий комментатор Марцель Райх-Раницкий, «патриарх» немецкой критики (кстати говоря, профессионально выросший в Польше, которую он покинул в 1957 г.), сразу по окончании Международной книжной ярмарки во Франкфурте-на-Майне, почетным гостем которой была Польша, заявил, что эта литература — конкретно он имел в виду произведения Магдалены Тулли, Ольги Токарчук и Анджея Стасюка — отстает от современных тенденций цивилизации, пропагандирует «жизнь в деревне», вдали от центров, и потому не способна сформулировать новые идеи.

Оба высказывания вызвали живейший отклик, причем большинство участников дискуссии, которая особенно динамично развивается на страницах «Одры», как будто разделяют взгляды этих критиков. К примеру, Юлиан Корнхаузер, один из самых известных представителей «поколения 68-го», соавтор (с Адамом Загаевским) тома эссе «Непредставленный мир» (1974), в статье «Литература и разочарования» пишет:

«Жаловаться на «ненужность» современной литературы неуместно. Вина лежит не на читателях, а на самих писателях — собственно говоря, на тех самых «молодых», о которых так шумит весьма значительная группа критиков. Нечего удивляться, что все от этой литературы бегут и она мало кого волнует, ибо не может предложить ничего значительного. (...) Сколько заботы проявляет Малишевский, чтобы побудить молодых к действию! Как он их науськивает, как покровительственно похлопывает по плечу, чтоб только высечь из дебиантов искру бунта во имя перемен и прогресса! Но это-то и есть мышление былой эпохи, эпохи политических переломов и поколенческих смен вахты. (...) Ибо что же в действительности осталось от литературы 90-х? (...) Довольно мало. Наверное — чувство разочарования. (...) Как удивительно, что только Марцель Райх-Раницкий так сильно выразил это разочарование! И как симптоматично, что наши защитники национальной гордости немедленно принялись укорять критика в незнании реалий и традиций. (...) Раницкий, отнюдь не какой-то рафинированный эссеист, а завзятый рецензент, хорошо ощутил смысл литературы последнего десятилетия, утверждая, что она бежала от современности в регионализм».

Что ж, не буду сейчас рассуждать о том, исключают ли друг друга современность и регионализм, ибо это вовсе не обязательно, да и не соотносится действительности: ни рассказы Стасюка, действие которых происходит на галицийской земле, ни роман Токарчук, связанный с Нижней Силезией, ни, в конце концов, творчество Казимежа Браконецкого, вырастающее из пейзажа Вармии и Мазур, или проза Артура Д.Лисковацкого, отыскивающая связи между прежним и нынешним Щецином, не отказываются от «современности», хотя видят ее заведомо иначе, нежели хочет ее видеть Корнхаузер, который, надо сказать, не оглашает своих критериев. Тем не менее приведем заключительные выводы Корнхаузера:

«Регионализмом можно назвать как тоску по созданию периферийных миров, так и бегство в область частного. Регионализм — это попросту расставание с художественной смелостью, которая основана на диагностировании современности всеми возможными способами. А кто действительно посмел за это взяться? Днем с огнем поискать. В сущности отсутствие интереса к современной литературе вытекает из отсутствия произведений по плечу эпохе».

И опять, разумеется, прямо подмывает ринуться в полемику. Неужели вступление в «область частного» — обязательно бегство? Неужели использовать регионализм как некоторый способ сохранения своего облика в мире, подвергающемся процессам «глобализации», значит отказаться от «диагностирования современности»? Подобные вопросы можно ставить и ставить. И, надо думать, они еще будут поставлены в этой дискуссии, тем более что выступление Корнхаузера, выдержанное в чрезвычайно эмоциональных тонах, прямо на это провоцирует. Хотя бы требованием «чего-то мощного» — что бы это такое могло быть?

Более сдержанно высказывается Михал Гловинский. Выступая в своей статье «Несколько замечаний, которые не новы» с позиций историка литературы, он сохраняет чисто профессиональное спокойствие:

«Я гляжу со стороны и замечаю нечто, что в европейской культуре функционирует со времен романтизма: молодой поэт — это существо, отвергнутое обществом, к которому он обращается и чьих восторгов ожидает (а обращается самым фактом того, что публикует свои вирши), существо непонятое, ибо никто не хочет внимательно прислушаться к тому, что он имеет поведать миру. Для начинающего поэта это драма, определяющая его экзистенциальную ситуацию и положение в мире, драма, заставляющая его страдать и единственная в своем роде. С моей же точки зрения, т.е. с точки зрения историка литературы, глядящего извне, эта драма тянется без малого двести лет и уже стала составным элементом нашей культуры».

Это наблюдение, безусловно интересное, дополнено сравнением первых десяти лет после обретения Польшей независимости в 1918 г. и последним десятилетием нового государственного суверенитета:

«Сразу констатирую, что все сопоставления оказываются не в пользу происходящего ныне. (...) В 1928 г. литература независимой Польши уже обладала большими достижениями; то, что принято называть молодой поэзией или молодой литературой, явилось в это десятилетие во всей своей полноте, о чем свидетельствуют программы и поэзия скамандритов, футуристов, поэтов краковского авангарда, а также разнообразные устраивавшиеся ими провокации, успешно обращавшие внимание публики на то, что они делают и кто они такие».

Наконец раздаются и замечания, не лишённые злорадства:

«Я, кстати, считаю, что литература становится серьезной, когда к ней не применяют эпитета «молодая» — даже если она создается 18-летними. Мицкевич дебютировал молодым, но никогда не был молодым поэтом. А если говорить о программных идеях, то в наше время они удивительно бледны. Бледной представляется мне и идея высокой поэзии, недавно выдвинутая поэтом среднего поколения — Адамом Загаевским. Боюсь, что все кончится патетической скукой».

Программу Загаевского я недавно представлял на страницах «Новой Польши», приводя фрагменты его эссе о «высоком стиле», и признаюсь, что суждение Михала Гловинского мне близко. Особенно если учесть, с каким трудом прорывается в Польшу на свет дня поэзия «чистого абсурда» — несмотря на высокое покровительство Станислава Баранчака, который одновременно переводит ее, описывает и популяризирует, — и если осознать своеобразную второразрядность «сатирической поэзии», рассматриваемой как «низшая» (на самом деле внимания заслуживает хотя бы знаменитое «Кабаре Кити-Коти» Мирона Бялошевского). Неудивительно, что в такой ситуации популярность — и даже одобрение самого Чеслава Милоша — снижало творчество, расположенное как раз посередине между «высокой» литературой и массовой культурой, такое, как представленные недавно нашим читателям стихи Яцека Подсядло и Павла Марцинкевича, поэтов, отлично овладевших техникой стихосложения, но обладающих довольно поверхностной жизненной философией. В прозе такая поэзия имеет соответствие в творчестве популярной в Германии Марии Нуровской или бьющей все рекорды успеха в России Иоанны Хмелевской. Надеюсь, не такую литературу имеет в виду еще одна участница спора на страницах «Одры», Анна Насиловская, которая заканчивает свою статью «Надо завоевать супермаркет» следующими словами:

«Будут ли вообще читать и замечать польскую литературу, зависит от прозы. Куда-то пропали (или вымерли) писатели, у которых была своя публика. Непрерывность оказалась прерванной, а читатели вместо книжной лавки идут в супермаркет. Польской литературе больше всего пошло бы на пользу возрождение жанра не слишком амбициозного романа — для той же публики, что смотрит сериалы. (...) Если иначе не выходит — надо завоевать супермаркет».

Но сумеет ли это «завоевание супермаркета» с помощью «не слишком амбициозного романа» привлечь внимание читателей на произведения Херлинга-Грудзинского или Конвицкого, автор как-то не объясняет. А жаль.

Дискуссия продолжается и будет продолжаться, ибо стало уже почти правилом, что критика жалуется на отсутствие «произведений по плечу эпохе» (в скобках спросим: а что в ней такого, в этой эпохе?), на отсутствие внимания читателей, на нехватку новых идей — всё как всегда. А статистический польский читатель потратил в книжных магазинах за первые шесть месяцев 2000 г. примерно 1,5 злотых (цена полкружки пива; сколько за это время он истратил на пиво, я не знаю), чему, впрочем, удивляться не приходится, так как цена книг по сравнению с заработками читающей публики (т.е. прежде всего интеллигенции) ужасающе выросла. Библиотеки постепенно рушатся — не в состоянии выдержать затраты на существование. И меня уже ничто не удивляет, ибо дотации на культуру составляют в Польше около 0,3% национального дохода, а на науку — систематически снижаются (последняя цифра — 0,43%, т.е. вместе с культурой меньше *одного* процента!). Притом и распределяются расходы довольно странно: на гуманитарные науки в Комитете научных исследований (КНИ) дается 74,37 млн. зл. в год, а на технические науки раздела «оборона» — 123 млн. зл., и не вполне понятно, почему эти деньги берутся не из военной части бюджета. Цифры привожу по статье председателя КНИ проф. Анджея Вишневского, озаглавленной «Дележ нищеты» и опубликованной в «Форуме академиком» («Академическом форуме», 2001, №2),

поэтому прошу не обвинить меня, чего доброго, в выдаче государственных тайн. Одно очевидно: гуманитарные науки нищают, нищает культура, а 2001 год в Польше провозглашен... — вы угадали, Годом культуры — очередное доказательство любви политиков к артистическим развлечениям...

Оставим, однако, злословие в стороне и займемся делами серьезными. Дискуссия о состоянии литературы, как мы видим, постепенно перерождается в дискуссию о состоянии самой литературной критики. И не без причины. При том, что в СМИ культура маргинализируется — а это можно наблюдать не только в Польше, но, например, и в Германии, — функции критики тоже легко претерпевают изменения. Об этом пишет Кшиштоф Келер в статье ««Предательства клерков» не будет» («Плюс-минус», еженедельное приложение к газете «Жеч-посполита», 2001, №6):

«Постепенно, пожалуй, секретом полишинеля становится тот факт, что в нашей литературе периода свободы ничего собственно крупного не произошло, а громкие и частые восторги СМИ по поводу средних или совсем неудачных книг были мотивированы всего лишь рыночными потребностями спроса и предложения. (...) Мой тезис состоит в том, что польской литературной критике (за малыми исключениями, если таковые существуют) не было чего предавать, ибо с самого начала, едва отбросив идущие еще со времен военного положения, так сказать, ангажированные, социальные, опирающиеся на ценности суждения о литературных произведениях, она согласилась на чтение литературы по обстоятельствам, в контексте. То есть, иными словами, она перешла на сторону риторики, превратившись не в диалог о произведениях, а в рекламную кампанию (рекламируя определенные круги, названия, групповые или идейные интересы). Не было никакого предательства клерков, ибо... не было клерков. С самого начала были только торговые менеджеры. (...) Пропаганда конформистского поведения привела к возникновению конформистской же литературы и культуры. Понятие о писателе как о том, кто на основе здравого смысла критикует коллективные мифы или общественные увлечения, заменено образом умелого ратора, который в совершенстве умеет вращать в горизонт ожиданий определенных кругов. (...) Если не будут предприняты попытки найти для словесности опору в каком-то, по меньшей мере имеющем цель, обращении к действительности и если не будет преодолен заколдованный круг риторики как писательской стратегии, мы будем осуждены, с одной стороны, на распыление, а с другой — на поиски риторически сильных инструментов убеждения (или на подчинение им). Иначе говоря, мне кажется, что ответ на вопрос о причинах кризиса или же о неподлинности литературной иерархии в современной Польше надо искать в бегстве от обращения к истине диалога о культуре. Кризис вытекает из зачарованности риторикой, которая присуща постмодернистской модели представлений о культуре и занятиях ею. (...) Если вместо стратегии убеждения принципом дискуссии о культуре и литературе станет истина, быть может, в результате мы получим смелую и важную для всех польскую литературу. Ибо в конечном счете признать, что существует единая и общая для всех истина, и сделать ее наличие постулатом развития также в той области человеческой деятельности, которая связана с культурой, — это единственное условие серьезного диалога».

На самом-то деле все обстоит как раз наоборот: диалог — условие того, чтобы в столкновении разных позиций, во взаимном наложении разных повествований обнаруживалась, да и то лишь на мгновение, истина. Пресная уверенность в том, что существует «единая и общая для всех истина», наверняка сделает диалог невозможным. Но это все равно не отменяет того факта, что все более часто, независимо от идейных позиций, занимаемых теми или иными авторами, встречаешься с убежденностью в кризисе польской литературы, в ее «бегстве» от тех или иных «обязанностей». Да только убежденность эту критика высказывает лет по меньшей мере пятьдесят, так что я бы особо не волновался. Тем более что, по-моему, есть что читать. Например, прекрасный эпистолярный роман Анны Болецкой «Милый Франц». И множество стихов — недавно у меня вызвал восхищение сборник Кристины Милобендской «Имясловь».

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ В Варшаве состоялось вручение премий польского ПЕН-Клуба за 2000 год. Премию за поэтическое творчество получил Ежи Фицовский, премию им. Ксаверия Прушинского за публицистику и репортажи — Тереза Торанская, премию им. Яна Стшелецкого — Барбара Скарга, а премию за издательскую деятельность — многолетний редактор парижской «Культуры» Зофья Герц.

◆ Во вторую годовщину смерти профессора Александра Гейштора прессе и широкой публике был представлен сборник статей и выступлений этого выдающегося историка «О культурном наследии». «То, что мы наследуем, — писал Гейштор 20 лет назад, — это духовное достояние. Оно сразу говорит о том, кто мы, способствует развитию нашего эстетического чувства, обогащает нашу личностную и коллективную индивидуальность, а нередко обладает и высокой экономической ценностью».

◆ «Вперед, в Европу — но вместе с нашими предками» — так называется последняя книга профессора Марии Янион, крупнейшего литературоведа и культуролога. Обращаясь к столь актуальной в сегодняшней Польше тематике европейской интеграции, Мария Янион напоминает, что общая Европа — это не только экономические связи, о которых говорится чаще всего, но и самобытный культурный багаж — пусть даже иногда обременительный. «Вступление в Европу» никоим образом не решит тех проблем, которые мы должны решить самостоятельно.

◆ В Тель-Авиве в возрасте 82 лет скончался Эдмунд Нойштейн. Он родился в Дрогобыче, после войны жил в Варшаве, а в 1957 г. выехал в Израиль. Там, в самом центре Тель-Авива, он основал польский книжный магазин, который существовал непрерывно на протяжении 40 лет. «Книготорговец — это не обычная профессия,

— говорил он. — Если у тебя есть книжная лавка, ты обязательно познакомишься с замечательными людьми». Его книжный магазин славился большим выбором букинистической литературы и, должно быть, самой богатой в мире коллекцией книг, посвященных еврейской культуре и истории.

◆ В списке польских литературных бестселлеров на первое место, ранее занимаемое Иоанной Хмелевской, вышла королева сатиры и юмора Стефания Гродзенская с книгой воспоминаний «Я уже ничего никому не должна». Следующие места занимают книги «Что-то кончается, что-то начинается» Анджея Сапковского и «Мать уходит» Тадеуша Ружевича. Что же касается переводов, то тут безраздельно царит Джоан К. Роулинг: на презентацию третьей книги из серии приключений Гарри Поттера — «Гарри Поттер и узник Азкабана» — собрались толпы поклонников маленького волшебника.

◆ В Интернете начал действовать сайт www.literatura.net.pl. После оплаты небольшого месячного абонемента можно заказать любое количество предлагаемых на сайте книг. Хотя на полках сетевого магазина есть множество произведений современной литературы, на удивление большим успехом пользуется первая польская хроника (летопись), составленная в начале XII в. автором, которого принято называть Галлом Анонимом. Для поляков за рубежом организован аналогичный сайт www.literatura.co.uk.

◆ В варшавском Музее литературы открылась выставка «Витольд Гомбрович: крупницы памяти». Экспонаты передала музею живущая во Франции вдова писателя Рита Гомбрович. Экспозиция весьма оригинально спроектирована: посетители как бы поднимаются по трапу на океанский лайнер, а личные вещи автора «Трансатлантика» соседствуют с фотографиями из семейного архива автора и, что создает особый контраст,

с работами романтика-патриота, художника XIX века Артура Гротгера.

◆ В связи с последними публичными скандалами, ареной которых стала галерея «Захента», министр культуры принял решение организовать художественные выставки в двух вызывающих наиболее горячие дискуссии варшавских выставочных залах — «Захенте» и Центре современного искусства. Это решение практически все восприняли как попытку ввести цензуру и ограничить свободу творчества. Похоже, что сам министр воспринимает цензуру только как политический инструмент и оправдывает этот шаг, говоря, что художественные выставки будут руководствоваться исключительно «содержательными критериями». При этом никому неизвестно, в чем эти критерии будут состоять.

◆ Между тем в «Захенте» открылась выставка, посвященная концептуализму — течению в искусстве 60-х годов. На выставке, которая называется «Вне схем: эксперименты шестидесятников», представлены произведения художников Восточной и Западной Европы, а также обеих Америк. «30 лет назад, — пишет Дорота Ярецкая, рецензентка «Газеты выборчей», — художники во всеуслышание заявляли, что их деятельность лежит вне сферы искусства, а сегодня их работы демонстрируются на выставках. Где здесь логика? Логика нет, а есть обычный порядок вещей: вчерашние бунтари годы спустя становятся законодателями. (...) Что же касается зрителей, то выставка доставит им удовольствие, если вместо того, чтобы задаваться вопросом, не пытаются ли их одурачить, они займутся такой увлекательной игрой, как расшифровка специфического языка этого направления в искусстве».

◆ Горячие споры вызывает выставка «Сцена-2000», открывшаяся в Центре современного искусства. На ней представлены самые интересные события минувшего года в польском искусстве. Экспонируются работы 33 авторов.

◆ В краковской «Стармах гэллери» открылась выставка «Хенрик Стажевский. Рельефы», на которой представлены работы одного из зачинателей польского абстрактного искусства.

◆ В Сопоте, на крупнейшей в Европе выставке работ французского художника польского про-

исхождения Ролана Топора, мастера абсурда и черного юмора, показаны более 200 картин, рисунков, графических работ и плакатов.

◆ В Польшу вернулись художественные работы Ежи Сколимовского. В начале своего творческого пути поэт, а впоследствии признанный кинорежиссер Сколимовский со все возрастающей страстью занимался живописью. «Живопись, — сказал он в одном из интервью, — представляет тебе роскошь одиночества. Кино — это борьба с людьми. Это индустрия, это завод. А здесь я наедине с самим собой и отвечаю только за то, что сам делаю».

◆ Важнейшим художественным событием в Польше стала крупная выставка живописи, скульптуры и рисунков импрессионистов и постимпрессионистов «От Мане до Гогена», основу которой составляет собрание парижского музея Орсе. Выставка начала свое путешествие по Польше в Варшаве, после чего она будет показана в Кракове и Познани.

◆ В непрекращающемся состязании двух важнейших оперных театров Польши победителем вновь стал варшавский Камерный оперный театр. Он представил на суд зрителей «Сороку-воровку» Джоаккино Россини в постановке Рышарда Перьга и Анджея Садовского. Между тем в Национальном оперном театре состоялась премьера оперы Станислава Монюшко «Страшный двор», классического произведения польского оперного искусства. Партию Мечника превосходно исполнил Адам Крушевский. Спектакль получился вполне приличным и местами даже трогательным, но, быть может, чересчур приглаженным и аккуратным. Это ощущается тем сильнее, что он заменил собой недавнюю постановку Анджея Жулавского, экспрессивную и морализаторскую, которая показала новому руководству оперного театра слишком неортодоксальной.

◆ VII Форум Лютославского открылся концертом, на котором были исполнены произведения Анджея Пануфника, Хенрика Гурецкого и Оливье Мессиана. По замыслу идейных вдохновителей этого мероприятия — Лютославского и Корда — оно должно было стать демонстрацией лучших образцов музыки XX века: как произведе-

ний, только успевших получить признание, так и прочно вошедших в классический репертуар современной музыки. Предполагалось, что Форум займет место на пограничье различных видов искусства и представит течения в живописи, литературе и кино, аналогичные существующим в музыке. В связи с финансовыми трудностями вторая часть замысла оказалась значительно урезанной, но в музыкальной части мы услышали множество интересных произведений и исполнителей. Кроме упомянутых выше, в программу вошли произведения самого Лютославского, Стравинского, Шостаковича, Сикорского, а среди исполнителей особое внимание обратили на себя Ольга Пасечник, английский пианист Пол Кроссли и голландский духовой ансамбль «Nederlands Blazers Ensemble».

◆ **«Пластическая сцена ЛКУ» при Люблинском католическом университете во главе с Лешек Модзиком — один из самых известных в мире польских экспериментальных театров. «Хотя афиши меняются, — говорит Модзик, — на самом деле я все время создаю один и тот же спектакль, герой которого — время». Новый спектакль театра — «Саван» — продолжает все ту же тему времени.**

◆ Оскар Корсуновас, литовский режиссер, который прославился спектаклями, поставленными по текстам русских сюрреалистов-обериутов, представил в варшавском театре «Студио» спектакль «Санаторий под Песочными часами» по мотивам прозы Бруно Шульца. «Творчество Шульца близко моим предыдущим увлечениям, — говорит режиссер. — Новый спектакль непосредственно продолжает мои прежние постановки по мотивам текстов обериутов и Булгакова. Благодаря Шульцу я осознал, что память — это творческий процесс... Шульц рассказывает нам, как в процессе созревания мы возвращаемся в детство. Детство — это время, когда мир не такой, каков он есть на самом деле, а такой, каким мы его создаем».

◆ **Очередной интересной и вызывающей противоречивые чувства премьерой в варшавском театре «Розмаитости» («Всякая всячина») стали «Вакханки» Еврипида в постановке Кшиштофа Варликовского. В трактовке режиссера темой античной трагедии стали вера и наказание,**

ниспосылаемое богами тем, чья вера поколебалась. Спектакль проникнут атмосферой любовной лихорадки, где бог Дионис в образе человека предается отнюдь не метафизическим забавам. Незабываемый образ создал актер Анджей Хыра, в свое время сыгравший главную роль в фильме Кшиштофа Краузе «Долг».

◆ «Центр драматургии», действующий при познанском Польском театре, организовал показ новейших образцов российской драматургии. Польская публика познакомилась со многими ранее ей неизвестными авторами, к которым относятся Николай Коляда, Василий Сигарев и Евгений Гришковец. «Главная черта моего героя, — говорит Гришковец, — это то, что он не обижается на время, в которое ему выпало жить... Он все помнит, но не обижается. Впрочем, я такой же. Когда я приезжаю в Москву, я знаю, что, как у человека без постоянной прописки, у меня могут быть проблемы с милицией. Поэтому я всегда ношу в кармане фотографию, где я снят вместе с мэром Лужковым. Милиционер видит эту фотографию и оставляет меня в покое. И тут не на что обижаться. В конце концов, это не его вина, что ему слишком много позволено».

◆ **На Берлинском кинофестивале польская кинематография была представлена фильмом «Вайзер» Войцеха Марчевского. Фильм поставлен по мотивам превосходного романа гданьского автора Павла Хюэлле «Вайзер Давидек». Марчевский перенес действие в Силезию, во времена своего детства. «Я хотел вырваться за рамки книги Хюэлле, — говорит режиссер. — Я хотел не просто инсценировать ее, но стремился найти собственные параллельные образы. Свой туннель, свои пейзажи. Поэтому меня так обрадовала реакция Павла после премьеры фильма в Гданьске, когда он взволнованно сказал мне, что, несмотря на изменение внешнего фона действия, фильм по-прежнему говорит о том, что для него в этом романе самое важное».**

◆ Между тем в Берлине и Варшаве Роман Полянский выбирает натуру для своего следующего фильма «Пианист». «Еще пять лет назад, — сказал режиссер на пресс-конференции, — я мог бы полностью снять весь фильм в Польше, например, на Праге [район Варшавы]. Сегодня там уже все вы-

глядит иначе. Воспоминания Шпильмана, прототипа главного героя, я воспринимаю как рассказ о чудесном спасении. В них есть какой-то необычайный, притягательный оптимизм. Но в то же время этот фильм — мое собственное путешествие во времена детства, во времена гетто. Я никогда ни с кем об этом не говорил, даже с отцом».

◆ **В городке Вшесня прошел фестиваль «Кинопровинциалии», на котором были показаны художественные и документальные кинофильмы, посвященные проблематике деревни и провинциальных городков.**

◆ На экраны польских кинотеатров выходит довольно необычный фильм. Картина «Что жизнь имеет смысл» была снята несколькими молодыми людьми, живущими в Пястовском микрорайоне города Зелена-Гура. Сегодня они создали любительскую киностудию, получившую название «Sky Piastowskie». Фильм «Что жизнь имеет смысл», постановка которого обошлась всего в несколько тысяч злотых, рассказывает о жизни в провинции, о наркотиках и об одиночестве.

◆ **В рамках сотрудничества Центра восточных исследований и кафедры этнологии Вроцлавского университета с Институтом гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия) вышел в свет специальный выпуск журнала «Литература людова», посвященный польско-якутским контактам в области этнологических и фольклорных исследований, проводившихся поляками на территории Якутии, а также истории якутов.**

◆ На кладбище заслуженных деятелей в Закопане состоялось открытие символической могилы Бронислава Пилсудского (брата Юзефа Пилсудского), известного исследователя коренных народов Сахалина. В 1991 г. на Сахалине был открыт памятник исследователю — в знак признательности российской науки за его достижения в области этнографии и языкознания народов российского Дальнего Востока.

◆ **Вроцлавский университет заключил соглашение о сотрудничестве с Томским педагогическим университетом. Это соглашение создает реальную базу для контактов томских ученых с вроцлавскими исследователями и опирается на польские научные традиции в этом сибирском городе. Принято также решение организовать в Томске научную конференцию «Поляки в истории и культуре Томска», посвященную многообразным контактам поляков с этим городом, восходящим иногда к XVII столетию, а также их роли в развитии цивилизации и экономики в этом старом сибирском научном центре.**

◆ Интернет все решительнее вторгается в область культуры. «Мы стоим перед лицом процесса замыкания в себе некоторых форм культуры, — пишет в «Газете выборчей» социолог Павел Браво. — Следует в значительной степени признать правоту постмодернистских теоретиков кризиса культуры. По самой своей сути мировая Сеть способствует рассредоточению обмена информацией по весьма многочисленным, параллельно действующим центрам. В таком окружении гораздо легче поставить под вопрос господство общепринятых вкусов и стилей... Тот факт, что каждый может простым и общедоступным способом публично выражать все, что ему придет в голову, сам по себе не является чем-то новым. Новизна Интернета, как средства массовой коммуникации, состоит в том, что ему изначально присуще равенство всех, кто пользуется им для размещения сообщений любого содержания».

Виктор Кулерский

ОН ПРЫГАЕТ С ТРАМПЛИНА, НАПЕВАЯ КОЛЯДКИ

Сначала он мурлычет под нос «Прибежали в Вифлеем пастухи...» или «Бог рождается, сила кружится...», а то, может, и какую другую колядку. Потом надевает лыжи, застегивает крепления... Разбег: в 6,2 секунды — скорость 100 км/ч (ускорение, как у спортивного автомобиля «Порше-911»), взлет с края трамплина вверх, и полет... высокий, дальний полет. Скорость — 100-120 км/ч. Это продолжается 6 секунд, иногда и больше. 132,5 м в Оберсдорфе — рекорд трамплина; 129,5 м в Гармиш-Партенкирхене — рекорд трамплина; 120,5 м в Инсбруке — рекорд трамплина; 134 м в Бишофсхофене — победа в Турнире четырех трамплинов; 212 м в Гаррахове, на трамплине, который называют «мамонтом», — рекорд трамплина и первое место на соревнованиях.

— Мечтали ли вы о прыжке на 200 метров? — спрашивают его.

— Нет, — отвечает Адам Малыш. — Но что-то подобное я мечтал пережить. Раньше я о таком только слышал. Теперь я и сам знаю, какое это замечательное ощущение, — и несколько позже добавляет:

ет: — Лететь очень приятно, но бояться все. Все мы видели несчастные случаи. Надо просто уметь справиться с нервами.

Затем выступления в Саппоро, Солт-Лейк-Сити, Веллингене с рекордом мира по длине прыжка, хотя это и произошло с «грубым нарушением пределов безопасности».

— Он с ума сошел, — говорит о Малыше австрийский лыжник Андреас Гольдбергер. А другие твердят: — Он не прыгает! Он летит!

Тренер немецкой команды Райнхард Гесс называет прыжки Малыша прыжками мечты.

— Там, наверху, — говорит Малыш, — я не думаю о победе любой ценой. Прыгаю для себя, сосредотачиваюсь на прыжке, чтобы как можно лучше оттолкнуться, а затем приземлиться. В моих прыжках нет расчета: я не задумываюсь, какой у меня перевес, сколько мне достаточно для победы. В прыжках с трамплина ни в чем нельзя быть уверенным до самого конца.

Наконец, Лахти, чемпионат мира, февраль нынешнего года, — сначала серебряная медаль на большом трамплине, потом золотая — на среднем.

— Я ужасно рад. Так приятно что-то сделать для Польши, завоевать золотую медаль.

Профессор Кшиштоф Эрнст, автор книги «Физика спорта», полагает: «Феномен Малыша, к сожалению, не объяснить законами физики». Сам Малыш считает: «Пожалуй, мне повезло с тренерами (...) я слушаю также советов докторов — психолога и физиолога. Благодаря им я и летаю так далеко». И еще: «Тех, кто спрашивает, в какой я форме, отсылаю к тренеру Тайнеру, к психологу д-ру Блехажу и физиологу проф. Жолондзю. Их задача — составить правильный план тренировок, а моя — выполнить его».

Аполониуш Тайнер, ценящий скромность и профессионализм Малыша, тоже говорит сдержанно: «Мы разработали технику сопротивляемости стрессу, изоляции спортсменов от внешних стимулов. Мы не любим об этом говорить, так как храним наши методы в тайне. За нами, — добавил он, — тщательно наблюдают. Расспрашивают, как мы тренируемся, что мы сменили в наших тренировках, а что оставили. Конкуренты хотят знать буквально все. (...) На многие вопросы мы по понятным причинам не отвечаем».

Проф. Ежи Жолондзь — выпускник тренерского факультета Академии физкультуры в Кракове. Там же он защитил кандидатскую. У него за плечами двухлетний стаж в Маастрихте и трехлетняя стипендия Европейского союза в Институте мышечной физиологии в Амстердаме. В Голландии же, в университете Врие, он защитил и докторскую. В 2000 г. он получил в Польше звание профессора. Его исследования и открытия в области мышечной физиологии и физиологии усилий изменили канон, царивший почти 70 лет. Оказалось, что мышцы строятся из трех видов волокон, отличающихся типом белка, от которого в свою очередь зависят сила и быстрота сжимания мышц. Тренировка прыгунов с трамплина теперь направлена на совершенствование двух из этих трех типов мышечных волокон, чтобы увеличить силу мышц без повышения веса тела. Сам проф. Жолондзь говорит об этом так: «На основе своих знаний о физиологии человека я разработал новую систему тренировки, не опирающуюся ни на какую до сих пор существовавшую школу и основанную на максимальном качестве тренинга. (...) Это тренировка силы, направленная на успешность отталкивания [от края трамплина]. У Адама установилось наилучшее соотношение между силой мышц и массой тела. Тренеры работали над техникой прыжков, а психолог Ян Блехаж — над головами спортсменов».

Д-р Ян Блехаж из Института психологии спорта краковской Академии физкультуры окружил Адама особой заботой в самый трудный для него период, когда к нескольким неудачным стартам прибавилось поражение на зимних Олимпийских играх в Нагано. Именно на это обращает внимание проф. Жолондзь, говоря об Адаме Малыше: «Он знает вкус поражения и победы. Он пережил страшные унижения, хотел бросить прыжки и заняться укладкой черепичных крыш: этой профессии он обучен». Д-р Блехаж научил Адама сосредотачиваться на старте как на задаче, а не на моменте соперничества; на личном удовлетворении, которое приносит удачный прыжок, а не на желании побить рекорд или получить медаль. Он также научил его противостоять внешнему давлению, проявлениям внезапно возросшей популярности. «Благодаря психологу ребята способны расслабиться перед прыжками, — говорит Аполониуш Тайнер. — Как? Например, напевая колядки по пути к трамплину».

Об этих-то колядках и спрашивала удивленная японская журналистка, услышав, как он что-то напевает перед стартом: «Что он поет?» Кто-то из польской команды спел ей «Прибежали в Вифлеем пастухи», и она записала это на магнитофон. Между тем японская телегруппа хотела снять передачу о влиянии анатомии прыгуна с трамплина на его достижения. Когда Малыша попросили снять тренировочный костюм, он отказался. Одна японка попросила его показать хотя бы ногу — одну, но целиком, до самого бедра. Адам поставил условие: пусть она первая покажет всю ногу, до самого бедра... Так нога Малыша и осталась загадкой для японцев.

— Я хочу получить медаль на чемпионате мира, — говорит Малыш. — Не обязательно золотую. Я не могу забивать себе голову тем, что любой ценой должен завоевать золотую медалью. Это было бы глупее всего.

А получив в Лахти серебряную медаль, он сказал:

— Неважно, что думают другие. Я своей серебряной медали страшно рад.

Сколько в этом врожденного простодушия и скромности самого Малыша, а насколько это результат работы д-ра Блехажа? Сам доктор высказывается не менее скромно:

— Адам, и правда, радовался серебряной медали. Он вообще радуется, прыгая, даже когда не выигрывает. Он радуется, когда у него получаются хорошие дальние прыжки.

Наверное, имеет значение и личный пример «докторов», как называет их Малыш. Оба не заработали на нем денег. Они работали с прыгунами с трамплина для своего удовлетворения, без ставок. Да и вообще с деньгами дело обстояло не лучшим образом. Жители Вислы, родного городка Малыша, в

складчину оплачивали его первые выезды, а предыдущий тренер Павел Микешка еще и доплачивал из своего кармана. Деньги к Малышу не шли:

— До сих пор я жил только на олимпийскую стипендию, полторы тысячи злотых. Может, это и немного, но во всяком случае больше, чем если б я работал в магазине.

А ведь у него семья — жена Иза и трехлетняя дочка Каролина.

— Хотел бы я построить дом, — мечтал Малыш. — У тестя с тещей нам живется отлично, но нужен же свой угол.

Теперь Адам, наверное, построит свой собственный дом, о котором мечтал, хотя построит его в мире, уже бесповоротно изменившемся.

— Вся эта шумиха вокруг меня ужасно утомительна. Мой мир перевернут вверх тормашками. Хотел бы я, чтобы вернулась прежняя безмянность, спокойствие. Но это невозможно.

Адам держит дистанцию по отношению к себе самому. На вопрос, какая разница между ним и его соперниками, он отвечает:

— Никакой разницы нет. Просто я прыгаю немного дальше, чем они. Может быть, я в лучшей форме.

... Мне казалось, что я буду
лететь вечно
Рис. Jacek Gawłowski

Или:

— Мне еще далеко до совершенства. Мои восемь побед в этом сезоне могут вызвать иллюзию, будто я уже все умею. Это не так. Я делаю ошибки. Я все еще несовершенное существо, и мне есть над чем работать.

Думая об Олимпийских играх, он говорит:

— Я до сих пор не заработал ни одной олимпийской медали — а это самое прекрасное для спортсмена.

О соперниках он говорит с признательностью и симпатией:

— Для меня большая честь то, что меня сравнивают с Мартином Шмиттом, который дважды завоевал Кубок мира и дважды был чемпионом мира. Между нами нет ни зависти, ни неприязни. Мы со Шмиттом нравимся друг другу и хотим сражаться только спортивно. Он сам после соревнований в Хакубе сказал, что предпочел бы остаться после того прыжка без поддержки, потому что тогда борьба шла бы на равных. Мне жаль было Мартина в Саппоро, где он не попал в число 30 финалистов.

Для своей дочки Адам получил от Мартина фиолетовую фирменную шапочку «Милка».

В Гаррахове Малыш просил прощения у зрителей за польских болельщиков.

— Мне было стыдно за них, — говорит он. — Они освистывали моих товарищей — Шмитта, Ахонена и других. Так нельзя: в Австрии и Германии меня принимали восторженно — того же [в отношении к другим] я жду и от поляков.

Он с удовольствием вспоминает японцев:

— Я люблю прыгать в Японии. Каждому прыгуну их прием — как допинг, каждого принимают тепло. Иностранцев никто не освистывает. Царит домашняя атмосфера. Кто ж не любит, чтобы его любили?

Какой он, Малыш? 168,3 см роста, 53 кг веса. 22 декабря 2000 г. ему исполнилось всего 23 года. Вероисповедание: аугсбургский евангелик. За его плечами — неполная средняя школа, двухлетнее

профтехучилище и чемпионат мира. Это золотой и серебряный медалист, который, как говорят, не прыгает на лыжах, а летает на них по воздуху. Однажды он заметил, что так или иначе ему на роду было написано смотреть на крыши сверху. Его девиз — «Быть самим собой и не валять дурака». Его жизненный идеал — папа римский Иоанн Павел II.

Вот что Малыш говорит сам о себе в ответах на стандартную анкету:

Главные черты характера:
спокойствие и впечатлительность.

Чего я ищу в мужчине:
понимания и поддержки.

Чего я ищу в женщине:
ничего не ищу, потому что женат.

Что я ценю у друзей:
поддержку в трудные минуты.

Главный недостаток:
слишком впечатлителен.

Любимое занятие:
быть с семьей — с женой и дочкой.

Кем бы я хотел быть, если бы не был тем, кто я есть:
человек сам не выбирает — его предназначение от Бога.

Чего терпеть не могу:
сплетен и дотошного любопытства.

Талант, которым я хотел бы обладать:
быть ясновидцем или знахарем, который помогает людям.

Ошибки, которые легче всего прощаю:
любые, потому что Бог велит прощать.

Когда Адам Малыш вернулся из Лахти, на варшавском аэродроме Окентье его встречали толпы народа, телевидение, цветы, пение «Многая лета».

— Не могу поверить, что столько людей пришли меня встречать, — говорил он, и щеки у него дрожали от волнения.

Из Варшавы в родную Вислу он полетел президентским вертолетом.

— Я впервые сел в вертолет, но летелось хорошо.

Два дня спустя Адам не появился на чемпионате Польши в Щирке. Он простудился в Лахти, температурил после финских морозов. Его лечили антибиотиками. Пятитысячная толпа освистала отсутствующего спортсмена. 9 марта 2001 года в Трондгейме он завоевал Кубок мира.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редколлегия журнала «Новая Польша»!

Разрешите сказать несколько слов о себе и о своем отношении к журналу.

Польша меня интересовала всегда. Мой отец (Ян Кантер, подлинное имя – Кароль Фишлер) был родом из Кракова. В России – СССР жил с 1922 г. по день смерти. Был расстрелян в 1938 г. как «враг народа», затем реабилитирован.

В 60-е гг. молодежь, в том числе и я, с интересом читала журнал «Польша» (на русском языке). Впоследствии, когда я немного подучил польский, читал «Пшекруй».

В 1967 г. провел месяц в Польше в качестве гостя тети – родной сестры отца. Множество раз обошел Краков (за три недели), до сих пор считаю его интереснейшим, красивейшим городом, близким мне по духу. Был в Варшаве (одну неделю), Закопане, Освенциме, Величке... Облазил музеи, побывал на выставках современного искусства (тогда в России ничего подобного не было), в театрах, посмотрел фильмы Р.Полянского. Польша была для меня «плоточком» гласности, даже свободы по сравнению с СССР.

Недавно мне удалось прочесть несколько номеров Вашего журнала (№№ 2, 3, 6, 7-8, 9 за 2000 г.) Прочитал все с большим интересом.

«Встречают по одежке...» – с этой точки зрения, журнал очень хорош, полиграфически безупречен. И в то же время разнообразен по содержанию, целеустремлен по идеям. Прекрасен в нем русский язык, и с этой точки зрения читать его – большое удовольствие. Адресован он русскому читателю достаточной степени развития и интеллигентности – браво!

В создании журнала принимают участие интереснейшие писатели, артисты, историки, социологи, философы, как польские, так и российские – А. Вайда, Д. Ольбрыхский, С. Мрожек, В. Аксенов, А. Домогаев... Встречи с ними очень духовно обогащают. Содержательны новости политической, социальной, культурной жизни. Много поэзии (В. Ворошильский, Т. Ружевиц). Очень привлекает поэтическая и переводческая работа Н. Горбаневской, безусловно, знакомой личности для российской интеллигенции.

Отмечу еще некоторые моменты:

- Мысли, воззрения польских философов, мыслителей (многих, увы, уже нет): Р. Капусцинского, Г. Херлинга-Грудзинского, Ю. Тишнера, Б. Скарги, Л. Колаковского и др.

- Материалы о Карском.

- О работе Ю. Тувима над переводами Пушкина.

- Естественно, почти непрерывная тема Катыни – трагедии человечества из того же ряда, что и Холокост, Гулаг, геноцид армян (ведь дело не в абсолютном количестве жертв, а в сути).

- Интересна презентация книги К. Курчаб-Редлих «Пандрешка» (прошло и весьма представительное обсуждение книги в Польском культурном центре; очень хотелось бы увидеть эту, конечно, незаурядную книгу в русском варианте).

- Чрезвычайно интересен материал этой журналистки о Зорях (отце и сыне) – выдающихся людях с трагической судьбой отца и неутомимой правозащитной деятельностью сына (тоже, увы, покойного).

- Объемны материалы о разноплановых связях Польши и России: здесь и судьба поляков, живших в России в различные времена, здесь и оценка отношения к своим литературным персонажам – полякам Ф. Достоевского и Л. Толстого (к Достоевскому у меня особое, хотя и не слишком оригинальное, отношение: я совершенно не приемлю его национализма, ксенофобии, независимой от того против кого она направлена – против поляков или евреев. Совсем иной подход у Л. Толстого; хорошо, что журнал пишет об этом и не сравнивает, а просто разводит русских классиков в разные стороны).

- С интересом читал я и «Суд над XX веком». Здесь хорошо сделанный материал, точно выбрана и форма иллюстраций, как в американском суде присяжных – никаких фото, только зарисовки.

Еще о многом мог бы я написать, но ведь журнал этот читаем, и вряд ли требует подробного читательского-дилетантского разбора.

Закончу заметки тем, что поблагодарю редколлегию, авторов, издателей и пожелаю им долголетних творческих успехов. Хотелось бы и впредь читать это прекрасное издание. Спасибо.

Все-таки рискну послать, преодолев понимание несопоставимости масштаба стихов, печатающихся в журнале, и своих, два старых стихотворения из «Польского цикла» (1967). Извините за нескромность. Рядовой читатель и почитатель журнала.

Лиян Контер

Варшава – город счастливый,
И тем пронзителен траур.
В печали склонились ивы.
В гневе замер мрамор.

Здесь каждый метр дорог
Болью живой и мертвой:
Здесь растерзан сорок
Третий и сорок четвертый.

Здесь захлебнулась кровью
Видавшая виды Висла.
Здесь даже самый робкий
Героем становится.

Здесь граница Польши.
Здесь в карауле память.
Не забывать о прошлом –
Будущему не падать!

1967

Подросток? Женщина? Старик?
Не различить. Глядит со стен
Одно лицо. На всех – одно лицо!
Я слышу гул. Я слышу крик:
Кричат веками, кричат из стен
Четыре миллиона мертвецов.

Горячим ртом ловлю циклон.
Немеет мокрая спина.
Перемешались ненависть и страх...
Освенцим. Ясно и тепло.
Экскурсовод торопит нас
Приехавших сюда из разных стран.

1967

ПОЛЬСКИЙ ФОНД ЛИТЕРАТУРЫ

Польский фонд литературы является программной организацией
Центра международного сотрудничества в области культуры
Института Адама Мицкевича (ИАМ) .

Целью фонда является поддержка публикации польской литературы в переводах на иностранные языки. Предпочтение отдается публикации художественной литературы, эссе, документальной литературы и изысканий в области гуманитарных наук.

Фонд может покрыть:

1. до 100% стоимости покупки лицензии
 2. до 100% стоимости перевода произведения с польского языка на иностранный.
- Заявки могут быть направлены издательством, которое заказывает перевод польской книги и будет ее издавать.

Издатель обязан представить:

- заполненный бланк Фонда
- копию подписанного лицензионного соглашения (или копию предварительного договора)
- копию контракта, подписанного с переводчиком (или копию предварительного контракта)
- текущую программу издательства и характеристику издательства
 - библиографию переводчика
 - краткую мотивировку выбора данного произведения
 - подробную смету и план финансирования публикации, а также способы ее распределения.

Литературная группа ИАМ осуществляет формальную проверку предложений.

Предложения и приложения следует направлять по адресу группы:

Zespół Literacki IAM Willa Decjusza ul. 28-go Lipca 17a PL 30-233 Krakow
тел: +48(12)6254323 факс:+48 (12) 625 42 32 e-mail: p1f@polska2000.pl

Предложения издателей рассматривает группа экспертов. Окончательное решение принимает директор Института Адама Мицкевича.

Бланк Фонда можно приобрести при посредничестве Литературной группы ИАМ (а также в Интернете: www.polska2000.pl).

Институт Адама Мицкевича **не обязан подписывать контракт** с каждым издательством, приславшим заявку.

Институт Адама Мицкевича может в любой момент приостановить деятельность Польского фонда литературы без объяснения причин.

Претензии в судебном порядке исключены.

Рис. А.Млечко
www.mleczo.onet.pl

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

М. Вильк: Иду дальше Карельской тропой

В. Бересь: Газетный киоск

Д. Ольбрыхский: Как ужиться с соседом?

А. Ермонский: Вы Гомбровича не читали?

Е. Стемповский об интеллигенции

Я. Видацкий: О Юлиуше Мерошевском

М. Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р. Пшибыльский: Об И. Бродском, А. Ахматовой, О. Мандельштаме

К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к концу столетия с

П. Герцем, Б. Скаргой и др.

Наши за границей: А. Северын, Ю. Хурвиц, П. Слонимский, В. Пшоняк, З. Рыбчиньский, Я. Котт, А. Холланд, Р. Полянский, Э. Щепаник А. Кживицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Твардовского, Шимборской, Бялошевского и др.

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского,
Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша» распространяется безвозмездно.

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № 77-1063 от 03 ноября 1999 г).

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культура, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

PIRUCH MUZYCZNY

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

LITERATURA na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374